

Э
(199)

М. П. Мchedлов

**РЕЛИГИЯ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

М. П. Мchedлов

**РЕЛИГИЯ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

Мчедлов М. П.
М93 Религия и современность.— М.: Политиздат, 1982.— 272 с.

Автор книги, доктор философских наук, дает глубокий марксистский анализ новейших религиозных социологических, этических и социально-политических концепций, показывает процесс модернизации религиозных институтов, раскрывает роль религии в освободительном и общедемократических движениях наших дней, а также в современной идеологической борьбе.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов вузов, пропагандистов и всех, кто интересуется вопросами религии и атеизма.

М $\frac{0400000000-282}{079(02)-82}$ 247—82

86.3
29

Еще несколько десятков лет назад представлялось, что такие специфические явления и институты, как религия и ее организации, сдавая свои позиции под натиском научного познания и общественного прогресса, перестают быть факторами национальной общественной жизни, мировой политики, не смогут впредь оказывать на них сколько-нибудь серьезное идеологическое воздействие. Будучи рудиментарными явлениями, они-де доживают свой недолгий век в забытых богом и не затронутых цивилизацией захолустных уголках планеты или в сознании старших поколений людей. В принципе это суждение правильное, ибо в нем верно отражается (точнее, предвосхищается) объективная неизбежная историческая тенденция, но только в принципе и только как тенденция.

Реальность наших дней вносит коррективы в подобного рода поспешные суждения. В первую очередь это касается исторических сроков и масштабов функционирования религии, степени ее нынешней активности и воздействия на социально-политическую обстановку в различных странах, а также на некоторые международные дела.

Сегодня не только профессиональные политики, специально анализирующие международные отношения, не только ученые, изучающие все нюансы общественной жизни и

массового сознания, но и каждый читатель газет, слушатель радио, зритель телепередач может наблюдать, что наряду с общим ослаблением позиций религии происходит заметная активизация религиозных учреждений и организаций; последние непосредственно и порой довольно деятельно стараются участвовать в решении целого ряда актуальных проблем современности. Это можно наблюдать в разных регионах, в странах с различным социально-политическим строем, историческими традициями, культурой, в государствах, где распространены различные вероисповедания — ислам, иудаизм, католицизм, протестантизм, буддизм и т. д. И это касается самых разнородных сфер общественной и личной жизни — вопросов войны и мира, мирного сосуществования государств с различным общественным строем и нравственных устоев общества, антиимпериалистической борьбы и социально-политических принципов, быта, личной совести и ответственности граждан, научного познания и т. д.

Деятельность, политика религиозных организаций, особенно тех, которые охватывают своим влиянием десятки миллионов людей, обладают мощным и разветвленным пропагандистским аппаратом и имеют многовековой опыт идеологического воздействия на широкие массы, не может не привлечь внимание ученых-обществоведов, политиков. При анализе этой деятельности наиболее актуальными, разумеется, являются вопросы: чем объяснить современную повышенную активность религиозных организаций, на достижение каких целей она направлена, каков политический и идеологический эффект их активности?

Рассмотрение этого круга вопросов представляет не только академический, сугубо научный интерес. Тут в одном узле перекрещивается ряд проблем, к которым не может безразлично относиться ни одна сколько-нибудь разработанная общественно-политическая теория, ни одно общество. И особенно, разумеется, марксистско-ленинская теория, всесторонне раскрывающая объективные тенденции

и закономерности развития сознания и общества; и социалистическое общество, опирающееся на научные принципы организации и осуществляющее диалектико-материалистическое, коммунистическое воспитание широких масс населения.

Что касается религиозно-апологетической литературы и пропаганды, как и ряда направлений светской буржуазной идеологии, то они, гипертрофированно представляя и превратно толкуя отмеченные реальности наших дней, с деланным энтузиазмом пишут о «религиозном буме», «ренессансе ислама», «о значительно возросшей роли» католицизма в современной мировой политике, об «укреплении» позиции религии при социализме, о религии как «вечном знамени» освобождения и прогресса и т. д. Все эти версии ими используются для подтверждения тезиса о неизменности освободительных потенций религии, о неискоренимой потребности в них людей во все времена, во всех регионах, во всех обществах. Более того, особая потребность в ней возникает-де в наш век бурного научно-технического прогресса, быстрой урбанизации, противоборства двух общественно-политических систем, развертывания массовых освободительных движений, угрозы войны с использованием средств массового уничтожения и т. д. Короче говоря, логика рассуждений сводится к следующему: современный человек переживает ломку старых устоев жизни, убыстрение ее темпов, ее известную рационализацию, даже некоторую стандартизацию, как и опасности больших людских потерь в условиях современной войны, тяготы экологического кризиса и т. д. В целях амортизации этих и подобных им угнетающих и подавляющих человека реальностей нашего века последний должен получать компенсацию духовного и нравственного характера. А это как раз якобы призваны выполнить «вечные» и «неизменные» духовные ценности религии. Что же касается широко развернувшихся в наши дни национально-освободительных движений, социальных революций в разных формах, то тут религия-де

выступает как единственно разумное, вдохновляющее на справедливые деяния учение.

Эти же идеи одновременно используются для доказательства «неправильности» марксистских воззрений по религиозному вопросу. Поскольку религия поныне функционирует, хотя и по-разному, и при капитализме, и при социализме, ею вдохновляются участники ряда социально-прогрессивных, даже революционных, движений, национально-освободительной борьбы, то не оправдался-де марксистский прогноз об исторических судьбах религии, ее изображение как социально и идеологически консервативного явления. На этот счет имеется большая литература — социологическо-исследовательская и массово-пропагандистская, издаваемая в больших и малых несоциалистических странах. В качестве примера можно, в частности, назвать книги датского ученого Кая Могенсона, занимающегося исследованием роли церкви в современном мире. Так, в изданной в 1977 г. книге «Опиум для народа?» он, отталкиваясь от справедливой посылки о том, что религия «активно приспособляется к быстро меняющимся условиям жизни современного общества», стремится обосновать неправомерный вывод о «непреходящем значении» церкви в обществе. Необъективное истолкование фактов из жизни стран ряда регионов планеты как раз и выступает для автора основанием подвергать сомнению марксистские положения о сущности религии, причинах ее существования.

Итак, мы вкратце очертили контуры реальной проблемы, требующей осмысления, научного анализа со стороны марксистов-ленинцев. Многочисленные попытки светских и религиозных авторов буржуазных стран дать этой проблеме ненаучные и даже антимарксистские трактовки лишь подчеркивают актуальность диалектико-материалистического объяснения причин активизации религии (при общем ослаблении ее позиций) в сегодняшнем мире, объяснения причин участия широких масс людей под религиозными ло-

зунгами в различного рода освободительных, в том числе революционных, движениях.

Далее. Актуальность проблемы обусловлена не только необходимостью осмысления отмеченных объективных явлений, выявляющих реальное положение и роль религии в современном мире. Тут выдвигаются на первый план и другие вопросы, порожденные уже реакцией деятелей религиозных организаций на всю современную обстановку, отличающуюся бурным развитием науки и техники, распространением образованности, свободомыслия, материалистических и секуляристских воззрений, общим подъемом масс, подъемом рабочего и национально-освободительного движения, образованием десятков молодых государств на месте старых колоний и полукolonий, укреплением позиций мирового социализма и т. д. Современная эпоха — эпоха перехода к социализму и коммунизму в мировом масштабе, который сочетается с развертыванием научно-технической революции, не может не влиять на сознание и поведение верующего, на содержание религиозных систем, на политику и идеологию религиозных организаций. В результате, как известно, эволюционирует любая религиозная система, модернизируются различные стороны культа, догматики, организации. Без учета современного состояния религиозного феномена, сегодняшних характеристик индивидуального и массового религиозного сознания трудно понять модифицированную политику и тактику руководства религиозных организаций, равно как и мотивы, поведение, социальные действия масс верующих. Речь, таким образом, идет как о новой объективной ситуации наших дней, так и об обновленном — богословском и обыденном — религиозном сознании, их взаимоотношениях.

Наконец, большую политическую и идеологическую актуальность рассматриваемому кругу вопросов придает негативное, а нередко и воинственно-враждебное отношение ряда руководителей церковных организаций и учреждений к главному событию XX в., изменившему ход человеческой

истории,— к рожденному Великой Октябрьской революцией социалистическому обществу. Нынешнее поколение людей — свидетели неуклонного укрепления позиций реального социализма, все полнее раскрывающего свои гуманистические потенции во имя развития трудящегося человека, широких народных масс и привлекающего тем самым к себе симпатии, думы и надежды все новых и новых масс людей. Именно поэтому старый мир, международная реакция используют всевозможные средства — военные и экономические, политические и идеологические,— чтобы как-то остановить победное продвижение социализма, чтобы вызвать недоверие, враждебные чувства и отношения к его теории и практике.

В наши дни, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «фактом является и заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление.

Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма.

События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»¹.

Этот метод изощренной и коварной подрывной идеологической деятельности активно используется и в рассматриваемой в данной работе сфере. Более того, здесь имеется довольно удобная для антисоциалистических сил возможность прикрывать свою подрывную деятельность благовидными мотивами. Поскольку важным критерием демократизма и гуманизма любого государства, каждого

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

общества, особенно начиная с нового времени, является решение им деликатных вопросов, касающихся личной совести каждого гражданина (речь идет о проблемах свободы совести, отношения к верованиям или неверии граждан, к вопросам религии, церкви и атеизма), то противники основных принципов социалистического общества (впрочем, не только из числа правых деятелей различных церквей, но и представителей светской реакции) стараются спекулировать именно на этих вопросах. Стремясь вызвать неприязнь к социалистическому коллективистскому устройству общественной жизни, «отпугнуть» от него (и от освободительных революционных движений) массы неосведомленных людей, они представляют в качестве его необходимого атрибута притеснение верующих людей, преследование религии, административно-правовое запрещение любой религиозной организации. Фальсификация сути марксистско-ленинской теории и практики по религиозному вопросу, атеистическому просвещению осуществляется путем использования религиозных проповедей и широкой печати, кино и телевидения, театра, других средств массовой информации. Но на одном довольно примечательном примере уместно остановиться. Автору этих строк довелось посетить выставку «Церковь — мученица в странах коммунизма», которая была организована в Риме по инициативе «Центра по исследованию коммунизма» в период проведения XXI Вселенского собора католической церкви. Тут были использованы особые средства воздействия на психику и чувства посетителей, с тем чтобы привить им антикоммунистические настроения и взгляды. Достаточно отметить, что здесь их встречала траурная музыка, а все демонстрируемое как бы находилось за колючей проволокой... Подобные пропагандистско-психологические эффекты дополнялись такой комплектацией стендов выставки, которая фальсифицировала историю и современность и представляла последователей атеистического мировоззрения в качестве насильников, варваров, развратников и т. д.

К сожалению, нельзя сказать, что подобная пропаганда не оказывает своего воздействия на определенные слои населения. При этом чем они более отсталые, чем меньше приобщены к грамоте, образованию, к знаниям о действительном положении дел в мире, к освободительной борьбе, тем больше вероятность разжигания среди них фанатичной вражды к атеистам, коммунистам, к социализму. Некоторые явления из жизни сегодняшнего Среднего Востока, ряда арабских, европейских и других стран — наглядное тому подтверждение.

Наряду с настоящей политической и идеологической необходимостью рассеять завесу заведомой дезинформации, создаваемой политическими недругами социализма, важно учитывать и следующее обстоятельство. Определенная часть верующих, живущих в несоциалистических странах и поддерживающих социалистические принципы общежития, все еще в той или иной мере остерегаются атеизма. Они искренне хотят разобраться в действительном взаимоотношении веры и коммунизма, ясно представить свою возможную судьбу в условиях социалистического общества. С этой тенденцией автор этих строк имел возможность воочию встретиться, в частности, на международном семинаре (встрече христиан и марксистов), состоявшемся летом 1979 г. в г. Сальчебадане (под Стокгольмом) и организованном Международным институтом мира в Вене, Центром по исследованию проблем мира Венского университета при поддержке лютеранской церкви Швеции. Многих участников встречи — представителей различных христианских (протестантских, католических, православных) организаций стран Старого и Нового Света — интересовали кардинальные социальные и политические проблемы именно в их связи с материалистической идеологией, особенно положение с веротерпимостью в условиях нового общества. Как правило, отталкиваясь от насаждаемых буржуазной пропагандой вульгаризированных представлений о марксистском подходе к верующим как «непременным реакционерам»,

они не могли объяснить совместное участие атеистов и верующих в революционном движении и созидании нового общества.

Таким образом, в наши дни целый комплекс объективных условий и субъективных факторов обуславливает актуальнейшую потребность раскрывать вопросы, связанные с положением религии в современном мире, активизацией ряда ее организаций, действительную суть марксистско-ленинского подхода к религиозному феномену, участие верующих масс в прогрессивных движениях и т. д. Повторяем, это особенно важно сегодня, поскольку эволюционирует каждая религиозная организация, меняется содержание религиозной пропаганды, меняются под воздействием научно-технического прогресса, принципиальных социальных перемен умонастроение и кругозор верующих людей, поскольку наблюдается самый пестрый спектр воззрений среди участников массовых освободительных движений, часть которых при прогрессивном социально-политическом содержании проходит под религиозными знаменами и лозунгами.

Разумеется, сколько-нибудь исчерпывающее раскрытие указанных вопросов в рамках одной работы невозможно. Тема обширна, сложна и нуждается во многих специальных исследованиях, посвященных конкретным проблемам, разновидностям религии, с учетом специфики регионов и т. д. Здесь же рассматриваются лишь некоторые актуальные тенденции и процессы, которые автору этих строк представляются сегодня особенно важными.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ

Если правильно изречение о том, что история любит парадоксы и часто их порождает, то это сегодня можно было бы проиллюстрировать на примере взаимоотношений некоторых массовых социальных движений и связанных с ними идеологических систем. В самом деле, не всегда и не везде прогрессивные действия и движения сопровождаются и вдохновляются прогрессивными же идеологическими концепциями, равно как и реакционные социальные движения не всегда используют откровенно реакционные идеологические постулаты.

Для марксистов-ленинцев очевидно, что каждый подобный парадокс имеет свои причины. Историческому развитию чужда прямолинейность; история сложна и многомерна, на ее конкретный ход влияют многие объективные и субъективные факторы. И это лишь подчеркивает необходимость научного, всестороннего анализа массовых движений, учета конкретных условий, специфики страны и региона, где они имеют место, особенностей этапа развития и классового их содержания.

Подобный научный, классовый подход особенно необходим сегодня при анализе сферы массового сознания, поскольку в историческом соревновании и противоборстве противоположных социально-политических систем империалистические круги ныне, как и прежде, используют раз-

личные идеологические средства, пытаясь воспрепятствовать дальнейшему распространению научных идей о сущности и ходе исторического процесса, развитии реального социализма. Поэтому в борьбе против старого, реакционного мира первостепенное значение имеет аргументированное развенчание тех теорий и концепций, которые в той или иной форме заняты апологией буржуазных отношений, капиталистического образа жизни, препятствуют объективному пониманию законов общественного развития, сковывают творческие потенции личности, трудящихся классов, народов.

Разумеется, и сегодня в полной мере оправдывается обоснованное марксизмом-ленинизмом положение о том, что противоборство коммунистической и буржуазной идеологий есть отражение борьбы классов, борьбы рабочего класса, всех трудящихся за ликвидацию эксплуататорского строя, за социальное освобождение личности и свободное развитие всех народов, отражение существования двух противоположных социальных систем — социализма и капитализма. Антагонизм противоположных классов и систем обуславливает и непримиримость, антагонизм противостоящих друг другу идеологий, выражающих коренные интересы этих классов.

Именно поэтому коммунисты считают своим историческим долгом и обязанностью донести до сознания самых широких народных масс правду об истинном содержании марксистско-ленинской идеологии, о гуманистических завоеваниях социалистического общества, его принципиальном превосходстве над реакционной системой империализма, вызывающей ненависть трудящихся, которым он несет гнет, эксплуатацию. Питать какие-либо иллюзии относительно возможности ослабления целенаправленной борьбы идеологов империализма против теории и практики коммунизма значило бы закрыть глаза на объективные классовые противоречия в капиталистических странах, пренебречь реальным положением дел на планете, где идет про-

выборство двух общественно-экономических формаций. Новая формация, особенно в период развитого социализма, когда, как подчеркивалось в Отчетном докладе КПСС XXVI съезду партии, завершается перестройка всех общественных отношений на внутренне присущих нормам строю коллективистских началах, наглядно демонстрирует свои исторические преимущества во всех сферах общественной жизни, возможности наиболее разумного и гуманистического решения проблем личности и общества, взаимоотношений народов и наций, общественной организации труда, управления, приобщения широких масс к руководству всеми делами общества и государства и решению экологических и других кардинальных проблем человеческого бытия.

Созидание нового общества сознательно осуществляет-ся согласно принципам научно-материалистического мировоззрения; это во многом способствует тому, что марксистско-ленинская идеология ныне стала подлинным властительным дум передового человечества, надежным компасом настоящего познания и революционного изменения мира. Ее решающее воздействие на сознание и чувства людей в решающей степени определяется тем, что она глубоко объясняет суть коренных социальных преобразований XX в., открывает объективные и субъективные факторы современного общественного развития, выражает и защищает жизненные интересы рабочего класса, всех трудящихся, способствует раскрытию способностей, энергии, всех духовных потенций человека, его всестороннему и гармоничному развитию. Приобщение к ней все новых и новых слоев трудящихся — дело большой исторической важности, и оно предвостановляет аргументированную критику различных противостоящих марксизму-ленинизму идеологических систем. Ставшее неотъемлемым атрибутом политического лексикона наших дней понятие «идеологическая борьба» в первую очередь означает бескомпромиссное столкновение буржуазных и социалистических политэкономических, со-

циально-политических, философских, правовых, этических взглядов и концепций. Демаркационная линия здесь весьма четкая, ибо, как подчеркивалось выше, идеологии, выражающие коренные интересы противоположных классов и систем, столь же непримиримы, как и порождающие их интересы.

Но есть и такие идеологические комплексы, организации, созданные по мировоззренческому принципу, которые трудно прямо зачислить в тот или иной политический лагерь. Благодаря своей сложной структуре, длительности существования, массовости последователей, придерживающихся к тому же самых различных политических взглядов, они требуют дифференцированных и утонченных критериев преимущественно собственно мировоззренческого же плана. Разумеется, они в конечном итоге имеют и политический смысл, который, однако, проявляется не непосредственно, а опосредствованно. Например, они могут не прямо защищать буржуазные отношения, капиталистический образ жизни, а препятствовать объективному пониманию закономерностей общественного развития, порождать иллюзии и неверные представления, сковывать творческие потенции личности. Именно поэтому они требуют самого пристального внимания и исследования.

Высказанные положения могут быть более конкретно раскрыты путем анализа функции и роли такой специфической формы общественного сознания, как религия, которая в той или иной форме участвует в противоборстве коммунистической и буржуазной идеологии и в то же время в ряде случаев выступает идейной формой некоторых прогрессивных освободительных движений.

Функции и роль религии в современной идеологической борьбе, как и в процессе развертывания прогрессивных движений в ряде регионов, невозможно понять, абстрагируясь от особенностей религиозного комплекса — чрезвычайно сложного явления, базирующегося на превратных, антинаучных мировоззренческих посылах и имеющего все

еще довольно сильную опору среди различных слоев населения. Анализ практики функционирования различных религиозных систем и организаций вскрывает весьма противоречивую традицию. Здесь и давнишняя непосредственная связь религии с властью предрешающими, и освещение ею классового неравенства, социального гнета, и развитие еретических движений, в специфической форме выражающих те или иные устремления народных масс.

Одна и та же религия, ее лозунги, моральные нормы могли использоваться и использовались противоборствующими силами, были знаменем карательных отрядов эксплуататоров и восставших против них угнетенных; крест миссионеров способствовал колонизаторам, а под религиозными знаменами проходила и проходит национально-освободительная борьба во многих странах так называемого «третьего мира»; на бляхах поясных ремней фашистских молодчиков было выбито «С нами бог», а в антифашистском движении Сопротивления принимали участие верующие и служители культа; социализм, коммунизм не раз подвергались анафеме церковными служителями различных направлений, но нередко и попытки облечь социализм в религиозную форму, представить его наилучшей практической реализацией идей христианства, ислама, буддизма...

Перечень подобных на первый взгляд парадоксальных противоречий можно было бы намного продолжить, но мы ограничимся здесь более обобщенным показателем, обозначающим суть проблемы и требующим своего осмысления: последователями одной и той же религии выступают представители противоположных социальных групп, слоев, классов, социально-политических движений (рабы и работодатели, феодалы и крепостные, буржуа и пролетарии, колонизаторы и население колоний и т. д.).

Сегодня это особенно наглядно проявляется в регионах традиционного распространения ислама. Под лозунгами ислама началась и проходила антишахская и антиимпери-

алистическая революция в Иране, однако среди верующих и мусульманского духовенства этой страны, представляющих разные классовые силы, есть существенные различия во взглядах на дальнейшее развитие событий.

Пытаются использовать лозунги ислама враги народной власти, революционных завоеваний в Афганистане (вроде пресловутых «братьев-мусульман», агентов международного империализма и других реакционных сил), хотя большинство верующих трудящихся поддерживают политику революционного руководства, активно участвуют в строительстве новой жизни.

Глубокий анализ этих противоречивых явлений в мусульманском мире, четкое обоснование позиций коммунистов по отношению к участвующим в них социальным силам были даны в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. В нем отмечалось, что «в некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может разворачиваться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹.

Анализ объективного содержания современных процессов в исламском мире с позиций марксистско-ленинской методологии помогает понять суть политики, осуществляемой теми или иными кругами в этом регионе.

Взять, например, Пакистан или Египет. Проводимые, согласно принципам ислама, с начала 1979 г. Зия-уль-Хакком реформы общественно-политического и экономического

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 13.

характера укрепляют позиции правящего буржуазно-помещичьего блока в Пакистане. Широко использовала исламские лозунги в интересах реакционных сил Египта и камуфляжа сепаратной сделки с Израилем и американским империализмом бывшая администрация Садата. Одновременно к исламу неизменно апеллируют оппозиционные круги в обеих этих странах, ими же вдохновляются радикальные, обладающие определенным революционно-демократическим потенциалом слои населения.

Широкая межклассовая основа, принадлежность носителей религиозных верований к противостоящим друг другу классовым силам, а также различные политические последствия деятельности религиозных организаций при разных обстоятельствах усугубляют остроту рассматриваемой проблемы о месте религии в освободительных движениях и в современной идеологической борьбе, делают крайне необходимым ее углубленное и всестороннее рассмотрение. В самом деле, какова же действительная функция религиозного комплекса в социально-прогрессивных и социально-регрессивных действиях? Из каких критериев исходить при оценке его социального, идеологического смысла?

Объективное рассмотрение этих вопросов приобретает особое значение в наши дни, поскольку в массовые движения (антивоенные, общедемократические, антикапиталистические, социалистические) вовлекаются все новые контингенты трудящихся, в том числе широкие слои верующих, а также потому, что именно на этих вопросах нередко спекулируют сегодня апологеты религии.

Всякий односторонний подход к решению подобных проблем сегодня уже наглядно доказал свою идеологическую порочность, политическую вредность. Для правого ревизионизма (Р. Гароди, Э. Фишер, Э. Блох и др.) это явилось основанием и поводом для фальсификации социальной и идеологической роли религии. Игнорируя глубокий диалектико-материалистический анализ существа всего религиозного комплекса, они исходят лишь из факта участия верую-

щих в прогрессивных движениях и неизбежно становятся на путь идеализации собственно религиозного мировоззрения¹.

Разумеется, нельзя согласиться и с теми, кто, не желая разобраться во всей противоречивости и сложности рассматриваемых явлений, склонен автоматически причислять к лагерю политических реакционеров участников любого движения, если оно проходит под религиозными лозунгами.

Объективный подход к оценке роли религии в современных условиях предполагает учет следующих обстоятельств, связанных с природой, спецификой религии.

На практике деятельность церковных организаций неизменно выходит за пределы специфической религиозной области, за сферу отправления так называемых религиозных нужд верующих. Большинство религий всегда так или иначе претендуют на то, чтобы быть универсальным законодателем в личной и общественной жизни, в быту и политической ориентации своих приверженцев, давать добро или накладывать табу на те или иные социальные действия, поведение верующих. Эту традиционную претензию можно наблюдать у всех основных религиозных направлений. Известно, например, освящение сословно-кастовых различий индуизмом. Конфуцианство, требуя неукоснительного почтения не только родителей, но и старших по возрасту и общественному положению, открыто утверждало право «знатных» эксплуатировать «незнатных». Контроль духовенства в иуданстве, исламе настолько всеобъемлющ, что различными предписаниями и запрещениями регламентируются правовые отношения, быт, питание, организация досуга, одежда верующих. Бесцеремонное вмешательство церкви в

¹ Этот процесс идеализации идеологической и социальной роли религии отчетливо представлен в ряде книг Р. Гароди. В последней книге Гароди даже всемерно ратует за слияние политики и веры, считая, что «на Западе сегодня подлинно революционное движение может родиться из небывалой до сих пор встречи политики и веры» (*Appel aux vivants*. Paris, 1979, p. 312).

личную интимную жизнь верующих (включая даже такие деликатные вопросы, как аборт, использование противозачаточных средств и т. д.) можно наблюдать в современном католицизме.

Однако дело не ограничивается вопросами, касающимися личной жизни граждан. Религиозные организации, исламские и иуданские, христианские и буддистские, активно стремятся — там, где это позволяют им конкретные условия, — вмешиваться в вопросы общественного и государственного устройства. Например, в Испании, где, как известно, после разгрома франкизма в конце 70-х годов была принята конституция буржуазно-демократического характера, это пришлось не по душе правым клерикалам, которые не оставляют надежд на возврат в той или иной форме к старым порядкам.

Так, архиепископ Толедо и примас Испании кардинал Марсело Гонсалес Мартин, выступая перед церковнослужителями этого города в конце ноября 1978 г., обрушился с резкой критикой на конституцию страны, уже одобренную испанским парламентом. Заявив, что она направлена против религии, подрывает устои семьи и брака, не гарантирует свободу образования, Марсело Гонсалес Мартин призвал всех честных католиков голосовать против основного закона на референдуме. О поддержке архиепископа заявили восемь епископов Испании.

Позицию Марсело Гонсалеса Мартина осудили руководители Компартии Испании, а также других демократических организаций, считая, в частности, подобные призывы свидетельством того, что часть епископата все еще живет идеями франкизма и национал-католицизма, мечтает о возврате к прошлому.

Хотя в антагонистическом обществе нет ни одной церковной организации, руководители которой были бы оторваны от сугубо светских, политических вопросов, однако мера и степень воздействия религии на собственно мирские дела, широта охвата вопросов, которые религиозные деяте-

ли стремятся втянуть в сферу своего воздействия, зависят от конкретной исторической обстановки, особенностей данной эпохи, страны, развития цивилизации, развертывания социального прогресса, успехов борьбы прогрессивных, демократических сил. Последние в большинстве случаев требуют ограничения, запрещения не вытекающих из религии форм деятельности церковников, отделения церковных вопросов от светских, прекращения насилия над гражданской совестью верующих, использования религиозных чувств людей в мирских политических целях.

Известно, как много усилий приложили несколько веков назад буржуазные просветители, резко и язвительно критикуя религию, особенно церковь, идеологически и политически защищавших феодализм. А ныне в буржуазных странах клерикализм вновь призывается к активной политической деятельности, всемерно используется во всех сферах духовной и общественной жизни — теперь уже в целях консервации буржуазного строя. В этом, в частности, проявляется и кризис современной буржуазной общественно-политической мысли, все чаще и чаще отказывающейся от попыток трезво и рационально исследовать социальную действительность. По мере углубления и обострения противоречий империалистической системы, упрочения и развития социализма господствующие классы все активнее пытаются использовать клерикализм, чтобы оклеветать и фальсифицировать научный социализм, его достижения, воспрепятствовать дальнейшему распространению на планете идей коммунизма. Поэтому современный клерикализм в развитых капиталистических странах — модернизированный клерикализм. Вместо средневекового «классического» клерикализма, ратующего за абсолютное, в том числе и политическое, верховенство духовенства, ныне в капиталистических странах все дело в конечном итоге сводится к упрочению существующих буржуазных отношений путем использования религии и церкви, влияние которых старается усилить сама буржуазия.

И этот процесс начался еще в прошлом веке. Интересно обратиться в этой связи к замечаниям на полях книги самобытного пролетарского мыслителя, философа-марксиста И. Дицгена «Мелкие философские работы», сделанным В. И. Лениным еще в начале текущего столетия. Ленин подчеркнул мысль Дицгена о зависимости идеалистической философии и религиозного мировоззрения от политики реакционной буржуазии второй половины прошлого столетия. Развиваемые И. Дицгеном рассуждения о том, что религия и философия, бывшие раньше невинными заблуждениями, становятся теперь, когда господствующие классы заинтересованы в реакции, утонченными средствами политического надувательства, были отмечены Лениным¹.

Все вышесказанное, как представляется, подтверждает наш вывод о том, что, хотя путем эксплуатации религиозных чувств людей, вековых предрассудков, утонченной социальной демагогией с использованием авторитета религии, церковного аппарата и всех современных средств пропаганды клерикализм демагогически пытается выступать за учреждение особого «религиозного» общества посредством отождествления, точнее, подчинения религии общественной, политической жизни, все же явственное и принципиальное различие этих разнородных сфер, видимо, не требует особых доказательств.

На протяжении десятилетий неизменны логика и механизм идеологических построений, с помощью которых деятели различных церквей и религиозных направлений обосновывают свое активное вторжение в общественно-политическую жизнь. Последняя объявляется зависимой от неких неизменных, установленных свыше «естественных» моральных норм. Поскольку в клерикальных системах, по существу, все социально-политические проблемы растворены в этике и сводятся к некоторой совокупности религиозно-нравственных норм, то под юрисдикцию этой гипертрофи-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 394.

рованной социальной этики попадают любые социально-политические явления. Поэтому отношение верующего к этим явлениям, как и его настоящие и будущие действия, должно быть строго «закодировано», «запрограммировано» его духовными пастырями.

Подобная аргументация — с теми или иными особенностями — характерна для различных религиозных направлений. Более того, в принципе этот механизм идеологического обоснования светских социальных функций религии и церкви свойствен всем религиозным деятелям, хотя в данное время они могут придерживаться самого широкого спектра политических направлений — от откровенно реакционных до крайне левых. Таким образом, безотносительно к политическим позициям речь здесь идет о методе обоснования необходимости в той или иной форме религиозного вмешательства в общественную жизнь.

Говоря об особенностях современного клерикализма, важно учесть и то, что в настоящее время в условиях большой популярности демократических и секуляристских идей вмешательство церкви в общественную жизнь не может осуществляться неприкрыто, вызываясь. Именно поэтому сегодня столь часты декларации церковью о том, что они не вмешиваются в политику. Уже в первом послании папы Иоанна Павла II (октябрь 1978 г.) говорилось: «У нас нет никакого намерения прибегать к политическому вмешательству или принимать участие в решении светских дел. Точно так же, как церковь не приемлет категории земного порядка, наша деятельность в подходе к этим жгучим проблемам людей и народов будет определяться исключительно религиозными и моральными соображениями»¹.

В папском обращении 25 августа 1980 г. к Организации Объединенных Наций говорилось, что церковь не пытается высказываться по вопросам чисто экономического или технологического характера, поскольку она не претендует на

¹ L'Osservatore Romano, 1978, 18.X.

конкретные решения сложных проблем, не входящих в ее компетенцию. Но церковь неизменно считает своим долгом высказываться по всем вопросам, касающимся положения человека¹. Поскольку же все в обществе так или иначе связано с положением и деятельностью человека, то и такая на первый взгляд либеральная позиция может трактоваться чрезмерно расширительно. В результате объявляется естественной любая клерикальная деятельность; правда, на деле это уже зависит от конкретной обстановки в той или иной стране, соотношения сил, реального влияния светских, демократических кругов и т. д.

Приведенные выше рассуждения довольно типичны и для представителей других религиозных направлений, пытающихся оправдать вмешательство церкви в политику, экономику, международные отношения, идеологию, общественную жизнь в целом. Прикрываясь благовидной миссией охранительницы норм религии и морали, клерикальные концепции поддерживают вполне целенаправленную политику, выражают взгляды определенных социальных групп и навязывают свое отношение к существующим общественным институтам и движениям, претендуют на роль единственно правильного ориентира на пути человечества, приемлемого-де для всех классов общества.

Упомянем в этой связи активную пропаганду Ватиканом в последнее время концепции «новой Европы», стоящей над государствами и сплоченной не столько экономическими или политическими интересами, сколько общими христианскими принципами. В духе этой концепции было выдержано, например, выступление папы Иоанна Павла II перед польскими епископами, которое состоялось в Ченстохове летом 1979 г. во время визита папы в Польшу.

Эта же идея необходимости единства народов, опирающегося на принципы христианской любви, активно пропагандируется Ватиканом в связи с концепцией так называемой

¹ La Documentation catholique, 1980, 5.X, p. 858.

мой «цивилизации любви». Суть ее довольно ясно раскрыл папа Иоанн Павел II во время визита в ФРГ в ноябре 1980 г. Так, 19 ноября в прощальной речи перед вылетом в Рим он всячески ратовал за «цивилизацию любви, вдохновляемой евангельским духом». Она должна включать по мысли папы все европейские народы, большие и малые, с разной культурой, историей. Здесь не должно быть насилия, экономического или любого иного подавления, эгоизма. Исходя из любви, все европейские народы и страны должны жить в мире и согласии, уважая друг друга¹.

И в этой концепции, как видим, этико-социологические утопические прожекты, игнорирующие реальные классовые отношения, исходят из того, что все социальные явления и процессы должны опираться на принципы, законодателем и гарантом которых выступает церковь.

Если отвлечься от чисто риторических заявлений духовенства всех вероисповеданий, действующих в капиталистических странах, становится ясно, что церковь провозглашает защиту основ буржуазных отношений, существующих социальных институтов и порядков путем использования религии и аппарата церкви, влияние которых стараются усилить сами господствующие классы. Не случайно поборниками клерикализма выступают часто политические деятели, домогающиеся религиозной поддержки своей антинародной политики и получающие ее в разной форме.

В поисках способов реабилитации капиталистического строя, путей повышения эффективности борьбы против коммунизма политические лидеры империалистических стран постоянно склоняют в своих публичных выступлениях слова «религия», «бог», «защита веры», пытаясь представить основные социально-классовые противоречия нашей эпохи как противоборство коммунизма и религии, веры и неверия, морали и безнравственности. Эйзенхауэр, будучи президентом США, считал важнейшим фактором современ-

¹ La Documentation catholique, 1980, 21.XII, p. 1171.

пости борьбу свободы против рабства, религии против атеизма. Дж. Кеннеди неоднократно, в том числе на традиционном президентском завтраке в отеле «Мэйфлауэр» 1 марта 1962 г., утверждал, будто основой разногласий между Востоком и Западом является... религия. В таком же духе выступали Никсон, Форд, Картер, Рейган, Аденауэр, Штраус, Гувер и другие деятели современного империализма, пытаясь за абстрактной фразеологией скрыть суть своей реакционной деятельности.

Многолетняя практика администрации США — убедительное свидетельство этой политики. Все ее действия, направленные на гонку вооружений, подрыв дела разрядки международной напряженности, развертывание антисоветской, антикоммунистической истерии, подавление национально-освободительного движения, неизменно фарисейски прикрываются религиозным благочестием. Взять хотя бы выступление президента Картера во время встречи с представителями факультетов по изучению ислама университетов района Вашингтона в феврале 1980 г. В нем возвышенно говорилось о «глубоком уважении и почтении к исламу и ко всем людям, которые исповедуют ислам», о стремлении «добиваться установления как можно более тесных политических, экономических и культурных связей с мусульманскими странами и мусульманами во всем мире». И в то же время, как теперь документально подтверждено, готовились подрывные действия против Ирана, в частности та военная авантюра против иранской революции, которая столь бесславно провалилась в пустынных районах этой страны в апреле того же 1980 г.

Буржуазные политики США (как и других капиталистических стран) не только прибегают к религиозному камуфляжу для оправдания своих антинародных действий, но прямо и непосредственно получают поддержку от церковных организаций, их правых деятелей. Так, клерикальная поддержка была оказана Р. Рейгану во время президентских выборов в США в 1980 г. Согласно приведенным в пе-

чати сведениям, политические организации, возглавляемые консервативно-протестантскими проповедниками, действовали заодно с правыми республиканцами и оказали им помощь в обеспечении победы Рейгана¹.

За активное участие церкви в социально-экономической и политической сферах выступают не только буржуазные политические деятели, рассчитывающие на ее поддержку. В капиталистических странах появляются также публикации в широкой печати, обосновывающие необходимость подобного вмешательства и содержащие рекомендации о его возможном характере и направленности. Остановимся в качестве примера на статье Курта Хубера, редактора буржуазной швейцарской газеты из Санкт-Галлена. Интерес к рассматриваемой ниже статье вызван тем, что она специально посвящена проблеме «Христианская церковь и политика»².

Автор статьи в принципе отвергает дилемму: евангельская проповедь любви к ближнему или политико-социальная деятельность церкви. Он считает, что одно не исключает другое. Необходимость политической деятельности церкви обосновывается тем, что она является частью общества, частью мира, где существуют справедливость и несправедливость, мир и войны, богатство и бедность, свобода и рабство. Из этого-де вырастает ответственность любой организации, необходимость ее действий. Поэтому, например, церкви следует не только нести христианское учение язычникам, но и способствовать конкретной помощи развивающимся странам, народы которых живут в жалких условиях; она призвана выступать за солидарность и справедливость, за новую мировую экономику, которая должна преодолеть бедность и неразвитость и превратить развивающиеся страны в полноправных партнеров мирового сообщества. Именно исходя из подобных соображений, в частности, церковь

¹ См.: *Фурман Д. Е.* Религия, политика и выборы 1980 г.— США. Экономика. Политика. Идеология, 1981, № 4, с. 50—59.

² *St. Geller Tagblatt*, 1981, 11.IV.

в Швейцарии занимается международными вопросами, проблемами «недовольной» молодежи в Цюрихе и т. д.

Как видим, трактовка возможных масштабов социально-политической активности церкви крайне расширительна. В каком же направлении и в пользу чьих интересов будет осуществляться на деле эта активность?

Что касается симпатий автора статьи, то тут не остается места для сомнений. Достаточно ознакомиться с его суждениями на то, что Всемирный совет церквей в Женеве (вынужденный учитывать современные реальности в мире) выступает порой с политическими, антирасистскими заявлениями, целью которых является, как сказано в статье, «радикальное изменение существующих политических отношений в смысле «справедливости и мира», в пользу угнетенных»¹.

Нежелательную предвзятость редактор буржуазной газеты видит и в некоторых документах швейцарской церкви, например в выступлении ее ежегодника за 1980 г. в защиту безработных в Швейцарии. Особенно же недоволен он утверждением о том, что безработица свойственна экономической системе капитализма.

В сфере международной политики — аналогичная позиция и соответствующие рекомендации. Например, автор статьи не согласен с теми, кто вменяет вину за опасности войн, за милитаризм, угнетение народов, несправедливость, голод буржуазному обществу.

Хотя мы рассмотрели в качестве примера довольно либеральную трактовку необходимости клерикального вмешательства в общественную жизнь, но даже и в этом случае ясно, какая направленность и какой характер социально-политической активности церковных организаций желателен для капиталистических деятелей, для буржуазной пропаганды.

Социальный заказ правящих кругов антагонистического

¹ St. Geller Tagblatt, 1981, 11.IV.

общества, обращенный к любому, даже относительно самостоятельному, институту надстройки этого общества, вполне однозначен. В результате религиозные организации подталкиваются к проведению определенной, а именно пробуржуазной, политики.

Подобная практика наблюдается не только в тех буржуазных странах, где распространено христианство, но, по существу, повсеместно. Так, усиливается тенденция к использованию религии в реакционных целях в послевоенной Японии. Об этом свидетельствуют, как подчеркивают японские исследователи в книге «Возрождение религии. Отношение к социальным преобразованиям» (Токио, 1978), возрождение деятельности ультраправых религиозных организаций и другие факты о переплетении политики и религии в жизни японского общества.

Клерикальные тенденции наблюдаются здесь и в рамках либеральных религиозно-политических организаций, например Сока гаккай. Эта организация, объединяющая представителей городской бедноты, разоряющейся мелкой буржуазии, деклассированных слоев населения, выступает за построение — путем завоевания парламентского большинства — некоего «буддистского», или «человеческого», социализма, призванного-де гармонически сочетать интересы личности и общества.

Вторжение в общественную жизнь, вопреки конституционному требованию отделения религии от политики, Сока гаккай осуществляет через собственную политическую партию Комэйто, масса рядовых членов которой требует от руководства разработки программы, нацеленной на проведение подлинно демократических преобразований.

Однако (как показано в изданной в Японии в 1980 г. книге «Куда идет Сока гаккай») имеющийся в новой программе Комэйто «принцип среднего пути», преодолевающий-де крайности как правых, так и левых партий, рассчитан лишь на спекуляцию на объективистском нейтрализме. Автор упомянутой книги В. Ситири раскрывает роль этого

принципа в классовом обществе: одно время он выражал аристократическую идеологию, поддерживавшую императорскую систему Японии, в наше время его используют для пропаганды идеи сотрудничества труда и капитала. Таким образом, буддистский «принцип среднего пути» становится также и этикой классового сотрудничества.

Следует особо подчеркнуть необходимость конкретно-исторического подхода и к современному клерикализму, раскрытия специфического социально-политического содержания каждого его проявления. Дело в том, что в разных регионах и странах в зависимости от уровня их социально-политического развития, а также от стоящих в данное время перед обществом задач к клерикализму обращаются различные социальные силы, преследующие разные цели. Отсюда и нетождественность его социального содержания, специфика его проявления в различных регионах. Например, собиранию широких масс иранского общества под зеленым знаменем ислама в период антишахского движения способствовали обстоятельства, наглядно вскрывающие ошибочность недооценки роли шиитского духовенства в Иране. Отметим в этой связи значение того факта, что шиитский мулла (в отличие от суннитского, обычно назначаемого и оплачиваемого государством) живет на добровольные подношения верующих. В мечети или на традиционных собраниях у частных лиц, в которых он участвует, обсуждаются самые различные вопросы, заботящие общину. И мулла здесь может быть советчиком своей паствы по самому широкому кругу вопросов.

Располагая значительными средствами, собираемыми среди верующих, духовенство открыло в период правления шаха клиники для бедняков, школы, благотворительные учреждения. Некоторые проповедники критиковали социальную несправедливость, коррупцию (в частности, коррупцию двора и его американских союзников) и проповедовали возврат к первоисточкам ислама как способ защиты добродетели и национальной самобытности от засилья и пороков

буржуазного образа жизни. Многие служители культа побывали в застенках шаха, где их подвергали пыткам.

Знаменательна аргументация шиитского духовенства в Иране, направленная на укрепление его позиций, на его возвышение. После смерти двенадцатого имама в IX в. ни одна светская власть, с его точки зрения, не является законной или справедливой. Справедливость будет восстановлена в мусульманской общине лишь после возвращения на землю (воскресения) имама Каше. Любое правительство априори считается узурпатором, ибо оно подменяет собой двенадцатого имама, единственного имеющего права быть исполнителем божьей воли. Поэтому шиитское духовенство оспаривало власть у различных династий, которые правили страной, боролось против шахской власти всякий раз, когда последняя создавала возможности для проникновения буржуазных иностранных влияний, которые могли бы «извратить» ислам, ввести нравы, враждебные традиционной культуре, местным традициям.

Теократическая концепция общественного устройства, активно пропагандируемая рядом религиозных деятелей в современном Иране, включает следующие клерикальные требования. Во-первых, ее последователи с позиций панисламизма требуют «расширения иранской исламской революции до международных масштабов», выступают за создание «исламского пакта», в который вошли бы все мусульманские нации мира, все, «кто живет по компасу ислама». Во-вторых, они требуют безусловного подчинения всех личных и общественных действий исламским канонам. Это касается и таких довольно частных вопросов, как, например, одежда женщин¹. Это касается и самой конституции — ос-

¹ Дело дошло до того, что генеральный прокурор Исламской Республики Иран опубликовал заявление, в котором содержалось предупреждение всем женщинам, занятым на работе в государственных и правительственных учреждениях, о том, что они будут немедленно уволены, если будут появляться на работе в одежде, не отвечающей требованиям ислама. Вообще в Иране в рамках насаждаемой здесь «ислами-

повного закона страны. Знаменательны рассуждения и толкования религиозных деятелей, составляющих большинство в специальном «Совете экспертов», которым было поручено составление иранской конституции. Они всемерно обосновывали теократический характер основного закона, официально предусмотрев «верховного вождя» в лице аятоллы Хомейни. Они особо подчеркнули неизменность исламской конституции, которая может основываться лишь на сохранении традиции имамата. С этой целью пятый принцип преамбулы — «О правлении имама» — возрождает роль шиитского религиозного вождя как наместника «исчезнувшего» двенадцатого имама. «Верховный вождь исламской нации», на которого возложена задача следить за уважением к Корану всех правительственных инстанций, стоит превыше всех властей.

Поскольку верховная миссия аятоллы Хомейни официально подтверждена законодателями, то предусмотрен даже такой случай, как невозможность найти после его кончины соответствующего шиитского деятеля. В этом случае должна быть создана «коллегия религиозных деятелей», своеобразный «совет улемов», призванный высказать свое мнение относительно противоречий между разработанными парламентом законами и принципами ислама. В таких условиях, разумеется, светская власть не может игнорировать советы «вождя» или «коллегии». Пока эта конституция будет действовать, Иран останется теократическим государством, хотя это и не исключает того, что здесь смогут решаться некоторые антиимпериалистические задачи.

зации» всем женщинам предписывается появляться в общественных местах только в мусульманских одеждах. По сообщениям печати, в иранской столице даже прошла демонстрация женщин, требовавших предоставить им свободу выбора в ношении платья.

В упомянутом заявлении генерального прокурора также указывалось, что разрабатываются образцы женской одежды, полностью отвечающие требованиям ислама. Эти образцы будут в будущем обязательны для всех женщин Ирана (см.: Правда, 1980, 8 июля).

Исламские клерикальные деятели любые устремления масс, злободневные проблемы общества стараются связать с религиозными догмами, чтобы убедить верующих в необходимости идти только указанным ими путем. Остановимся в этой связи на рекомендациях, принятых участниками седьмого семинара по изучению исламской мысли, проходившего в июле 1973 г. в алжирском городе Тизи-Узу.

Все мусульманские страны, говорится, в частности, в рекомендациях, должны привести свое законодательство в полное соответствие с шариа́том. Исламское обучение в них должно вестись на всех ступенях средней школы и в высших учебных заведениях. Одним из основных принципов ислама, отмечается в рекомендациях, является единство как религиозной общины, так и исламской нации в целом. Во имя его осуществления, а также для координации деятельности различных религиозных институтов предлагалось создать Совет исламской нации с участием представителей всех мусульманских стран. В рекомендациях прослеживается и значительная антимпериалистическая, антиколониальная направленность, но в данном случае хотелось показать степень религиозного проникновения и воздействия ислама на различные сферы общественной жизни.

Активное внедрение в жизнь религиозных канонov можно наблюдать и в Израиле. Здесь раввинат бдительно следит за сохранением и насаждением в стране устоев иудаизма. Дело доходит до того, что раввинат вмешивается в приготовление и продажу продуктов питания, утверждает назначение ритуальных резчиков мяса — так называемых «шохетим», инспектирует скотобойни и предприятия пищевой промышленности. Если он обнаруживает какие-либо нарушения этих предписаний, то владельцам предприятий, магазинов, ресторанов и т. д. объявляется бойкот, их ожидают финансовые неприятности и даже банкротство.

Воздействие религиозных канонov в современном Израиле испытывает подчас и медицина. Как известно, трансплантация почек, роговицы и т. д. давно уже получила

признание во врачебной практике. В ряде случаев она, разумеется, абсолютно необходима. Но достижения науки, всего общественного прогресса мало что значат для израильских религиозных партий. Ссылаясь на догмы иудаизма, они добились от правительства принятия закона, запрещающего пересадку внутренних органов.

Политику целенаправленного вмешательства в общественную жизнь клерикальных кругов Израиля, представители которых постоянно входят в правительство со дня создания государства, особенно наглядно можно наблюдать в их стремлении воспитать еврейскую молодежь в духе религиозного фанатизма и шовинизма, в духе «превосходства» еврейской нации над другими.

Клерикалы добились в Израиле господствующего положения в дошкольных детских учреждениях и школах, где преподавание таких предметов, как «закон божий», «еврейское самосознание», история, география и т. д., ведется по специальным учебникам, подготовленным раввинами. Последние, как отмечалось в печати, добились того, что преподаванию Торы в школах отводится в три с половиной раза больше времени, чем, например, всеобщей истории.

Отмеченное выше различие собственно религии и политики, личного и общественного поведения, одобренных религией и осуществляемых под эгидой религии, с одной стороны, и поведения, диктуемого жизненными обстоятельствами, с другой, позволяет дифференцированно оценивать те или иные акции, относящиеся соответственно к разным сферам общественной жизни. Это различие важно и потому, что при оценке массовых социальных движений, проходящих под религиозным флагом, было бы опрометчивым игнорировать противоположность между религиозной идеологической оболочкой движения и интересами самих верующих, вытекающими из их социального положения, политической среды, но выражаемыми в иллюзорной форме.

Важно особо подчеркнуть и то обстоятельство, что разграничение политических интересов, взглядов и настрое-

ний, действий и религиозной формы их выражения, разумеется, не означает, что в рамках одной религиозной системы в мировоззрении и поступках, поведении верующего человека эти сферы сосуществуют параллельно и автономно, не испытывая взаимного влияния. Здесь речь ведь не может идти о механическом расчленении религиозного комплекса. Для исследователя, стоящего на позициях диалектического и исторического материализма, важен учет воздействия антинаучного религиозного мировоззрения (как и иных иллюзий) на умонастроение индивида, на его миропонимание, социальное поведение, политические поступки, творческую активность. Именно в специфическом воздействии религии на сознание верующего, на направленность социальных движений, именно в превратной интерпретации ею явлений и процессов общественной и природной среды наглядно выражается мировоззренческая функция религии, ее роль в современной идеологической борьбе. Эта функция тем влиятельнее, чем сильнее в обществе роль религиозных и иных иллюзий.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МАССОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НА ИДЕОЛОГИЮ И ПОЛИТИКУ ЦЕРКВИ

Сложность анализа проблемы взаимоотношений религии и массовых движений современности вызвана, помимо прочего, той основательной модернизацией религиозных систем, которая наблюдается в наши дни.

В самом деле, колоссальные социально-политические, научно-технические, идеологические изменения, свойственные нашей динамичной эпохе, оказывают в той или иной форме воздействие и на традиционно консервативные религиозные институты. За последние десятилетия они проделали бóльшую эволюцию, чем за многие предшествующие столетия. Изменения и новшества затронули самые различные, подчас неожиданные явления и сферы. Модернизация

коснулась трактовок догматов и культовой практики, отношения к другим религиям, к атеизму и атеистам, к философскому знанию, к теории и практике социализма, к национально-освободительному движению, к капитализму, к достижениям научно-технического прогресса, к проблемам войны и мира и др.

Модернизация религиозных систем, практическое участие различных религиозных организаций в борьбе против социальной реакции, за мир, демократию и социализм послужили ревизионистам поводом для апологетических оценок идеологической, социальной роли религии в наши дни. Некоторые из ревизионистов даже заявили о происшедших якобы коренных изменениях в религии, ее догматике при помощи «развивающейся мутации». Они готовы считать, что нынешней реформированной вере чужды дуалистическое видение мира, спиритуализм, «основанный на противопоставлении земного и небесного, плотского и духовного, мирского и святого, преходящего и вечного, имманентного и трансцендентного»¹.

Чтобы глубже разобраться в сущности идеологических и социальных характеристик религиозного модернизма, оказывающего свое воздействие на некоторые общественные движения и борьбу идей в современном мире, важно выявить в первую очередь определяющие объективные факторы, которые воздействуют на религиозный комплекс и в конечном итоге побуждают церковную организацию становиться на путь модернизма. Лишь отталкиваясь от данных факторов, можно понять и явления, так сказать, субъективного плана; речь идет об осознании и отображении этих факторов, о тактике религиозных деятелей, понимающих необходимость модернизма.

Итак, сначала об объективных факторах, определяющих нынешний модернизм, его особенности. Основной причиной того, что церковники разных направлений прибегают к мо-

¹ *Garaudy R. Reconquête de l'espoir. Paris, 1971, p. 113.*

дернизации религии, является современный научный и социальный прогресс, достижения зрелого социализма в СССР, развитие всего социалистического содружества, подъем массового и национально-освободительного движения, которые вызывают интенсивный процесс обесценения религии, ослабления ее традиционного воздействия на верующих. Позиции религии подтачивает социальное пробуждение широких масс, в том числе верующих, их участие в активной деятельности по переустройству мира на справедливых началах.

Всемирно-исторические достижения социализма, идеи которого воодушевляют миллионы людей во всех уголках земли, вовлечение масс трудящихся в активную борьбу против социального и национального угнетения, за революционное преобразование общества, в защиту мира, за прекращение гонки вооружений, устранение угрозы термоядерной войны, разумное решение с учетом интересов нынешнего и последующих поколений экологических проблем — все это заставляет верующих во многом переосмысливать традиционные заповеди и догмы, значительно уменьшает роль религиозных факторов в их жизни. В результате ныне в разных регионах планеты можно наблюдать характерную тенденцию — уменьшение числа людей, склонных передоверять свои судьбы некоему потустороннему спасителю и его земным служителям.

Этому во многом способствовала откровенно реакционная позиция правых руководителей церковных организаций по злободневным социально-политическим вопросам. Так, например, в развитых капиталистических странах, где большое распространение имеет христианство, никогда еще со времени его возникновения столь отчетливо не проявлялась противоположность исторической действительности, интересов народа ортодоксальным христианским установкам. В самом деле, ведь социальные и политические выступления рабочего класса, трудящихся в защиту своих насущных интересов не только не «санкционировались» церковью, но

и находились в прямом противоречии с социальной доктриной, политическими теориями, практикой католической, православной и протестантских организаций. Отсюда неизбежный разрыв современных верующих с традиционными установками церквей, которые оказывались не способными как-то учитывать их запросы, настроения, требования.

Значительную эволюцию претерпело само сознание верующих, в котором, как показывают конкретные исследования, ныне превалируют идеи социально-политического характера. Согласно результатам социологического исследования, опубликованного во французской католической газете «Круа», абсолютное большинство верующих в этой стране озабочены в первую очередь вопросами социальной справедливости и ростом социального неравенства. Наиболее важными для них являются проблемы реальной заработной платы, национализации больших индустриальных и банковских объединений, профессионального обучения, военных приготовлений, атомной энергетики¹. Именно имея в виду подобные изменения в сознании верующих и стремясь как-то поднять у них общественный авторитет церкви, папа Иоанн XXIII в свое время говорил о насущной задаче папского престола — «призвать всех своих сыновей объединить свои усилия, чтобы церковь могла все больше и больше показывать себя способной разрешать проблемы нашей эпохи»².

Говоря о факторах, способствующих сегодня развитию тенденций секуляризации, свободомыслия, атеистических воззрений, важно учитывать и то, что умонастроения, кругозор современного человека, в том числе и верующего, с которыми непосредственно связаны судьбы религии и церкви, формируются под воздействием прогресса науки и техники, который способствует наглядному раскрытию неадекватности религиозных воззрений духу нынешней эпохи,

¹ La Croix, 1977, 17.I.

² La Documentation catholique, 1962, 21.I, vol. 100.

разрыву с религиозными воззрениями и одновременно постепенной выработке светского умонастроения и материалистических представлений.

Опираясь на анализ процессов, происходящих в современных религиозных организациях, основной документ международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. сделал обоснованный вывод о том, что «католическая церковь и некоторые другие религии переживают идеологический кризис, расшатывающий их вековые концепции и сложившиеся структуры»¹.

Религиозный кризис проявляется прежде всего в безразличии к религии, во все учащающихся случаях разрыва с церковью, а также в постепенном росте атеизма и свободомыслия среди молодого поколения населения и прежде всего рабочего класса. Эмансипации подвергается политика, мораль, искусство, другие формы сознания, как и все сферы общественной жизни. Порождаемые нашей эпохой тенденции секуляризации сознания и общественной жизни являются предметом заботы на всех уровнях церковной иерархии, во всех связанных с той или иной религией организациях. Усиление тревоги, например, католических иерархов перед распространением атеизма нашло свое отражение в официальных документах католической церкви последних лет, в том числе в папских выступлениях. Принимая 6 августа 1975 г. группу ректоров католических университетов, находящихся в ведении ордена иезуитов, папа Павел VI с горечью говорил об «утере христианских ценностей, замененных гуманизмом, который превратился в настоящую секуляризацию». Это связано и с тем, продолжал папа, что «многие христианские добродетели перестали быть привлекательными для молодежи»².

Вынужденные признания роста процесса секуляризации нередки и в устах нынешнего папы Иоанна Павла II.

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 310.

² L'Osservatore Romano, 1975, 8.VIII.

Принимая участников состоявшегося в октябре 1980 г. в Риме конгресса «Евангелизация и атеизм», он назвал массовое распространение атеизма «духовной драмой нашего времени». Бывший некогда, по словам папы, уделом немногих умов — интеллигенции, «атеизм сегодня стал массовым явлением, блокирующим церкви». Папа с горечью признавал колоссальные масштабы «настоящего секуляризма», который охватил Восток и Запад, социалистические и капиталистические страны, мир труда и культуры, молодых и старых. И такая ситуация — на всех континентах¹.

Аналогичные идеи высказывались и высказываются (с привлечением данных переписей и различных обследований) и другими церковными деятелями. Так, в книге директора ватиканского журнала «Чивильта католика» Бартоломео Сордже проводится мысль о том, что в Италии в силу ряда причин «часто наблюдается не просто охлаждение, но и потеря веры в массах». По данным переписи, считается, констатирует Сордже, что 97 процентов населения Италии — католики. Однако при этом 59,7 процента заявляют, что они равнодушны к религии. По своему социальному составу большинство из них — пролетарии и буржуа. 11,33 процента не согласны с церковью, хотя проявляют большой интерес к тому, что она провозглашает и делает. Их Сордже характеризует как «живо мыслящих и культурно подготовленных атеистов». Что касается собственно католической общины, включающей верующих и исполняющих обряды, то она охватывает лишь 28,6 процента итальянцев. Правда, и здесь имеются различные прослойки: консерваторы, люди, по традиции исполняющие предписания церкви, и прогрессисты. Только маленькую группу, включающую около одного процента населения, составляют «активисты, которые индивидуально или коллективно принимают деятельное участие в церковной жизни. Их можно

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 11.X.

встретить на периферии, в католических учебных заведениях, обществах неофитов»¹.

Стремясь как-то сдержать развитие процесса секуляризации, руководители церкви вынуждены стать на путь его углубленного изучения. Так, ватиканский секретариат по делам неверующих, разъясняя в специально опубликованной записке актуальность введения во всех католических семинариях преподавания марксизма и атеизма, подчеркивал, что «секуляризация и распространение атеизма в наше время — социальное явление, постепенно захватывающее не только интеллектуалов, но и широкие народные массы»².

Продолжающееся неуклонное сокращение числа последователей религии среди всех категорий населения на всех континентах фиксируется в тех многочисленных опросах, обследованиях, которые проводятся религиозными социологами (или по заказу тех или иных церковных организаций специальными социологическими учреждениями) в тщетном стремлении изыскать возможности как-то локализовать, сдержать этот объективный процесс. Так, летом 1975 г. в результате опроса населения Франции и сравнения его результатов с предыдущими обследованиями выяснилась картина неуклонного сокращения числа отправлений различных форм религиозного культа. Посещение месс, например, снизилось с 22 процентов (от общего количества населения) в 1971 г. до 16 процентов в 1975 г. (а по иным подсчетам — даже до 14 процентов)³.

Эти процессы, разумеется, настраивают на пессимистический лад церковных деятелей. Один из них прямо заявляет: «Французская церковь умирает», при этом приводит сравнительные данные, свидетельствующие о том, что в 1958 г. церковь во Франции посещало 35 процентов всего населения, а в 1974 г. — 14 процентов.

¹ *Sorge B.* La «ricomposizione» dell'area cattolica in Italia. Roma, 1979, p. 60.

² *L'Osservatore Romano*, 1970, 25.XI.

³ *La Documentation catholique*, 1975, 3—17.VIII, p. 721—722.

Приведенные данные были опубликованы в газете «Журналь дю диманш» (17.VIII 1975). Через пять лет газета вновь обратилась к той же теме. По ее утверждению (1.XI 1980), в 1979 г. лишь 12 процентов французов ходили в церковь на воскресную службу. Растет число молодежи, порывающей связи с церковью. Так, с 1976 по 1980 г. на 10 процентов сократилось число юношей и девушек, посещающих церковь. В результате проведенного обследования в 1977 г. оказалось, что 30 процентов французов в возрасте от 15 до 30 лет заявляют, что вообще не верят в бога.

Характеризуя положение церкви во Франции в 1980 г., французский епископ Пупар, выступая с лекциями в США, признал, что в стране расширяется круг людей, подвергающих сомнению религиозные ценности, уменьшается посещаемость церковных служб, учащаются случаи разрыва с церковью ее служителей, резко сокращается количество религиозных браков. В результате растет неверие, особенно среди молодежи. Пупар приводит следующие данные о религиозной ситуации во Франции за 1980 г.: из 80 процентов считающихся католиками французов лишь 15 процентов регулярно посещают церковь, 25 процентов делают это от случая к случаю, а 45 процентов вообще отказываются от церковных обрядов. Вывод Пупара довольно выразителен: «Создается впечатление, что эпидемия неверия медленно, но верно побеждает»¹.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах мира, особенно в экономически развитых странах. Например, в Японии, как показывают материалы изданного в Токио специального исследования о состоянии религиозного сознания в стране и его отношении к социальным преобразованиям, процесс падения влияния религии ввиду растущей секуляризации населения отражается в следующих данных. В 1958 г. неактивно верующих было 35 процентов, в 1963 г.— 31, в 1968 г.— 30, в 1973 г.— 25 процентов. Что

¹ La Documentation catholique, 1980, 7—21.IX, p. 832.

касается активно верующих, то в 1963 г. их насчитывалось 10 процентов, а в 1973 г. — 8 процентов.

Одновременно резко падает число служителей культа. С одной стороны, это объясняется усилившимся «дезертирством» среди духовенства, а с другой — тем, что пополнение рядов духовенства идет крайне медленно. Так, в той же Франции в 1968 г. духовный сан приняли 573 человека, а в 1974 г. — только 170. Сходное положение дел и в других странах, например в США. Здесь за период с 1965 по 1979 г. покинули церкви около 15 тысяч священников, а число семинаристов уменьшилось с 49 тысяч до 11 200¹.

В Италии сокращение числа тех, кто собирается посвятить себя служению церкви, приняло беспрецедентные масштабы. В 50-х годах принимало духовный сан примерно 1200 человек в год. В 1961 г. число их сократилось до 701, а в 1978 г. — до 384. В стране в 1970—1978 гг. было закрыто 116 семинарий из 375, а количество семинаристов уменьшилось с 23 тысяч до 10 тысяч. За это же время количество приходских священников сократилось с 48 500 до 41 тысячи. Примерно так же обстоит дело и в церквях других капиталистических стран².

Проблема нехватки кадров, заключающаяся в значительном уменьшении их числа и в участвовавших случаях их несогласия с политикой руководства, затрагивает различные институты и учреждения церкви. Нередко семинарии, монастыри, религиозные учебные заведения постепенно пустиют или вступают в открытый конфликт с иерархией. Это можно наблюдать в разных частях света, будь то монастырь Куернова в Мексике или францисканская школа схоластического богословия в Вероне (Италия), резкое сокращение набора в семинариях Португалии или оппозиция голландского епископата Ватикану по догматическим вопросам. Обратимся к таким традиционно консервативнейшим учреждениям, как орден иезуитов и институт мона-

¹ L'Humanité, 1979, 4.X.

² L'Unità, 1979, 15.V.

хинь, которые неизменно были верной, послушной опорой католицизма. О развитии новых тенденций в их среде наглядно свидетельствуют следующие факты.

Известно, что орден иезуитов до последнего времени считался одним из наиболее важных орденов католической церкви. По данным буржуазной печати, в 1980 г. в мире насчитывалось 27 169 иезуитов. В последнее десятилетие «преторианцы папы» также переживают острый кризис: в рядах ордена растет число недовольных директивами Ватикана, снижается число желающих вступить в орден. С момента завершения II Ватиканского собора число иезуитов сократилось почти на 9 тысяч человек, покинувших его из-за нарушения ими обета безбрачия (50 процентов), из-за чрезмерно суровых условий жизни, предписываемых уставом ордена (35 процентов), из-за несогласия с официальной линией Ватикана (15 процентов).

Внутри ордена фактически произошел раскол на правых и левых, вызванный разногласиями по догматическим вопросам. Возникшие под влиянием решений II Ватиканского собора новые тенденции в деятельности иезуитов, вынужденных приспосабливаться к изменяющимся условиям в мире, привели к возрастающей напряженности в отношениях ордена иезуитов с высшими кругами римской курии¹.

Некоторые теологи ордена, члены которого традиционно считаются «интеллектуальной элитой» католической церкви, пришли к выводу о необходимости пересмотра обета безбрачия для священников, по крайней мере для тех, кто не проживает в религиозных общинах. Выступают они и за либерализацию средств по контролю за рождаемостью, что находится в явном противоречии со специально посвященной этому вопросу энцикликой Павла VI «Гумане вите» («О человеческой жизни»), а также с высказываниями нынешнего папы Иоанна Павла II.

¹ См.: *Великович Л. Н.* Черная гвардия Ватикана. М., 1980.

Но основой напряженных отношений с римской курней является изменившаяся за последние годы политика ордена в отношении левых движений, в первую очередь коммунистического движения. Особенно это касается стран Латинской Америки, где иезуиты наиболее активно ведут свою миссионерскую деятельность. Они нередко выступают в поддержку тех национальных епископатов, которые борются против фашистских режимов, за демократизацию жизни в своих государствах. Не случайно некоторые иезуиты стали объектами репрессий со стороны диктаторских режимов в ряде латиноамериканских стран.

Весьма знаменательны в этом отношении высказывания генерала ордена Педро Аррупе, сделанные им в марте 1979 г. в национальной ассоциации итальянской печати. Аррупе заявил журналистам: «Часто нас обвиняют в том, что мы — коммунисты. Конечно, это не так. Но факт в том, что сегодня людям мало слов. Это в наибольшей степени относится к Латинской Америке, где люди живут, как звери в одной клетке. Поэтому нельзя заранее исключать возможность определенного диалога и даже критического сотрудничества с группами и движениями марксистского направления».

Столь необычные для генерала иезуитского ордена высказывания свидетельствуют о том, что даже этот орден, на протяжении десятилетий известный своей ожесточенной борьбой против идей марксизма и социалистических стран, вынужден видоизменить свою тактику. Это связано прежде всего с ростом влияния реального социализма на мировой арене и широким проникновением марксистских идей в народные массы. Отдавая дань настроениям и чувствам миллионов обездоленных верующих в Латинской Америке, где проживает почти половина католиков мира, иезуитский орден, в частности, используя «диалог с марксизмом», пытается привлечь на свою сторону трудящихся.

Брожение, раскол и уход из монастырей можно сегодня наблюдать и среди монахинь. Осенью 1976 г. в Риме состо-

ялась конференция руководительниц 503 итальянских женских монашеских орденов, на которой открыто или на секретных съездах обсуждалась такая проблема, как беспрецедентный кризис, вызванный непрерывно увеличивающимся числом бегств из монастырей, отсутствием новообращенных, несоответствием уставных правил условиям жизни в современном обществе, участвовавшими случаями отказа от монашеского обета, самоубийствами и т. д.

Руководительницы монашеских орденов обсуждали документ, который Ватикан хотел сохранить в тайне, но с которым итальянскому журналу «Панорама» удалось ознакомиться. Это первый статистический труд о положении монахинь в Италии — объемом в 566 страниц, — написанный монсеньором Эмилио Коладжованни. Данные, содержащиеся в нем, дают ясное представление о кризисе католического монашества. За пять лет, с 1970 по 1974 г., 7 процентов общего числа монахинь сняли с себя обет монашества (по официальным данным католической церкви, в 1974 г. насчитывалось 138 158 монахинь).

Одна из самых тревожных для церкви цифр, приводимых в этом труде, касается возраста монахинь: 10 процентов монахинь — старше 74 лет, 28 процентов — от 60 до 74 лет, 32 процента — от 45 до 60 лет, 24 процента — от 30 до 45 лет и лишь 6 процентов — моложе 30 лет.

Интерес к этой книге, написанной сведущим автором, связан не только с тем, что Коладжованни анализирует процесс резкого сокращения числа женщин, постригающихся в монахини, но также и тем, что он пытается обрисовать социально-культурный тип итальянской монахини. «Типичная монахиня, — подытоживает автор книги, — это выходец из типичной итальянской семьи, имеющей в среднем четырех детей, родители — ревностные католики, одобряющие пострижение дочерей в монахини».

Поистине удручающее впечатление производят приведенные в книге сведения о культурном уровне монахинь. Большинство из них — 40 процентов — имеют лишь на-

чальное образование, 31 процент окончили неполную среднюю школу, 25,25 процента — среднюю школу. Монахинь с высшим образованием всего лишь 3,75 процента; из них лишь один процент женщин закончили высшие учебные заведения после пострижения в монахини. Среди монахинь насчитывается 25 тысяч воспитательниц детских садов и яслей, 11 тысяч медицинских сестер, 3500 преподавательниц, 7 тысяч учительниц начальной школы и 2 тысячи сотрудниц благотворительных учреждений и организаций.

Монахини читают почти исключительно церковные издания (около 60 процентов), лишь 20,75 процента из них слушают радио, а 31,54 процента смотрят телевизор.

Разумеется, с подобными кадрами, число которых к тому же постоянно убывает, церкви в наше время все труднее и труднее сохранять свои былые позиции.

В зарубежной — религиозной и светской — литературе, в периодической печати неизменно приводятся статистические данные, результаты исследований, наблюдений, опросов различных категорий населения, которые показывают значительные размеры распространения свободомыслия и атеизма среди населения развитых капиталистических стран.

Однако корни нынешнего религиозного кризиса не только в росте безбожия и атеизма, догматического и культового индифферентизма. Церковные иерархии также вынуждены считаться с реальным содержанием верований трудящихся, с сегодняшним умонастроением верующих, все еще остающихся в рамках тех или иных церковных организаций, но стремящихся произвести переоценку как своих религиозных воззрений, так и всей практики и политики церкви, чтобы ликвидировать явный разлад церкви с духом современности, с насущными интересами и стремлениями человека.

Как известно из исторической практики, любая религия на каждой стадии общественного развития имела и имеет разные уровни и формы своего проявления. Наряду с офи-

циональной церковной доктриной (зафиксированной в присутствии данной религии «божественном» писании и предании и оберегаемой соответствующими институтами) существовала и существует, так сказать, «популярная вера», обыденное религиозное сознание. Последнее хотя и формируется на базе официальных религиозных догм, но вбирает в себя также немало идей, почерпнутых из житейского опыта и традиций, потребностей и интересов верующих.

Сегодня этот процесс — вместе с общим поведением масс, приобщением их к достижениям культуры, цивилизации, участием в освободительном движении — принял особенно значительные размеры. Поучительное исследование состояния верований среди народных масс (в отличие от официальных и доктринальных концепций) осуществил католический священник Р. Паннэ.

Раскрывая особенности «народного католицизма» как формы восприятия и проявления христианской религии, он приводит большой материал, призванный доказать, что основополагающую роль в функционировании верований в народе играют традиции — местные, региональные, общественные, особенно семейные, а также факторы эмоционального и эстетического порядка. В результате автор приходит к выводу, что «народный католицизм» выглядит в сравнении с «официальным католицизмом» значительно менее трансцендентным и, по существу, выступает в форме «способа семейной жизни», хотя и включает в себя «христианскую культуру и католический культ»¹. Идейное содержание «народного католицизма», согласно исследованиям Паннэ, чрезвычайно противоречиво, в нем сосуществуют подчас противоположные начала: например, «религиозное верование с его проповедью любви к ближнему, открывающей путь к классовому сотрудничеству, и классовый инстинкт, заставляющий немалое число верующих

¹ *Pannet R. Le Catholicisme populaire. 30 ans après. Paris, 1974, p. 179.*

отдавать свои голоса за революционную марксистскую организацию — коммунистическую партию»¹.

Весьма пестрое содержание современных религиозных верований порою побуждает деятелей церкви задаваться вопросом: что же представляет сегодня бог для человека? В одной из книг, рассматривающих этот вопрос, автор на основании данных социологических исследований, проведенных в различных странах Западной Европы, делает весьма категоричный вывод: «Утверждение веры в бога даже у самых горячих сторонников церкви не всегда означает приверженность всем догматам, которые церковь провозглашает»². Мировоззрение современного верующего, считает он, характеризуется неразберихой во взглядах и представлениях, причем в различных ситуациях верующие отдают предпочтение то одной установке, то другой.

Отмеченные разные формы и уровни религиозных представлений — и официальные и обыденные — испытывают влияние реальной действительности и в то же время воздействуют друг на друга, способствуя тем самым эволюции всего религиозного комплекса. Вспоминается в этой связи замечание Энгельса, сделанное в одной из ранних работ еще в 1842 г.: «Даже самый последовательный христианин не может вполне эмансипироваться от условий нашего времени; время принуждает его вносить изменения в христианство»³.

Разрыв между светскими умонастроениями, реальной повседневной жизнью людей и предписаниями церкви стал сегодня даже в буржуазном обществе столь очевидным, что папа Павел VI 17 сентября 1975 г. на приеме в Ватикане специально остановился на этом вопросе. Он сетовал на то, что принадлежность к христианству у многих не влечет за собой никаких практических последствий ни в личной, ни в общественной жизни. Более того, в представлении совре-

¹ Pannet R. Le Catholicisme populaire. 30 ans après, p. 186.

² Duquesne J. Dieu pour l'homme d'aujourd'hui. Paris, 1970, p. 102.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 488.

менного человека, подчеркнул папа, наблюдается четкое различие, даже разрыв между действиями гражданина, его обязанностями в обществе и предписаниями религии. В общественном мнении произошел переворот: выступать в качестве христианина в социальных или профессиональных действиях сегодня часто означает недостаток здравого смысла и хорошего вкуса, приверженность к интегристскому клерикализму, к недопустимому препятствию свободе дискуссий и действий.

Прогрессирующая «детеологизация» религиозных категорий связана с тем, что сегодня верующий, как говорилось выше, все более руководствуется реальными земными целями, критериями общественной потребности и все меньше уделяет внимания собственно «религиозным ценностям». Если раньше любая реальная жизненная помощь человеку неизменно выдавалась за служение богу, то ныне само служение богу простые верующие понимают как служение человеку. Социальная реальность, ее нужды и потребности оказываются определяющим фактором всех действий верующего.

Отметим в этой связи, что на заседании V синода епископов католической церкви, состоявшемся в Риме осенью 1977 г., кардинал Марти, архиепископ Парижа, сделал весьма красноречивое заявление. Он признал, что в мировоззрении современного верующего, особенно молодого, наличествует много идей; и религиозная вера является лишь одним из взглядов наряду с другими¹. Обесценение религиозных категорий, идеи сверхъестественного приводят не только к тому, что в религии хотят видеть лишь подсобное средство разрешения жизненных вопросов, но и к тому, что все чаще оказываются облаченными в религиозные одежды освободительные, революционные стремления, идеи благоденствия трудящихся, их национальной и социальной свободы.

¹ L'Humanité, 1977, 21.X.

Изменения во взглядах верующих вынуждены учитывать все религиозные направления, давая, в свою очередь, новые официальные трактовки традиционной для любой религиозной системы антиномии между земным и небесным. Знаменательно в этом отношении коммюнике о теологических дискуссиях между представителями русской православной и католической церквей, состоявшихся летом 1975 г. в Италии. В нем христианское спасение предстает как освобождение, при этом акцент сделан на том, что оно начинается уже в этом мире. Поэтому, подчеркивается в коммюнике, ныне церковь призвана служить справедливости, миру, освобождению от зла личного и коллективного путем сотрудничества всех людей доброй воли, как верующих, так и неверующих¹. Таким образом, сегодня все более явным становится стремление сторонников обновления религиозной доктрины по возможности связать ее с общечеловеческими, гуманистическими устремлениями, земными ценностями и надеждами. Эти мотивы неоднократно воспроизводились и в ряде выступлений папы Иоанна Павла II. Так, в его энциклике «Редemptor hominis» («Спаситель человечества») (1979) всемерно проводится идея о том, что религия не отвращает человека от созидательных усилий в земной жизни, а стимулирует-де их, способствует развитию и прогрессу. В ней, в частности, подчеркивается, что «церковь, воодушевляемая эсхатологической верой, считает заботу о человеке, о будущем людей на земле, а потому и о направлении всего развития и прогресса существенной для своей миссии».

Модернистские трактовки, затрагивающие вопросы эсхатологии, самой сути миссии, «смысла существования» церковного института,— прямое следствие обесценения былого божественного ореола религии в сознании масс верующих и их нового отношения к служителям церкви. Последних верующие хотят видеть демократичными, озабо-

¹ La Documentation catholique, 1975, 3—17.VIII, p. 707.

ченными реальными вопросами, помогающими в борьбе с земным злом, с сильными мира сего.

Именно эти настроения, запросы и чаяния миллионов трудящихся-верующих, формирующиеся под воздействием революционного характера эпохи, социалистического и общедемократического движений, колоссальных достижений научно-технического прогресса, распространения идей секуляризма, материалистических воззрений, и вынуждают духовенство идти по пути модернизма, искать «обновленческие» трактовки всей суммы существующих сегодня социальных и духовных реальностей. Вся эта модернистская деятельность есть стремление с помощью более утонченных средств сохранить идейное воздействие на верующих.

В результате весьма наглядно проявляется знаменательная тенденция известной трансформации содержания деятельности и функций тех или иных звеньев церковной организации. Этот процесс наглядно можно проследить на примере массовых клерикальных организаций, действующих в несоциалистических странах. Созданные для политического воздействия на общественную жизнь, сознание масс, они сами подвергаются их воздействию. В итоге деятельность массовых организаций, существующих под эгидой церкви, все чаще приобретает иной характер, чем этого хотели бы их правые руководители. Получается чрезвычайно противоречивая ситуация. Церковь опирается на массовые организации, но с ростом их рядов, привлечением в них трудящихся все чаще возникает оппозиция рядовых членов этих организаций внутренней и внешней политике реакционной части руководителей, усиливается тяга трудящихся-верующих к единству с передовыми отрядами рабочего класса и других слоев населения.

Рядовые верующие, находящиеся под влиянием клерикальных организаций, тем не менее стремятся изменить практику и политику их и самой церкви в важнейших вопросах современности. Это затрагивает различные сферы социально-политической жизни, международной политики.

В частности, все настойчивее становятся требования трудящихся-верующих, чтобы руководители церковных организаций внесли свой вклад в борьбу против термоядерной опасности, обострения международной напряженности, за упрочение и развитие разрядки, за исключение опасности мировой войны, за разумное решение экологических и других насущных проблем, затрагивающих интересы всего населения планеты.

Этот поворот в сознании верующих не может не учитывать духовенство, в первую очередь низшее, непосредственно соприкасающееся с паствой. А некоторые священнослужители искренне считают своим долгом участвовать в общедемократических движениях, в социальной борьбе на стороне трудящихся.

Новые запросы и чаяния миллионов трудящихся-верующих вынуждают все церковные организации под угрозой дальнейшего уменьшения контроля над редееющей паствой выискивать новые подходы, новые пути и возможности для «диалога с миром». Поэтому консервативные религиозно-политические институты, отдавая дань эпохе, встают на путь «переоценки ценностей», прочно устоявшихся за столетия. Это можно наблюдать в Европе и Азии, Америке и Африке, среди протестантских, католических, православных, исламских, буддистских да и любых иных религиозных организаций. Более того, процесс модернизации позиции церквей проявляется буквально во всех областях деятельности религиозных организаций. Политика приспособления религий к нашей эпохе отнюдь не сводится лишь к постепенному избавлению от допотопных архаизмов и очевидных нелепостей, к упрощению и удешевлению для верующих традиционных обрядов. С учетом особенностей данного региона, данного религиозного направления сегодня вырабатываются, как выше говорилось, новая политика, новые методы отношения к самому широкому кругу проблем — к рабочему и национально-освободительному движению, к современному научному и техническому прогрессу.

су, проблемам войны и мира, гонки вооружений, демографии и экологии, к светской власти, к эксплуататорскому буржуазному государству и т. д. Среди самых разнообразных модернистских процессов и явлений, наблюдаемых ныне в сфере религии, остановимся в данном случае на одной проблеме.

Новыми моментами в деятельности, пожалуй, всех крупных религий, озабоченных тем, чтобы преодолеть кризисные явления, выступают отчетливо выраженные процессы интеграции, стремление объединить все организации той или иной конфессии. Именно интеграционные процессы привели, например, в рамках буддизма к созданию Всемирного братства буддистов, в рамках ислама — к появлению различных международных исламских объединений — Всемирного исламского конгресса, Академии исламских исследований при Аль-Азхаре и др. Наиболее значительные размеры они приняли в экуменическом движении, то есть движении за объединение христианских церквей, которое координирует Всемирный совет церквей.

Всемирный совет церквей (в который входит в настоящее время большинство протестантских, православных церквей, армяно-григорианская и некоторые другие церкви) пытается интегрировать все формы религиозной деятельности: международную, социально-политическую, миссионерскую, благотворительную. В целом деятельность Всемирного совета церквей направлена на поиски путей к объединению всех разновидностей христианства. В частности, уже ряд лет действуют различные международные теологические комиссии с целью добиться сходной трактовки проблем экклесиологии, христологии, сотериологии и т. д.

Экуменическая дискуссия касается также вопросов богослужения, его «языка» и структуры, их взаимосвязи с библейским «языком». Практическая деятельность современного экуменизма опирается на некоторые модернистские идеи религиозной философии. Например, разработка

принципов общей герменевтики осуществляется деятелями экуменизма, исходя из идей школы Бульмана; в дебатах же о природе церкви используются еkkлeзиoлoгичeские и xриcтoлoгичeские элементы учений крупнейших протестантских теологов XX в. (П. Тиллиха, К. Барта и др.).

Вообще на становление экуменизма наибольшее влияние оказали идеи и принципы так называемой либеральной теологии, в то время как теологи консервативного направления (фундаменталисты) в своем большинстве выступали против экуменизма. Правда, в последнее время во взаимоотношениях сторонников либерализма и фундаментализма наметились некоторые перемены. Представители современного, так называемого «умеренного фундаментализма» пересматривают свои взгляды, добиваясь компромисса с либералами, в том числе и по вопросу об экуменизме. Экуменические тенденции усиливаются во всех конфессиональных христианских системах. Многие теологи не только протестантского, но и православного, и даже католического толка стремятся представить свои взгляды как общехристианские и, в отличие от былой практики, не подчеркивают ныне специфические конфессиональные особенности и различия.

Теологи, разделяющие экуменические принципы, стремясь предстать в качестве «современной школы», предпринимают в своих работах довольно широкое сочетание теологии и светской буржуазной социальной мысли. Это можно проследить, например, на интерпретации экуменистами социальных проблем научно-технической революции, социальных изменений, футурологических концепций, проблем человека, социологии организации¹.

Анализ показывает, что особенность экуменической интерпретации указанных вопросов неизменно сводится к такой самой общей идеалистическо-религиозной трактовке, которая должна (при всей ее порой радикально-обновлен-

¹ См.: Крянев Ю. В. Христианский экуменизм. М., 1980.

ческой позиции) «устроить» все разновидности христианства. Например, экуменическая трактовка перспектив научно-технического и общественного прогресса сводится к следующему: научно-техническая революция не разрешает социальных проблем, а ставит человека, по сути дела, в парадоксальную ситуацию «угнетения», так как место порабощения человека природой занимает порабощение его собственным над ней господством. Согласно такой концепции, кризис науки и техники преодолим лишь путем установления эффективного религиозно-этического контроля над научно-техническим прогрессом, исходящего из креационистской идеи ответственности человека за все сотворенное богом. Аналогичным образом интерпретируют теологи, придерживающиеся экуменических воззрений, проблемы социальных изменений. Признавая необходимость социальных преобразований, они стремятся приспособить церковь к деятельности среди масс, охваченных настроениями социального протеста. Правда, при этом они отталкиваются от ложных посылок: например, причины социальных преобразований они видят не в классовых антагонизмах, а в противоречиях между «богатыми» и «бедными» странами. Что касается характера и направленности социальной революции, то все они, связывая революцию с эсхатологическими идеями, одинаково искажают ее природу.

В трактовке проблемы человека — узловой проблемы экуменических дискуссий — неизменно наблюдается стремление философски обосновать традиционно-христианское истолкование человека как продукта божественного творения, обновив его новейшими данными естествознания. Христианская антропология модернизируется путем увязывания проблем происхождения человека и эволюционной теории, причем используются даже евгенические концепции. Характерно, что, констатируя преобладание прозападного подхода к проблеме индивидуальности, личности и общества, ряд представителей экуменического движения указыва-

ют на необходимость диалога и сотрудничества с теологами стран Азии и Африки, которые должны-де, по их мнению, усилить экуменические позиции.

Любопытно, что теологи, разделяющие идеи экуменизма, не прочь использовать в своих построениях новейшие социологические концепции, например распространенную среди буржуазных социологов «теорию организации». С ее помощью они пытаются решать вопросы организации религиозной общности, проблемы власти и авторитета, связей церкви со светскими организационными структурами и т. д. И здесь главная их цель заключается в том, чтобы при помощи социологических методов обосновать вечность единой церкви как необходимого элемента социальной структуры общества.

Как отмечалось, все больший интерес к пропаганде экуменических взглядов проявляет католическая церковь, однако неизменно подчеркивая при этом справедливость основ «своей веры». По существу, за аналогичную цель — воссоздать единую церковь — выступает папа Иоанн Павел II. Правда, его аргументация, как правило, сугубо теологична. Например, он часто уподобляет все христианство «единому телу господню», которое включает многих членов. Такие взгляды развивал папа римский, в частности, во время недели молитв за единство христиан 18—25 января 1981 г.¹

Анализ рассмотренных вопросов неизбежно подводит к выводу о том, что стремление теологов различных христианских направлений консолидировать свои ряды связано с рядом причин. Важнейшая среди них — стремление путем объединения усилий помешать распространению секуляризма, научного материализма. Подобные причины в первую очередь и стимулируют поиски последователей экуменизма, неизменно преследующих одну цель — создание единой теологии путем преодоления разногласий в пони-

¹ L'Osservatore Romano, 1981, 22.I.

майнй христологии и сотериологии, в оценке эkkлeзиo-логичeских проблем, сущности и деятельности церкви, ее основных характеристик. Сравнительное изучение доктринальных различий между христианскими церквями должно, по их мнению, не только помочь формированию общехристианского учения, но и способствовать кооперированию практической деятельности церквей и даже в перспективе формированию единой религиозной общности.

Однако различия, свойственные исторически сложившимся направлениям христианства и закрепленные их многовековой практикой, настолько сильны, что на деле желаемое единство далеко еще не достигнуто; в настоящее время лишь обсуждаются различные его модели, а также вопросы одинакового отправления обрядов. Равным образом не сформулирован еще и принцип единого понимания Библии. Разногласия в интерпретации библейских текстов должны быть преодолены, как надеются последователи экуменизма, посредством разработки согласованного образца герменевтики, включающего «диалектическое единство всеобщего и отдельного»¹.

Перипетии современного христианского экуменизма есть следствие углубляющегося кризиса религии, разворачивания процесса секуляризации общественной жизни, это — звено в общей модернизаторской политике христианских церквей. Не случайно даже организации, не входящие в состав Всемирного совета церквей, вынуждены пересматривать свою политику как по отношению к деятельности Всемирного совета церквей, так и по отношению к отдельным христианским направлениям, значительно усиливая сотрудничество с ними по целому ряду вопросов. Выше в качестве подобного примера говорилось о католицизме. И это очень симптоматично, ибо в современном мире ни одно вероисповедание и ни одна церковь не могут уже позволить себе вести былую шумную междоусобную кампанию. Наоборот,

¹ The Ecumenical review, 1979, vol. 31, N 1, p. 25.

они стремятся найти «общий язык», наладить совместные действия против растущей общей угрозы — распространения материалистических, научных взглядов. Так, будучи в ноябре 1980 г. с визитом в ФРГ, папа Иоанн Павел II большое внимание уделил встречам с представителями различных — отделившихся в свое время от Рима и ранее осуждавшихся за это католицизмом — христианских церквей, выступал за интенсификацию диалога с ними¹. С согласия папы была создана совместная комиссия западногерманских католиков и протестантов для изучения экуменических проблем, которая неизменно подчеркивает общие черты обоих вероисповеданий, призывает терпеливо идти по пути объединения христиан.

Выражением этой политики явилось и апостольское послание папы Иоанна Павла II от 2 января 1981 г., в котором он объявил «святых Кирилла и Мефодия покровителями Европы». До сих пор единственным покровителем Европы считался католический святой Бенедикт, которому этот ранг в 1964 г. присвоил папа Павел VI; теперь воздается должное и православным святым. Характерны доводы, приведенные при этом Ватиканом. В апостольском послании подчеркивалось, что это решение было принято под влиянием «многих причин исторического характера, связанных как с древней, так и с современной историей и имеющих богословское, церковное и культурное подтверждение в истории нашего европейского континента... Европа в ее географическом целом — это, так сказать, результат деятельности двух христианских течений, а также двух различных, но в то же время глубоко взаимодополняющих друг друга форм культуры»².

Ватиканская газета «Оссерваторе романо» подчеркивала, что этот акт папы римского отражает «пожелание теологического диалога между католической и православной

¹ La Documentation catholique, 1980, 21.XII, p. 1147.

² Ibid., 1981, I.II, p. 110—111.

церквями, успешно начатого в 1980 г., чтобы в духе служения Евангелию и людям, каким руководствовались святые Кирилл и Мефодий, мы сумели добиться полного единения двух братских церквей»¹.

В конце января 1981 г. «Оссерваторе романо» опубликовала интервью сотрудника Секретариата по объединению христиан Э. Фортино о диалоге между католической и православной церквями. В нем, в частности, говорилось, что в последнее время продолжали развиваться связи католицизма со всеми православными церквями на различных уровнях и в разных формах². Так, например, в 1980 г. в Рим с визитом приезжали руководители ряда автокефальных православных церквей — русской, грузинской, константинопольской и др.

В марте 1980 г. в Одессе состоялось пятое заседание в ходе диалога между католической и русской православной церквями. В ноябре того же года делегация Ватикана, возглавляемая кардиналом Виллебрандсом, посетила константинопольскую патриархию.

После возобновления отношений Ватикана с отдельными православными церквями и продолжавшейся несколько лет работы двух подготовительных комиссий (православной и католической) в конце мая 1980 г. на о. Патмос состоялось заседание смешанной комиссии для обсуждения богословских проблем. Комиссия продолжала затем свою работу в Риме. Так была начата новая фаза в отношениях католической церкви с православными церквями. Новой ее можно считать прежде всего потому, что отныне этот диалог происходит с православной церковью в целом, поскольку в смешанной комиссии представлены все православные церкви, ей поручено обсудить теологические аспекты раскола, чтобы найти соглашение по всем спорным вопросам в отношениях между католиками и православными.

¹ L'Osservatore Romano, 1981, 2.I.

² Ibid., 1980, 27.I.

Стремление наладить диалог, единство действий характеризуют не только отношения между разновидностями той или иной религии. В последнее время учащаются связи и между различными религиями, с тем чтобы избежать былых взаимных обвинений и ссор, «нежелательных» сегодня для любой из них. Характерным в этом отношении было выступление папы Иоанна Павла II 17 ноября 1980 г. в Майнце (ФРГ) на встрече с местной еврейской общиной, где он всемерно ратовал за диалог верующих евреев и католиков¹.

Политика сотрудничества различных христианских церквей с иудаизмом, исламом и другими религиями сегодня активно проводится на различных уровнях как в рамках отдельных стран, так и на международной арене. Так, в июне 1980 г. во Франции состоялся исламско-иудейско-христианский коллоквиум с участием представителей этих религий из разных стран Европы, Африки, Азии. Цель встречи заключалась в том, чтобы, невзирая на доктринальные различия, найти общие, объединяющие эти три религиозных направления факторы².

Осуществляемая под воздействием обновленного массового религиозного сознания, новых социально-политических настроений и требований широких слоев верующих модернистская политика церквей нуждается, разумеется, в дифференцированном анализе. В зависимости от того, о каких вопросах идет речь, в какой области (собственно богословской, религиозной, политической, международных отношений) проявляется обновленчество, различный смысл приобретают и эти новые явления, различен их общественный резонанс.

Диалектико-материалистический анализ, всестороннее осмысление причин модернистских процессов в различных церквях и их последствий весьма содержательно осущест-

¹ La Documentation catholique, 1980, 21.XII, p. 1148—1149.

² Ibid., 5.X, p. 896.

входят в последнее время зарубежными и советскими исследователями-марксистами, которые опираются в своей работе на имеющуюся в марксистском обществоведении солидную традицию научного анализа эволюции тех или иных религиозных систем. Достаточно сослаться на интереснейший анализ изменения форм религии, который был дан Ф. Энгельсом в произведении «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Энгельс убедительно показал, как на протяжении веков с развитием социальных условий религия видоизменялась, приспосабливаясь к той или иной эпохе. Когда в связи с образованием в античном мире мировой империи появилась идеологическая потребность в мировой религии, то римские боги, «скроенные по узкой мерке города Рима», уступили место христианству. Но и христианство не всегда было равным самому себе. В период феодализма социальный смысл всей его философии, догматики, этических концепций состоял в том, чтобы санкционировать и возвеличивать в качестве богоугодных феодальный способ бытия, его основополагающие политические и идеологические устои. Далее Энгельсом прослеживаются буржуазный характер реформации, ее особенности в той или иной стране, специфика деятельности реформаторов церкви в тех или иных конкретных исторических условиях.

Марксистско-ленинская наука дает методологические предпосылки не только для анализа эволюции религии в целом, изменений в политике церквей, наблюдаемых после установления новых производственных отношений, нового социально-политического строя. Дело в том, что и в рамках одного общественного строя крупные социальные сдвиги, развитие научного познания и т. д. вызывают необходимость модернизации веками складывавшихся религиозных систем, так называемые обновленческие тенденции среди духовенства, стремящегося сохранить религию, сделав ее более приемлемой для сознания современников. Хотя представители различных церквей и религиозных ор-

ганизаций обосновывают свои модернистские устремления различной аргументацией, все они стремятся, говоря словами В. И. Ленина, «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»¹.

Глубокий анализ подобного рода приспособленчества церковников дан в ряде работ В. И. Ленина, написанных в начале века. В 1909 г. в статье «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» В. И. Ленин писал о попытках представителей русской буржуазии укрепить религию, ее влияние на массы путем замены слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшалых, не достигающих цели средств более тонкими, более усовершенствованными. Стремление «культурного» капитала иметь религию, которая сохранила бы свои позиции, в том числе среди части отсталых рабочих и в особенности мещан и крестьян, обусловило необходимость действовать, как пишет Ленин, «поумнее, похитрее, поискуснее»².

Методология анализа религиозного обновленчества классиками марксизма-ленинизма, применение ими материалистической диалектики к изучению новых процессов в сфере религии и сегодня помогают объективно, научно рассматривать процессы модернизации религии. Разумеется, специфика ныне наблюдаемого религиозного модернизма вносит много нового, ставит ряд новых задач, требующих своего теоретического и политического осмысления.

Отметим в этой связи, что сегодня уже недостаточно показать (даже на современном материале) детерминированность религиозной формы общественного сознания социальными, экономическими отношениями, существующими в данный период. Ныне на первый план выдвигается далеко еще не в полной мере разработанная проблема конкретных особенностей эволюции религиозной идеологии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 90.

² Там же, т. 17, с. 436.

Последняя, обладая относительной самостоятельностью в большей мере, чем другие формы сознания, наиболее консервативна, а на ее развитие в значительной мере оказывает воздействие ее же собственная история. Взять хотя бы то обстоятельство, что здесь эволюция происходит в рамках существующих догм, оформляется в понятиях, категориях ортодоксальной догматики, получающих ныне уже иное истолкование. В результате изменяется и само существо целого ряда концепций и взглядов. Например, наука уже не представляется современными религиозными модернистами соперницей «божественного», а мир, некогда признаваемый ими греховным, предстает ныне достойным восхищения; человек, изображавшийся прежде преимущественно грешником, в наши дни предстает достойным всемерного уважения. Равным образом покорность, считавшаяся ранее первейшей добродетелью верующего, уступила место стремлению к активной деятельности, ответственности перед окружающими, будущими поколениями.

Если несколько десятков лет тому назад социализм отвергался всеми религиями — восточными и западными — как греховное общество, а на головы коммунистов и сочувствующих призывались всяческие кары, то сегодня многие служители исламского, христианского, буддистского, иудейского и других вероисповеданий идут на диалог и сотрудничество с ними. Одним словом, новая реальность вносит коррективы в содержание религиозных понятий, концепций и соответственно в практику религиозных организаций. Поэтому анализ религиозных концепций в наши дни, соотношения в них «старых» и «новых» компонентов, особенностей их воздействия на социальное поведение верующего, на массовые движения — важное звено в осознании современного религиозного модернизма. В самом деле, если обратиться к католицизму и проанализировать любой из 16 документов, принятых II Ватиканским собором, так же как и другие позднее принятые церковные документы, то при всем их модернистском характере, порою весьма

неожиданном, в них нельзя обнаружить ничего такого, что формально противостояло бы традиционной догматике. Равным образом в идеологических трактовках, которые используют левые мусульманские деятели для обоснования нового подхода к разным сферам личной и общественной жизни, фигурируют традиционные понятия и воззрения ислама. Даже в том случае, когда традиционное и модернистское эклектически сосуществуют, пускаются в ход все уловки, чтобы создать видимость «неизменности» «вечных догм» ислама, католицизма и т. д.

Особенности реформаторских тенденций в современных религиях как в вопросах международной политики, так и в области вероучения, социальной доктрины, культа, организации можно раскрыть и понять лишь в связи с революционными социально-политическими изменениями нашего века, научно-технической революцией, образованием мировой социалистической системы, дальнейшим углублением общего кризиса капитализма. Ключ к всестороннему пониманию нынешнего религиозного модернизма — в особенностях современного общественного бытия, в умонастроении, чаяниях и тревогах человека нашей эпохи, в социально-политических проблемах, стоящих, разумеется, по-разному в буржуазном обществе, в освобождающихся и развивающихся странах, в социалистических странах.

Диалектико-материалистический анализ модернизации религиозных систем никогда не был для марксистов самоцелью. Коммунистическим и рабочим партиям, действующим в регионах с относительно высоким процентом верующего населения, исследование новых процессов в сфере религии и церкви необходимо в первую очередь для определения своей политической позиции. Марксисты-ленинцы с должным вниманием относятся к роли религиозного фактора в политике, в рабочем, общедемократическом и национально-освободительном движениях. Об этом неоднократно говорилось в документах международных совеща-

ний коммунистических и рабочих партий. Так, в Заявлении европейских коммунистических и рабочих партий — участниц конференции в Карловых Варах обращается внимание на то, что «новые тенденции проявляются в христианских кругах в отношении проблем социального прогресса и мира»¹. В Заявлении содержалось специальное обращение «к христианским силам, к католикам и протестантам, к верующим всех вероисповеданий, которые свои стремления к миру и социальной справедливости мотивируют религиозными убеждениями»². Аналогичные идеи многократно высказывали коммунисты Латинской Америки, Азии, других регионов нашей планеты.

В этих условиях объективное изучение процессов, происходящих во всех религиозных организациях, форм и сущности их «обновления» представляет огромный политический и теоретический интерес.

О ПРИЧИНАХ, ПОРОЖДАЮЩИХ АКТИВИЗАЦИЮ РЕЛИГИИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ МИРА

Диалектика социального развития современного мира порождает пеструю мозаику противоречащих друг другу, даже взаимоисключающих тенденций.

В рамках буржуазного общества это можно наблюдать в сфере экономики (монополии и конкуренция), политики (фашизм и полевение масс), культуры, сферы сознания (космополитизм и развитие национального самосознания) и т. д. Противоречия свойственны и анализируемой в данной работе проблеме религии в современном мире.

В самом деле, сегодня очевидна все расширяющаяся тенденция разложения традиционных форм религиозности, кризиса религиозных организаций, отхода от религии и

¹ Документы Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах 24—26 апреля 1967 года. М., 1967, с. 10.

² Там же, с. 16.

церкви все новых слоев населения как в буржуазных, так и особенно в социалистических странах.

Вместе с тем в наше время, если взять, например, социалистическую часть мира, можно наблюдать и другую довольно четко выраженную тенденцию. Здесь активно действуют и факторы, препятствующие секуляризации. Речь идет не только о стремлении руководителей церковных и сектантских организаций с помощью «обновленной», рафинированной трактовки основных догм, модернизации культа укрепить позиции религии, привлечь в ее ряды новых последователей. Наблюдается ныне и оживление религиозных верований среди определенных слоев населения, появление новых форм верований — от откровенно фанатических (вроде почитателей сатаны в США) до интеллектуально-мистических культов и сект.

Наконец, существуют огромные регионы, где роль религиозного фактора в массовых движениях приняла весьма значительные размеры. Это можно наблюдать в странах, ведущих национально-освободительную борьбу, в развивающихся странах.

Раскрытие причин указанных явлений, степени их распространения предполагает конкретный и дифференцированный их анализ, учитывающий особенности региона, остроту проявления противоречий империалистической системы, уровень научно-технического прогресса, степень развертывания освободительных движений и т. д.

Что касается буржуазных стран, то довольно значительное развитие науки и техники здесь отнюдь не приводит прямо и непосредственно к массовому угасанию религиозности. И это неудивительно. Ожидать иного можно было бы лишь с позиций технологического детерминизма, однозначно выводящего развитие всех компонентов общества из прогресса науки и техники. Подобная методология чужда марксистско-ленинской философии истории; при критике этой порочной концепции марксисты неизменно раскрывают суть игнорирования представителями технологиче-

ского детерминизма роли буржуазных производственных отношений, воспроизводящих социальные антагонизмы и при высоком уровне развития производительных сил.

И к анализу судеб религии в условиях бурного развития науки и техники в рамках современного капитализма нужно подходить всесторонне, комплексно, учитывать общие качественные характеристики этой системы. Как известно, марксистско-ленинская теория рассматривает религию как результат «саморазорванности земной основы», как продукт, закономерно порождаемый условиями антагонистического общества, где наличествуют ее глубокие социальные корни. И сегодня это общество со своими органическими пороками — кризисами и безработицей, подавлением прав и свобод трудящихся, отчуждением личности, ростом преступности и т. д. — в массовых масштабах порождает настроения подавленности и неуверенности, внутреннюю потребность людей в религиозном утешении. «Превратный мир» порождает и соответствующее мироощущение и мировосприятие, ибо, как писал Маркс, «религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d' honneur^{*}, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания»¹.

К традиционным социальным основаниям религиозности в буржуазном мире, обстоятельно раскрытым марксистско-ленинской теорией, в наше время прибавились наряду с крайним обострением социально-экономических противоречий империалистической системы угроза термоядерной войны с колоссальными людскими потерями, опасность экологического кризиса, бездуховность общества, опустошающая личность, и т. д. Именно эти вопросы находятся в последнее время в центре внимания религиозных деятелей различных направлений. Так, принимая 13 октября 1980 г.

^{*} Вопрос чести. — *Ред.*

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 414.*

участников Международного конгресса католического права, папа Иоанн Павел II особо подчеркнул роль религии и церкви в решении глобальных проблем, которые встают сегодня перед человечеством и которые не могут-де быть решены только разумом и собственно человеческими институтами. Поскольку, по мысли папы, будущее человека находится под угрозой, он все больше подвергается риску быть уничтоженным «материей и техникой», то возрастает необходимость в духовном, религиозном¹. В современной западной, и не только религиозной, литературе много говорится о настроениях страха, отчаяния, разочарования, вызванных научно-техническим прогрессом, о массовых состояниях стресса, «отчуждения», заставляющих людей искать пути спасения от «трижды безумного» мира и т. д. Отсюда естественно желание людей, живущих в условиях распространения преступности, наркомании, порнографии и других язв современной буржуазной цивилизации, найти какую-то психологическую отдушину, успокоение, моральную поддержку в рамках религиозных организаций.

Некоторые черты этих явлений довольно ярко раскрыты в публикации священника Бальдуччи, помещенной в апреле 1981 г. в газете «Унита» под выразительным заголовком «Возвращение богов». Участвуя в обсуждении темы «Апокалипсическая ситуация и религиозные движения», Бальдуччи показывает, как неустойчивость, чувство опасности, неприятие современной так называемой индустриальной цивилизации вызывают у определенных категорий населения, в том числе у молодежи, возрождение религиозных настроений, которые могут получить самые различные проявления и формы². В статье, в частности, рассказывается, как во время форума, организованного в США лидерами международного студенческого движения, многие предпочитали называть себя монахами. При этом они исходили из того, что настоящий монах — это человек, который

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 13—14.X.

² L'Unità, 1981, 8.IV.

всей своей жизнью, поступками и словами заявляет, что этот мир основан на принципах фальши и обмана и надо искать мир иной.

Осуждая репрессивный характер «индустриальной цивилизации», подвергая сомнению ее ценности, проповедники «нового мировоззрения» доходят до экстаза, считая себя непонятыми пророками, людьми, «отличающимися» от других, даже безумными. Вслед за Маркузе они заявляют, что если западное общество — это больное общество, то каждый так называемый нормальный индивидуум тоже болен, поскольку его физическое здоровье находится в противоречии с нездоровьем умственным.

Спасение же они видят в том, чтобы сломать официальные «тюремные стены», находясь внутри которых безумный субъект принимает за настоящий внешний мир, который, по существу, является конденсатом иллюзий. Надо сломать эти преграды, эти «железобетонные стены», проложить себе дорогу ценой хаоса, смерти, безумия, потому что «скрытый бог» находится по ту сторону стен. Настоящий здоровый дух должен растворить, разрушить нормальное «я», связанное с безумной социальной действительностью. В этом процессе как раз и возникают в новых формах традиционные образы религиозных мифов: умереть, чтобы жить подлинной жизнью.

Здесь довольно реалистично описаны некоторые причины бегства людей от буржуазной цивилизации в сферу религиозных иллюзий, причины возникновения потребности в своеобразном монашеском уединении, которое представляется единственным средством спасения, отказа от существующей идеологии, культуры, отрицания официальных ценностей, бытующих межличностных связей, взаимоотношений общества и личности и т. д.

Автор подчеркивает, что именно указанные обстоятельства и создают условия «для возвращения богов», чьи образы могли быть скрыты в убежищах подсознательного. Разумеется, это вовсе не означает, что «новые монахи»,

отказавшись от привычной жизни, уйдут из города и начнут создавать сельские коммуны или подражать восточным аскетам, используя их приемы. Уход от данного мира осуществляется в духовном плане, с тем чтобы как-то «эмигрировать» из критической зоны буржуазного общества.

Говоря о тяге определенных категорий населения к религии, важно учесть и то, что порою религия спекулирует на вполне реальных человеческих проблемах, хотя представляемые ею средства и методы их решения иллюзорны.

Остановимся в этой связи на выступлении Иоанна Павла II в Турине, которое состоялось 13 апреля 1980 г. Папа говорил о страхе перед смертью. Этот страх, констатировал папа римский, оправдан, имеет разумные психологические основания, в том числе и желание человека жить. Это стремление и желание человека находит удовлетворение и разрешение в христианстве, показавшем-де на примере Христа радость воскресения¹.

Миф о воскресении распятого Христа, противопоставляемый страху смерти человека, как победа над этим страхом, разумеется, является иллюзорным основанием для чувства удовлетворения и тем более радости. Но для определенных слоев религия создает видимость решения подобных сложных вопросов, с которыми встречается каждый человек².

Не случайно религиозные авторы пытаются присвоить себе монопольное право на решение вопросов о смысле жизни, смерти и бессмертии, призывают церковь перенести на второй план мирские проблемы и сосредоточить внимание на главном — убедить человека сделать бога смыслом своего существования³.

То обстоятельство, что достижения современной цивилизации в капиталистическом обществе, вымывая почву под религией и создавая благоприятные условия для раз-

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 14—15.IV.

² См.: Панцхава И. Д. Человек, его жизнь и бессмертие. М., 1967.

³ Duquesne J. Dieu pour l'homme d'aujourd'hui, p. 289—290.

вертывания процессов секуляризации и роста атеистических воззрений, в то же время служат своеобразными предпосылками для воспроизводства религиозных воззрений, объясняется противоречиями и спецификой самого буржуазного строя, особенностями антагонистического способа производства. В полной мере и сегодня справедливы слова Ф. Энгельса о том, что «в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства. Фактическая основа религиозного отражения действительности продолжает, следовательно, существовать, а вместе с этой основой продолжает существовать и ее отражение в религии»¹.

Важно подчеркнуть, что потребность людей, терпящих экономические и социальные, правовые и культурные тяготы и лишения, находящая восполнение в иллюзорных видах сознания, всемерно используется и эксплуатируется как профессиональными религиозными деятелями, так и господствующими кругами общества. Последние всячески стараются направить интеллектуальные и эмоционально-психологические поиски людей в нужное для себя русло, поставить их в рамки, которые не могут угрожать устоям капиталистического общества².

Поддержка религии и ее организаций со стороны власти предержащих имеет разные формы: финансово-экономическую, социально-политическую, нравственно-психологическую. Так, официальная буржуазная пропаганда неизменно стремится внедрить в общественное сознание выгодные ей, а по существу глубоко антидемократические стереоти-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 329.

² История знает немало случаев, когда господствующие круги эксплуататорского общества обращаются, особенно в период глубоких кризисных состояний, к мистике, в ней ищут спасение. Эта тема освещена в специальной литературе (см., например: Рожнов В. Е. Пророки и чудотворцы. М., 1977).

пы, вроде верующий — «примерный семьянин», «положительный человек», «благонадежный» и т. д. В результате искусственно противопоставляются друг другу верующие и неверующие; а атеисты предстают в качестве неких второсортных и неблагонадежных граждан. В этих же целях используются и социально-правовые санкции (религиозная клятва на суде, предоставление определенных видов работы предпочтительно верующим и т. д.).

Тесная связь господствующих классов капиталистического общества с традиционными религиозными направлениями, видимо, нередко является причиной того, что удовлетворение возникающих религиозных потребностей осуществляется в последнее время не только в их рамках. Этим и объясняются поиски каких-то новых форм религии, отличающихся от скомпрометировавших себя в политическом и моральном плане традиционных религиозных организаций. Им посвящена довольно обширная литература. Остановимся здесь лишь на одном примере.

Рассматривая современный кризис традиционной религии, испанский буржуазный философ Х. Арангурен анализирует развивающееся в его стране тяготение к различным формам неинституционализированной религии, которое он связывает с разочарованием людей в индустриальном обществе, в обществе «массового потребления». «В результате, — пишет он, — появляются целые группы, которые не хотят приспособливаться к современности и настолько решительно отказываются от нее, что даже не предполагают с ней бороться... Эти формы религии требуют образа жизни, основанного на разрыве с «развитым» обществом»¹.

Хотя автор не вскрывает глубинные причины, порождающие подобные явления, сама констатация появления различных групп неинституционализированной религии (вплоть до хиппи) правильна. И это характерно не только для Западной Европы.

¹ *Aranguren J. La crisis del catolicismo. Madrid, 1970, p. 106.*

Весьма красноречива современная религиозная ситуация в США, где наблюдается своеобразный бум различных новых культов, сект, мистическо-религиозных организаций, которые, по приводимым в литературе подсчетам, только после второй мировой войны объединили около 20 миллионов последователей. Членами их, как правило, являются отверженные американским образом жизни люди — жертвы социального и расового неравенства, старики, лишенные средств к существованию, больные, не получающие должной помощи, выходцы из средних слоев, опустившиеся на дно жизни, и т. д.

Есть среди них и радикальные элементы (особенно молодежь), резко протестующие против существующего образа жизни, против расизма, милитаризма, нарушения буржуазно-демократических прав и свобод и т. д. Именно они в первую очередь подвергаются преследованиям и репрессиям, а потому вынуждены скрываться от властей. В результате они нередко становятся жертвами религиозного фанатизма и изуверства. Видимо, в аналогичной ситуации оказались, например, те 914 членов общины «народный храм» Джима Джонса, которые погибли в джунглях Гайаны в 1978 г.

Неудивительно, что глубинные причины трагедии, разгравшейся в гайанских джунглях, предаются забвению буржуазными средствами массовой информации, которые всячески распространяют версию, выдвинутую американской пропагандой и сводящую все к «демоническому» характеру проповедника общины Джонса, к его желанию властвовать над людьми или к добровольной массовой акции иступленных религиозных фанатиков¹. При этом остаются в тени истоки трагедии, ее главный виновник — американское буржуазное общество.

Конкретный диалектико-материалистический анализ причин активизации религии и церкви призван раскрыть

¹ *Dem M. Jim Jones — le demon de Guyana. Paris, 1979.*

особенности этого процесса в разных регионах планеты. Ясно, что и его причины, и его масштабы неодинаковы в разных районах, при разных социально-политических условиях.

Что касается, например, определенного усиления влияния ислама на политические процессы в ряде стран Азии и Африки, то тут необходимо принять во внимание те исторические, экономические и политические факторы, которые свойственны этим странам. Речь идет о немалой части планеты, ведь мусульмане (всего в мире их более 0,5 миллиарда человек) проживают в более чем 50 странах, в большинстве из которых они составляют основную часть населения, а во многих из них ислам объявлен государственной религией.

Значительный послевоенный подъем национально-освободительного движения, распад мировой колониальной системы, образование молодых государств, их бурное развитие были немыслимы без социального пробуждения и постепенного приобщения к активной исторической деятельности значительных масс людей — населения этих стран.

Поскольку единственной массовой формой общественного сознания в них выступала (и выступает в настоящее время) религия, то свои социальные и национальные устремления и цели они неизбежно выражали и выражают в религиозной форме. В других идеологических формах на данном этапе развития они не только не могут сформулировать свои потребности и цели, но и понять их.

Говоря о традиции облекать в религиозную форму глубоко светские устремления масс, следует учитывать и те догматические и организационные характеристики ислама (о некоторых из них речь шла выше), благодаря которым он держит под контролем и регулирует все формы личной и общественной жизнедеятельности верующих-мусульман.

Процесс деколонизации, образования самостоятельных национальных государств был связан с усилением воздействия ислама на политическую жизнь ряда бывших коло-

инальных стран еще и потому, что угнетатели-колонизаторы (солдаты, колониальная администрация, предприниматели, купцы), в течение многих десятков лет вызывавшие всеобщую ненависть, были представителями чужеземных верований. Поэтому выступлению против колонизаторов, за национальную независимость и свободу, естественно, сопутствовало обращение к своим религиозным традициям, своим религиозным нормам, противопоставляемым традициям, нормам поведения чужеземцев-колонизаторов.

Тенденцию обращения к национально-религиозным традициям поддерживает и ряд новых социальных причин. Специальные исследования показывают, что особенностью развития капитализма в Азии и Африке является отчуждение огромной массы людей от средств производства без соответствующего их вовлечения в производство на новой, капиталистической основе. Это приводит к обострению демографической ситуации, росту населения городов, усилению пауперизации, к шаткому положению средних слоев. Ломка традиционных условий труда и быта сопровождается для этих больших слоев населения нестабильностью или даже ухудшением материального положения. В результате также создаются условия для активизации религии¹.

Определенный интерес к «ценностям» ислама возрастает и постольку, поскольку ухудшающееся положение масс связывается в их сознании с бедами, привнесенными западным, капиталистическим образом жизни, с отказом от своих, традиционно-мусульманских устоев бытия.

Благоприятную почву для почти автоматического отнесения всех бед и лишений за счет иноверных, иноземных, точнее, западных нововведений, будь то в сфере экономики, политики или быта, создало отсутствие в этих странах широких движений за секуляризацию, против засилья клерикализма. Как известно, в классических капиталистических странах подобные движения возглавляла молодая про-

¹ См.: *Примаков Е. М.* Ислам и процессы общественного развития стран зарубежного Востока.— *Вопросы философии*, 1980, № 8, с. 62.

грессивная буржуазия, энергично выступавшая против феодализма и поддерживающей его религиозной идеологии. Здесь же национальной буржуазии мусульманских стран пришлось бороться в первую очередь против колониального ига, при этом она стремилась вовлечь в движение широкие народные массы, апеллируя к единственно понятным для них религиозным категориям, в которые она облекала свои политические и социальные программные установки.

Социальные факторы, определяющие известное усиление влияния исламских организаций на международные отношения и внутреннюю жизнь ряда государств Азии и Африки, подчас превратно толкуются буржуазными средствами массовой информации. Нынешний подъем национально-освободительных движений они преподносят просто как процесс «реисламизации», то есть возврата к исламу не только как к религии, но и как к основе государственного, общественного строя¹.

Отмеченные выше моменты, укрепляя позиции ислама и повышая его авторитет среди определенных слоев населения ряда стран Азии и Африки, приводят к социальным и идеологическим результатам, которые не могут быть однозначно охарактеризованы. В самом деле, наряду с объективным ростом рядов участников антиимпериалистических движений, усилением национально-освободительной борьбы (сегодня это является главным) правые мусульманские деятели используют идеи «исламской общности» против пролетарского интернационализма, против классового подхода к решению задач национального и социального освобождения, стараются противопоставить эти идеи научному социализму, марксизму-ленинизму.

¹ *Manousakis G. Islam und die NATO. München, 1980.*

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КЛЕРИКАЛИЗМА

При характеристике идейной и социальной роли религии в современном мире нельзя не отметить постоянного стремления господствующих классов антагонистического общества откровенно или закамуфлированно использовать религию в своих социально-политических целях. В настоящее время эта тенденция наглядно прослеживается по чрезвычайно актуальным проблемам: отношение к идеологии и политике все расширяющего свои позиции социализма, к основным устоям отмирающего буржуазного строя, к общедемократическим движениям, к глобальным проблемам современности и т. д.

Реакционная политическая деятельность правого духовенства довольно обстоятельно рассмотрена в советской и зарубежной марксистской литературе¹. Остановимся лишь на некоторых особенностях современного клерикализма, рассмотрим направления сотрудничества реакционных клерикалов с империалистическими слоями.

¹ См., например: *Шейнман М. М.* Современный клерикализм. М., 1964. Эта проблема с разных сторон освещалась в работах наших исследователей — М. В. Андреева, Л. Н. Великовича, И. Р. Григулевича, И. Я. Кантерова, Н. А. Ковальского, В. Ю. Нюнки и др.

Пробуржуазную деятельность реакционного духовенства, активно распространявшего буржуазные идеи в религиозной оболочке, убедительно доказывает их антикоммунизм.

Использование антикоммунизмом религиозного знамени имеет давнюю традицию. На этом неблагоприятном поприще подвизались деятели различных религиозных организаций. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс заклеили папство как заклятого врага коммунизма, объединившегося со всеми силами старого мира для его «священной травли». Истекший период был временем несомненных успехов коммунизма, но рвение правых руководителей и проповедников различных религиозных организаций на этом поприще не ослабело.

В практике некоторых церквей травля коммунизма временами принимает тотальный характер. Так, за время деятельности трех известных своими антикоммунистическими и антидемократическими выступлениями пап — Льва XIII, Пия XI и Пия XII, понтификат которых приходится на рубеж XIX—XX вв. и первую половину XX в., ими были изданы несколько сот документов, в которых коммунизм в целях дискредитации его в глазах верующих изображается как «смертельная язва, разъедающая мозг человеческого общества» (Лев XIII), как греховное учение, отвергающее будто бы высшие духовные ценности, враждебное человеку и цивилизации. Папа Пий XI проповедовал, что коммунизм представляет собой «самое преступное из когда-либо существовавших на земле учений», которое «при помощи справедливых и привлекательных самих по себе идей» умеет ловко прикрывать свои сатанинские намерения.

В настоящее время антикоммунистическая клевета со стороны реакционных клерикалов становится одним из самых распространенных средств борьбы с прогрессивными силами. Клерикальный антикоммунизм сегодня представлен в самых разных формах, включая и внешние респекта-

белые «научные» средства критики теории и практики коммунизма. Однако практика показывает, что наиболее часто пускаются в ход самые примитивные его формы. Истерические призывы «спасать» веру, родину, семейные очаги от «страшной язвы» коммунизма, рассчитанные на дезинформированные в первую очередь отсталые крестьянские массы, усердно распространяются клерикальными средствами информации. Классические примеры подобного злобного антикоммунизма можно было наблюдать, например, в Португалии. Так, выступая 10 августа 1975 г. в городе Брага перед 30-тысячной толпой верующих, архиепископ Франсиско Мариа да Сильва в духе худших черносотенных и нацистских традиций манипулировал такими чувствами, как уважение к предкам и любовь к детям, привязанность к семье, родине, традициям, неприятие насилия, изображая коммунистов злостными разрушителями всех моральных ценностей. Подобные выступления в Португалии свойственны не только этому фашиствующему архиепископу-мракобесу, кстати, с усердием служившему салазаровскому режиму и написавшему хвалебный надгробный текст умершему диктатору Салазару.

Выступления против революционно-демократических преобразований в Португалии, стремление расколоть демократические силы, оклеветать и изолировать коммунистов, «либерализировать» революцию, ограничившись перекраской политического фасада в «умеренные» буржуазно-демократические тона, свойственны многим церковным иерархам. Верой и правдой служа самым правым реакционным силам, они используют и злостную клевету (например, в бюллетенях местных церковных приходов можно прочесть: «В коммунистических странах пожилых людей, не участвующих больше в производительном труде, убивают», «Женщины в коммунистических странах — общине» и т. д.). Нередко церковники открыто вмешиваются в политическую жизнь. Так, во время кампании по выборам в Учредительное собрание Португалии, состоявшимся 25 апреля 1975 г., епископы

призывали избирателей голосовать только за те партии, чьи идеологические принципы, цели и политика соответствуют концепциям христианства. И в последующие годы, вплоть до наших дней, правые представители епископата Португалии в своих пастырских обращениях неизменно предостерегают против разворачивания революционного процесса, чреватого-де такой ломкой фундаментальных структур и институтов, которая приведет к «попятному историческому движению и обеднению цивилизации», к потере достижений «многовековой мудрости».

Реакционная сущность клерикального антикоммунизма особенно наглядно проявляется в том, что его сторонники всемерно препятствуют социальному освобождению народов, сбрасывающих с себя гнет капиталистов и неокolonизаторов. Прикрываясь лозунгами защиты от коммунизма, они используют все средства, чтобы воспрепятствовать продвижению народов и стран разных континентов по пути демократии и социализма.

После освобождения Южного Вьетнама в Сайгоне силами органов общественной безопасности была разгромлена группа контрреволюционных заговорщиков. Как сообщалось в печати, эта контрреволюционная организация, использовавшая в качестве опорной базы католическую церковь Виньшон, была связана с Центральным разведывательным управлением США.

В опубликованном Национальным фронтом освобождения и Народно-революционным комитетом Сайгона заявлении говорилось, что заговорщики вели активные подрывные действия против государства. В ходе ликвидации их группы были захвачены оружие, средства радиосвязи, печатные станки для изготовления фальшивых денег, поддельные документы.

Аналогичную практику правых клерикальных кругов можно наблюдать и в тех странах Африки, народы которых решительно встают на путь коренных демократических преобразований.

Так, церковь в Анголе, используя обычную антисоциалистическую клевету, в том числе о якобы свойственных социализму гонениях на религию, всячески противилась революционным преобразованиям в Народной Республике Ангола и продолжала защищать эксплуататорские порядки, от которых народ освободился в ходе упорной борьбы за свою свободу и независимость.

С полным на то основанием в конце 1976 г. передовая статья газеты «Жорнал ди Ангола» писала, что МПЛА, под руководством которой одержаны исторические победы ангольского народа, придерживается материалистических воззрений. Однако, вопреки утверждениям буржуазной пропаганды, это отнюдь не означает запрещения деятельности церкви в стране. От церковников МПЛА ждет только одного: прекратить происки против революции и ограничиться отправлением религиозных культов.

Пробуржуазная, содействующая колониализму, антиреволюционная деятельность была свойственна и церкви Зимбабве. Она вызвала справедливую резкую критику прогрессивных сил страны. Президент Зимбабве К. Банана, выступая в сентябре 1980 г. в национальном университете, призвал служителей церкви отказаться от колониального наследия и патерналистского подхода в отправлении своих функций, с тем чтобы внести посильный вклад в осуществление социальных преобразований.

Активная антикоммунистическая деятельность осуществляется рядом протестантских организаций в освободившихся, развивающихся странах. Упомянем в этой связи, например, их давление на правительство Замбии с целью помешать развитию этой страны по пути социального прогресса. В открытом письме, опубликованном в печати осенью 1979 г. и распространенном в приходах, церковное руководство призвало всех замбийцев отвергнуть марксистское учение до того, как «свобода исчезнет». В письме резко критиковались правительство (за его «крен в сторону коммунизма»), а также некоторые молодежные движения Зам-

бии, которые, как утверждалось, «используются для идеологической обработки молодых людей в духе научного социализма».

Открытое письмо, нагнетая всевозможные ужасы и клевета на коммунизм, «предупреждая» верующих, что, «если Замбия будет проводить марксистско-ленинский курс, возникнет угроза для свобод, записанных в конституции», призывало их решительно выступить в защиту нынешних свобод.

Отвергая подобные клеветнические утверждения правых клерикалов, газета «Таймс оф Замбия», официальный орган правящей Объединенной партии национальной независимости, писала, что, если партия «идет по пути к марксизму-ленинизму, это вызвано преимуществами, которые, по ее мнению, предоставляет эта система».

Откровенно антикоммунистическая деятельность ряда протестантских организаций порою приобретает весьма шумный, даже вызывающий, характер. Дело дошло, например, до того, что в США группа протестантских церквей, объединенная вокруг Американского совета христианских церквей, начала обвинять государственные организации и другие церкви не только в «мягкости» по отношению к коммунизму, но и в соучастии в «коммунистическом заговоре». Руководитель пресвитерианской церкви К. Макинтайр, исходя из того, что «страх перед настоящей войной возбужден коммунистической пропагандой», организовал в 1970 г. «марш за победу во Вьетнаме» на Вашингтон, а в 1975 г. обратился к президенту Форду с призывом сбросить на Ханой атомную бомбу, чтобы «спасти» Южный Вьетнам¹.

Социальная реакция всемерно стремится использовать правые религиозные организации в целях консервации отживших свой век антинародных режимов, в качестве своеобразного заслона против революционных преобразований.

¹ The Washington Post, 1975, 4.IV.

Порой антикоммунистическая травля под прикрытием религии в той или иной стране принимает самые неожиданные формы и откровенно экстремистские обоснования. Характерно, например, следующее заявление главы чикагской секты «церковь христианской свободы» Поля Линдстрема: «Как в былые времена на диком Западе, мы будем держать в одной руке Библию, в другой — винтовку». Линдстрем вел вербовку «миссионеров» «крестового похода против коммунизма в Родезии» по всей Америке, предпочитая «зеленые береты», бесчинствовавшие во Вьетнаме. «Мы не наемники, — говорил преподобный мракобес, — мы не получаем платы, и в нашей миссии нами руководит господь»¹.

В результате к 13 тысячам наемников в Родезии прибавились еще 300 в обличье «миссионеров». Правда, и они не смогли спасти антинародный колониальный режим.

Участие правых церковных сил в антикоммунистической травле с целью помешать разворачивающемуся революционному процессу, процессам демократизации общества можно наблюдать и в развитых капиталистических странах. В этой связи знаменательной представляется ситуация в Италии, особенно в Риме, где находится мировой центр католической церкви — Ватикан.

Известно, что Итальянская коммунистическая партия, пользующаяся поддержкой широких масс трудящихся, в последнее время значительно расширила свое влияние. В результате коммунисты возглавили муниципалитеты ряда крупных городов. Усилились позиции коммунистов и в Риме. Определенные католические круги явно не устраивали прогнозы некоторых политических наблюдателей, предсказывавших, что коммунисты могут получить большинство голосов на назначенных на весну 1976 г. выборах в римский муниципалитет.

Церковь высказалась против какой бы то ни было поддержки верующими коммунистов на выборах в муниципа-

¹ Правда, 1978, 21 сентября.

литет итальянской столицы. Папский викарий в Риме кардинал Уго Полетти, запугивая верующих возможной победой коммунистов, рисовал апокалипсические картины столкновения между «градом божьим и безбожным городом»¹. В ход пускались и предсказания якобы неизбежных будущих гонений коммунистов на церковь в ее «духовной мировой столице», и запрещения какого бы то ни было сотрудничества с коммунистами, и разглагольствования о принципиальной несовместимости религии и коммунизма. В середине декабря 1975 г. по этому поводу высказалась конференция итальянских епископов. Стремясь предотвратить успехи коммунистов на выборах, епископы заявили, что марксисты не признают «основополагающих ценностей», они «недостойны доверия и неизбежно ведут к другим формам рабства...». В мае 1976 г. председатель конференции итальянских епископов кардинал Пома устрашал отлучением католических деятелей, решивших баллотироваться в качестве независимых по спискам компартии. Подобные грубые вмешательства клерикальных кругов в общественную жизнь Италии и ее столицы (кстати, они так и не смогли помешать левым силам возглавить римский муниципалитет) вызвали справедливое возмущение среди демократических сил. Газета итальянских коммунистов «Унита», называя основные положения заявления конференции итальянских епископов «отсталыми и анахроничными», охарактеризовала его как «выступление против свободы выбора и против политической самостоятельности католиков»².

Политическая жизнь Италии знает немало и других случаев, когда католическая церковь вмешивалась в проходящие в стране кампании по подготовке к выборам. Выступая в мае 1976 г. на церемонии назначения новых кардиналов, папа Павел VI осудил тех, кто, по его мнению, сводит деятельность церкви к «политическим действиям», прибегая для

¹ L'Osservatore Romano, 1975, 20—21.X.

² L'Unità, 1975, 17.XII.

этой цели к средствам и методам, «противным евангелию», а также тех, кто предлагает своего рода «смешение между двумя непримиримыми мирами». Печать, телеграфные агентства сразу же восприняли эти слова как выступление против тех католиков, которые «сотрудничают с марксистскими движениями, и в частности с коммунистами». И в последующий период руководители католической церкви неоднократно осуждали деятельность тех представителей католического движения Италии, которые стремились выступать вместе со всеми прогрессивными силами страны за подлинную демократию и социальный прогресс. В частности, недовольство Ватикана вызвало решение группы итальянских католических деятелей баллотироваться в качестве независимых по спискам компартии на выборах в парламент.

Вмешательство католической церкви — нередко под антисоциалистическими лозунгами — в предвыборные кампании на протяжении целого ряда лет наблюдается и в Федеративной Республике Германии. Католическая церковь здесь неизменно поддерживает правоконсервативные группировки, возглавляемые кандидатом в канцлеры от ХДС/ХСС Ф. Штраусом. Так, во время выборов 1980 г. всем католическим приходам ФРГ было направлено «пасторское послание» к выборам с пометкой для священников: обязательно изложить его верующим во время служб. Некоторые пункты буквально совпадали с предвыборными лозунгами штраусовского блока ХДС/ХСС.

Близость позиций руководства западногерманской католической церкви и партий крупного капитала общеизвестна. Однако прямое, бесцеремонное вмешательство в политическую борьбу накануне голосования выглядело тем более вызывающе, что несколько лет назад сама церковь провозгласила принцип невмешательства в избирательную кампанию.

И все же и в религиозном антикоммунизме под воздействием реальностей эпохи появляются новые моменты.

Продолжая выступать на стороне консервативнейших буржуазных сил и осуждая теорию и практику социализма, церковные деятели вынуждены во многих случаях по-новому, более утопченно обосновывать свой антикоммунизм.

В этой связи представляет интерес заседание пленарной ассамблеи испанского епископата, которая весной 1976 г. рассматривала ответы епископов на вопросы о «капитализме и социализме». По поводу капитализма епископы в духе либеральных буржуазных теорий признали, что распределение богатств должно быть под постоянным контролем, чтобы не позволить людям стать рабами экономических факторов жизни. В оценке марксистского социализма уже отсутствовали былые проклятия и предания анафеме. Вынужденные признать существование марксистских групп почти во всех епархиях, епископы отметили, что марксистский социализм «окружен своего рода мифическим ореолом», приводящим к «моральному конфликту» многих католиков в рядах рабочих активистов. Епископы, говорилось в коммюнике, признают социализм «законным явлением», лишь если он будет акцентировать внимание на духовной стороне личности и откажется от теории классовой борьбы, атензма и непризнания частной собственности. При всей видимой несуразности подобных оговорок, нельзя не обратить внимание на то, что отношение к коммунизму и коммунистам, как видно, претерпевает и в данной стране изменения.

Значительные акценты в антикоммунистической деятельности духовенства тех или иных стран зависят от реальной политической ситуации в данной стране, регионе. Так, по целому ряду причин, о чем будет сказано ниже, официальные руководители латиноамериканских церквей в последнее время вынуждены всячески подчеркивать одинаковое неприятие «капиталистического либерализма» и «марксистского коллективизма». В принятом 8 сентября 1980 г. епископской конференцией Боливии документе «Достоинство и свобода» отвергаются обе эти концепции, как «тяготеющие

к абсолютизму и предающие забвению религиозные ценности»¹.

Аналогичная позиция характерна и для протестантских и католических церквей ряда африканских стран, где церковное руководство тесно связано с международными христианскими центрами и во многом воспроизводит их социально-политические воззрения. Это нашло отражение, например, в заявлении руководителей протестантских и католической церквей Замбии, принятом в Лусаке в августе 1979 г.²

Религиозный антикоммунизм весьма многолик, он не ограничивается собственно политической реакционной деятельностью. При этом конфессиональные различия не мешают реакционным клерикалам понимать друг друга. Наиболее типичным для современной клерикальной пропаганды является отмеченное выше сочетание осуждения принципов научного социализма с псевдообъективной «критикой» отдельных сторон капиталистической действительности. Ряд церковников, сознавая, что примитивные формы борьбы с коммунизмом (вроде призывов «спасти веру и цивилизацию от нападения варваров») и клевета на СССР (например, что в СССР верующих намерены лишить родительских прав) не достигают своей цели, стремятся придать антикоммунизму видимость объективности, доказательности. В разных странах все чаще можно услышать призывы отказаться от «негативного антикоммунизма» и разъяснять простым людям «ошибки» марксизма-ленинизма.

«Преодоление» коммунизма путем переубеждения его последователей было лейтмотивом многих выступлений Павла VI. Для критики марксистской концепции человека, истории и мира, «предостережений» против ошибок и опасностей коммунизма, изображения социализма ущербным, антигуманным строем им были использованы различные

¹ La Documentation catholique, 1981, 4.I, p. 27.

² Ibid., 1980, p. 884.

поводы: это и выступление по случаю 80-летия энциклики «Рерум новарум» (15 мая 1971 г.), и паломничество папы к алтарю фатимской богородицы в Португалии, и поездка на евхаристический конгресс в Боготу (Колумбия), и целый ряд аудиенций, посланий, письменных и устных выступлений. Как правило, в них папа представлял социалистическое общество как исключающее свободу совести, ущемляющее права личности.

Идея о якобы «ущербном положении» личности в теории и практике научного коммунизма неизменно пропагандируется ныне религиозными средствами массовой информации всех направлений. В опубликованной зимой 1980 г. в ватиканском официозе статье «Человек и марксизм» автор даже доходит до утверждения, что в марксизме-де «человека, как такового, не существует», что ему присущи «моральный индифферентизм», социальное зло, тоталитаризм¹.

Отмеченные выше тенденции свойственны и выступлениям папы Иоанна Павла II, который неизменно представляет материалистическое мировоззрение как несовершенное, грубо вульгарное, препятствующее-де развитию личности и общества, и т. д. Например, весной 1980 г. во время поездки в ряд африканских стран Иоанн Павел II неоднократно предостерегал «от материалистического мировоззрения, которое преграждает путь к настоящему прогрессу» и является «источником деградаций человечества».

Выбор места для подобных искажений сути марксистских воззрений, как и характер используемых при этом доводов, не являются случайными. Известно, что в настоящее время марксистско-ленинская идеология получает значительное распространение в развивающихся странах, некоторые из них избрали путь социалистической ориентации. Поставить своеобразный религиозный заслон этому закономерному процессу, отвратить от научно-материалистических представлений пробуждающиеся к сознательной деятельно-

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 29.XI.

сти массы населения в развивающихся странах — этого добиваются руководители различных религиозных организаций, действующих в Африке, Азии.

В упомянутых выступлениях Иоанна Павла II против научно-материалистических воззрений просматривается одна характерная особенность: всем направлениям философского материализма приписываются вульгарный материализм, отвергание духовных ценностей, погоня за потребительскими благами, чувственными наслаждениями. Иначе говоря, используется та же подмена понятий, которую в свое время критиковали основоположники научного коммунизма. Известно, что еще Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» выступал против смешения материализма как общего мировоззрения, основанного на определенном понимании отношения материи и духа, с теми особыми формами, в которых это мировоззрение выражалось на определенных исторических ступенях, особенно с той вульгаризированной формой, в которой он существовал в головах естествоиспытателей и врачей и пропагандировался в 50-е годы XIX в. такими «странствующими проповедниками», как Бюхнер, Фогт, Молешотт.

Особенно резко основоположники марксизма выступали против произвольного употребления понятия «материализм». «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне»¹.

Критика действительно существующих отрицательных социальных явлений и низменных человеческих пороков и ныне осуществляется руководителями ряда религиозных организаций таким образом, что они неизменно оказываются атрибутами теории и практики научного коммунизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 290.

Все эти идеологические конструкции — с теми или иными нюансами — присутствовали и в упомянутых выступлениях Иоанна Павла II в Африке. Например, в Браззавиле он говорил: «На пути к развитию духа человеческого много препятствий, и не последним из них является материализм — идеологический и практический»¹; в Найроби он объявил, что «атеистическая идеология не может быть движущей и направляющей силой в обеспечении благополучия отдельных людей и в укреплении социальной справедливости, поскольку она лишает человека данной ему богом свободы, духовного вдохновения и силы любви к ближнему»², в Ямусукро (Берег Слоновой Кости), обращаясь к молодежи и студентам университета, папа подчеркивал мысль о том, что «материализм является источником деградации для человечества и порабощения жизни и общества»³.

Очевидно, что все подобные представления об атеизме и научно-материалистическом мировоззрении не содержат ни грана истины, а метод искажения их сущности тот же, который был разоблачен Энгельсом еще в прошлом веке.

Анализ отношения к коммунизму, его теории и практике со стороны различных религиозных организаций выявляет чрезвычайно пеструю картину. Наряду с отмеченными тут широко представлены и другие направления религиозного антикоммунизма.

На книжном рынке буржуазных стран появляется все больше изданий религиозных авторов, в которых в относительно спокойном тоне, так сказать, «объективно», в «рамках науки» осуществляется сопоставление марксистско-ленинского и религиозного миропониманий.

Не случайно в последнее время Ватикан уделяет особое внимание вопросам изучения марксизма в духовных семинариях. Ватиканский секретариат для неверующих несколько лет назад даже распространил пространный документ, в

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 5—6.V.

² Ibid., 1980, 8.V.

³ Ibid., 12—13.V.

котором говорилось, что «подготовка в семинариях должна включать — и это является неотложной необходимостью — возможно более широкую и точную информацию о марксизме».

«Такая информация,— отмечалось в документе,— должна давать не только точное знание учения основателей марксизма — Маркса и Энгельса, но и его корней в философии Гегеля и особенно Фейербаха. Эта информация также должна содержать сведения об изменениях их учения, что в наше время имеет большое значение». В документе рекомендовалось изучать марксизм-ленинизм как теоретическую основу всех коммунистических движений, а также различные ревизионистские течения; говорилось о необходимости знания так называемых различных неомарксистских движений, как, например, структуралистический марксизм Альтюссера, франкфуртская школа и система Маркузе, в которых черпают вдохновение некоторые молодежные движения (так называемые «новые левые»).

Подражая светским буржуазным идеологам, теологи различных направлений нередко пытаются гальванизировать идею о заимствовании марксизмом ряда положений из христианской идеологии, которые будто бы оказались извращенными в рамках атеистической системы.

Остановимся на недавно опубликованной в женевской протестантской газете статье с выразительным заголовком «Апокалипсис и марксизм», в которой рассматривается, так сказать, «непосредственное влияние» иудейско-христианской теологии на научную идеологию пролетариата. Для раскрытия «мифических корней» марксизма используются внешние аналогии, поверхностные и надуманные сравнения. Так, «заимствования» Маркса усматриваются в его «всемерном использовании идей мессианизма». В результате аналогом сотериологии (учения о спасении) выступает всемирно-историческая освободительная миссия пролетариата; аналогом религиозно-мифических представлений о противоборстве добра и зла, Христа и Антихриста

представляется марксистская теория классовой борьбы; а эсхатологические надежды предстают воплощенными в будущем бесклассовом обществе, в котором каждый будет получать по потребностям и поэтому не будет «ни скорби, ни слез»¹. Разумеется, при богатом воображении подобные лишённые всякого научного основания аналогии можно проводить бесконечно. Однако для христианских авторов выявление подобных «заимствований» не является самоцелью. Главное — доказать, как это делается и в упомянутой протестантской газете, что вся премудрость и все величие христианских идей оказались выхолащенными в марксистской секуляристской интерпретации. Авторы названной статьи видят две основные причины «немощи» заимствованных иудейско-христианских идей в марксистской системе. Это — ее атеизм и сведение сущности вселенского греха только к экономическим вопросам...

Бросается в глаза любопытная закономерность. Характер признания тех или иных «положительных черт» марксизма во многом зависит от обстановки в той или иной стране. В ряде церковных документов, принятых в различных странах мира, особенно там, где наблюдается подъем демократического, освободительного движения, более внятно говорится об отдельных достоинствах и положительных чертах марксистского учения. В специальном документе «Марксизм, гуманизм и христианство», принятом протестантской и католической церквями Замбии, среди позитивных элементов марксизма упомянуты критика Марксом пробуржуазной позиции, которую занимали «в прошлом» христианские церкви, их «молчания» по поводу бедственного положения трудящихся (опять-таки «в прошлом»), роль марксистской критики в освобождении от эксплуатации большей части человечества. Признается справедливой даже критика религии, но той, которая была «в прошлом» лишь карикатурой на веру².

¹ Le Protestant, 1980, 15.X.

² La Documentation catholique, 1980, 5.X, p. 889.

Новые веяния просматриваются и в документе, подготовленном генералом иезуитского ордена Аррупе, «Христианство и марксистский анализ», который был опубликован весной 1981 г. в журнале, издаваемом иезуитами в Милане¹. Он готовился тщательно, Аррупе провел консультации с иезуитами — экспертами по марксизму (среди них — известный французский марксолог Кальвес).

Основная проблема, рассматриваемая в документе, сформулирована следующим образом: может ли быть приемлемым для христианина, для иезуита «марксистский анализ», исключая совокупность марксистских философских идеологических воззрений и соответствующей практики. Решение этого вопроса автор считает тем более важным, что в ряде регионов Латинской Америки и Европы многие религиозные деятели находятся под влиянием марксистской мысли. Например, здесь существуют рабочие-священники, которым приходится решать вопросы повседневной жизни своих прихожан в рамках марксистской традиции отношения к религии.

Небывалыми для подобного рода изданий являются констатации автора о том, что взгляды церкви по ряду современных социальных проблем совпадают с марксистским анализом. Среди них автор выделяет решающее значение экономического фактора и структуры собственности в социальной жизни, роль эксплуатации в развитии классовой борьбы, рост значения идеологических концепций и теорий, которые выражают определенные классовые интересы.

При этом, однако, Аррупе предостерегает своих читателей от того, чтобы легкомысленно принимались на веру все положения марксистской теории. А это, сетует он, нередко случается благодаря внешнему сходству марксистского и евангельского мировоззрений, которые склонны де-

¹ Aggiornamenti sociali, 1981, № 3, p. 205—216.

все социальные проблемы решать в пользу беднейших слоев населения.

Представляет интерес ряд соображений Аррупе по вопросу о том, может ли церковнослужитель, вообще верующий принять социальную концепцию марксизма, отмежевавшись от его философии, идеологии и политики. Для большинства христиан, симпатизирующих марксизму, его сущность, считает автор, сводится исключительно к историческому материализму, который они, по существу, отождествляют с марксизмом, обосновывая факт развития культуры, политики и религии исключительно динамикой экономических отношений. Аррупе выступает против такой абсолютизации экономического фактора, считая, что «это обедняет сущность религии, превращает веру в бога в нечто бесполезное, бескорыстное — в стремление к выгоде, а христианскую надежду делает бессмысленной».

Касаясь марксистской теории классовой борьбы и так же односторонне ее трактуя, Аррупе пишет, что церковь в целом признает существование социальных конфликтов и антагонизмов, но считает неприемлемым положение о том, что борьба классов является основной движущей силой человеческой истории; здесь упускается-де из виду множество исторических импульсов — солидарность, мир, любовь, которые движут исторический процесс. Кроме того, поскольку учение Маркса о классовой борьбе выходит за рамки обычного анализа и приобретает значение программы действия, стратегии, Аррупе заявляет, что «христианство признает закономерность борьбы, как таковой, и не отрицает возможности революции в исключительных случаях, когда нет иного средства против тирании, но не может согласиться с тем, что лучшим средством покончить с борьбой является борьба». В большинстве случаев церковь отдает предпочтение другим средствам преобразования общества — убеждению, примирению.

Разумеется, автор особо выделяет то обстоятельство, что марксистский анализ включает в себя положения, неприемлемые для церкви. Однако в то же время он считает заблуждением полагать, что между элементами марксистского анализа и христианской традицией не существует никакой связи. Правда, здесь его подстерегает опасность полной политизации христианского учения, растворения церковной лексики в лексике общественных наук.

В результате вполне закономерно для своих воззрений Аррупе приходит к выводу, что по причинам, указанным выше, а также из-за его очевидной связи с марксистской философией, идеологией и практикой марксистский анализ религии в целом неприемлем для церкви. Подобный вывод в устах руководителя незуитского ордена не представляется случайным, но бросается в глаза довольно терпимое отношение Аррупе к марксизму, стремление разобраться в причинах его популярности среди масс верующих и даже найти точки соприкосновения в марксистском и христианском анализе. В результате он выступает за диалог с марксистами, предупреждая, что не следует злоупотреблять критикой марксизма, когда речь идет о справедливости и защите угнетенных.

Это, безусловно, новые акценты в подходе официальных руководителей церквей буржуазных стран к марксизму, которые заслуживают внимательного рассмотрения. Вместе с тем нельзя не видеть, что подобные подходы, призывающие «объективно» разобраться в марксистской теории, неизменно приводят к тому, что марксистско-ленинское понимание проблем личности и общества, отчуждения и гуманизма, социального прогресса и свободы в конечном итоге представляется упрощенно, вульгаризированно. Поэтому научное освещение этих проблем, аргументированная критика новейших методов идеологической борьбы представителей различных религиозных направлений против теории и практики научного коммунизма имеют ныне первостепенное значение.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСЛАМА И ИУДАИЗМА В РЕАКЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Критика социализма, извращение его сущности и практики в широких масштабах осуществляются в религиозных проповедях и социально-политической практике правых мусульманских деятелей. На протяжении десятков лет они стремятся настраивать в антикоммунистическом духе последователей мусульманской религии, которые, как известно, живут довольно компактно в огромном регионе, простирающемся от Атлантического побережья северной Африки до Индонезии и Филиппин, а также в некоторых других регионах, включая развитые капиталистические страны.

С этой целью используются все средства массовой религиозной пропаганды, включая трибуны всевозможных исламских конференций, съездов и т. д. Так, в конце 1964 г. в Могадишо проходила VI Всемирная мусульманская конференция. Раздававшиеся на конференции антикоммунистические призывы адресовались «мусульманам Туркестана, которые являются жертвами неокolonизма». Особенно откровенно антикоммунистическую окраску носил съезд Афро-азиатской исламской организации в Бандунге (1970 г.). Резкая критика коммунизма как «антирелигиозного учения», критика социалистических стран за «притеснение» мусульман прозвучала и на состоявшейся в 1973 г. в Триполи международной конференции исламской молодежи, а также на международном конгрессе (1976 г.).

На заседаниях этого конгресса (в котором участвовали более 170 представителей мусульман и ученых-исламоведов из 25 стран, в том числе из ряда государств Запада) рассматривались предложения учредить специальный фонд для пропаганды ислама и отмечать выходной день в пятницу вместо воскресенья, велись теологические споры насчет того, подобает ли правоверным мусульманам выражать свое одобрение аплодисментами, или же им следует

восхвалять лишь величие аллаха и т. д. Вместе с тем во время работы конгресса были предприняты попытки использовать это мероприятие в целях, весьма далеких от богословия. Так, в дни заседаний конгресса выходящая в Карачи газета «Морнинг ньюс» поместила на своих страницах обширную статью «члена турецкой делегации», который под лозунгом «защиты ислама» обрушился со злобными нападениями на марксизм и социалистические страны.

Особенно упорно правыми мусульманскими деятелями пропагандируется идея о невозможности, даже некоей противоестественности, для верующих-мусульман быть последователями социализма. Иногда это просто декларируется как не требующая доказательств аксиома (например, на состоявшемся в декабре 1976 г. в Малайзии симпозиуме «Малайское политическое руководство» было сделано безапелляционное заявление: «Коммунизм и социализм непригодны для малайцев, так как они основаны на материализме и противоречат, таким образом, принципам ислама»). В других случаях эта идея преподносится в виде пространных социально-теологических рассуждений, суть которых неизменно сводится к лживой, демагогической пропаганде, нередко представляющей собой просто несуразное нагромождение вымыслов и рассчитанной на отсталые, несведущие в мировой политике массы верующих. Это можно продемонстрировать на примере публикаций в массовых изданиях. Чтобы показать характер антисоветских и антикоммунистических нелепостей, пропагандируемых с позиций «защиты ислама от коммунизма», процитируем редакционный комментарий, который опубликовала в конце 1976 г. выходящая в Саудовской Аравии газета «Указ». В статье, в частности, говорилось: «...наши противоречия с Россией являются отражением противоречий во взглядах, которые проповедают наши страны. Идеология и действия коммунистического режима противоречат исламскому шариату... Действия России находятся в прямом противоречии с интересами человечества, ибо они

направлены на то, чтобы обратить все народы и все нации в коммунистическую веру. С этой целью она (Россия) поощряет безбожие, распущенность, пренебрежение к нравственным и социальным ценностям, что по своей сути является открытым вмешательством во внутренние дела различных стран и народов, противоречит общепризнанным принципам и правам этих народов жить в условиях полной независимости и суверенитета». Далее авторы комментария ставят на одну доску миролюбивую внешнюю политику СССР — друга и союзника арабских народов — и захватническую политику Израиля, что не просто свидетельствует об их невежестве, а является целенаправленной антикоммунистической пропагандой, призванной вызвать у неосведомленных людей неприязнь по отношению к социалистическому обществу.

Но наиболее наглядный пример использования религии в реакционных политических целях, против социального прогресса, пожалуй, являет собой сегодняшняя ситуация в Афганистане и вокруг него.

После победы в апреле 1978 г. народно-демократической революции, открывшей широкие возможности для преодоления в исторически короткий срок средневекового феодально-клерикального гнета и строительства новой жизни, молодая республика встретила с невероятными трудностями.

Сразу после революции по всей стране начали ощущаться позитивные перемены. Но чем увереннее новое бра-ло верх над старым, чем тверже становилась поступь республики, тем большую ярость проявляли и проявляют силы империализма и реакции, которым не по душе путь прогресса, избранный афганским народом. В итоге уже на протяжении ряда лет против ДРА ведется необъявленная война, вдохновителями и организаторами которой являются американский империализм и пекинские руководители¹.

¹ См.: Сушанло М. Я. Исламская карта Пекина.— Проблемы Дальнего Востока, 1981, № 2, с. 124—127.

Не достигнув своих контрреволюционных целей, мировая реакция, включая правые клерикальные круги, предприняла попытку с помощью измышлений и инсинуаций по поводу событий в Афганистане и отношений СССР с этой страной раздуть антисоветскую истерию, «доказать», будто национально-демократическая революция в ДРА является «враждебной исламу», хотя широкие слои афганских верующих и патристически настроенное духовенство поддерживают новую власть. Чтобы оправдать факты беспрецедентного вмешательства империалистов и их пособников во внутренние дела страны, международная реакция всячески раздувает миф о «советской угрозе», всемерно распространяет тезис о «безбожном режиме», будто бы поставившем целью... «ликвидацию ислама в Афганистане», утверждает, что нынешнее правительство демократического Афганистана держится «исключительно на советских штыках».

Активную роль в массовой и многоплановой борьбе против народной власти в Афганистане играют реакционные исламские деятели, а также лишившиеся былых привилегий бывшие помещики-феодалы, ростовщики, реакционно настроенные представители племенной знати, укрывшиеся на территории соседних с Афганистаном стран. Последние, будучи противниками демократических преобразований, а часто и активными участниками предпринимаемых реакцией и империализмом диверсий против народного строя, чернят все, что совершено в Афганистане после апрельской революции 1978 г.

Действия светских и религиозных реакционеров коварны и вероломны. В своих политических махинациях они всячески стараются эксплуатировать религиозные чувства верующих, не останавливаются и перед провокационным осквернением мусульманских святынь. Так, летом 1980 г. группой контрреволюционеров была предпринята попытка взорвать мусульманскую святыню Афганистана — соборную мечеть Хазрата Али в городе Мазари-Шариф. Бандиты

закладывали взрывчатку в мечети, когда были схвачены работниками народной милиции.

Из показаний преступников выяснилось: цель провокации состояла в том, чтобы возложить ответственность за разрушение одной из лучших мечетей Афганистана на местные власти и тем самым вызвать у мусульманских масс недовольство правительством. Миллионы афганцев еще раз воочию убедились в том, что зеленое знамя ислама служит контрреволюции для прикрытия замыслов, которые не имеют ничего общего с защитой интересов мусульманских масс. Они направлены лишь на то, чтобы попытаться сорвать процесс строительства новой жизни в демократическом Афганистане.

Обращает на себя внимание следующий факт. Почти все группировки афганской контрреволюции, как правило, имеют определение «исламский» — «Исламская партия Афганистана», «Движение исламской революции» и т. п. Именно таким образом маскируется реакционная политика, направленная на подрыв дела созидания нового общества в «мусульманском регионе» и на то, чтобы отвлечь внимание от подлинной угрозы, исходящей со стороны тех политических бандитов, которые огнем и мечом стараются вернуть свои социально-экономические привилегии. Эта истина становится все яснее для простых верующих-мусульман Афганистана, которые решительно выступают в поддержку законного правительства ДРА.

Заигрывание империалистических кругов с мусульманским населением, политическая игра на чувствах верующих далеко не ограничивается Афганистаном. Эта политика носит сегодня более широкий характер и касается, пожалуй, большинства стран мусульманского Востока. Здесь все инспирируемые империализмом и местной реакцией контрреволюционные, антинародные движения преподносятся как «защита» мусульманских стран от «коммунистической угрозы». И связано это с тем, что ныне, в условиях решительной борьбы народов Азии и Африки против империалистических

кругов, последние все больше прибегают к разного рода идеологическим уловкам, чтобы замаскировать коренные противоречия между империалистическими странами и развивающимися государствами.

В последнее время, особенно после событий в Иране и Афганистане, правящие круги США усердно рьятся в тогу «защитников ислама», демагогически выставляют себя в качестве верных друзей развивающихся стран, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке.

На деле же Соединенные Штаты оказывают поддержку и щедрую помощь лишь реакционным силам в государствах с преобладающим мусульманским населением, стремясь подавить разворачивающееся здесь антиимпериалистическое движение. Более того, развязав истеричную кампанию вокруг Афганистана и Ирана, Вашингтон сосредоточил военное-воздушные и военно-морские силы в Персидском заливе, поставил под угрозу безопасность независимых государств обширного района мира. Агрессивные действия США против Ирана, их попытки ликвидировать существующий там антиимпериалистический режим особенно наглядно показали все лицемерие их пресловутой «заботы об исламе».

Используя традиционную империалистическую политику, правящие круги США пытаются разжечь национальную рознь и религиозную вражду, объединить реакционные силы под антикоммунистическими лозунгами, направить чувства мусульман в русло антисоветизма, посеять отчужденность между народами развивающихся стран и их верными друзьями, в первую очередь Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Конечно, эти подрывные действия не приносят желаемых результатов их вдохновителям. Мусульманские народы все больше распознают подлинные намерения империалистов, интернационалистскую суть политики Советского Союза. Выражая эти настроения и выступая с приветствием XXVI съезду КПСС, заместитель Председателя Прогрессивно-социалистической партии Ливана Мохсен Даллюля

говорил: «Как и все свободолюбивые люди на земле, мы дим в лице Советского Союза могучего друга и мощи опору в деле противостояния всевозможным империалистическим заговорам».

Политическая шумиха о защите мусульман от «безбного коммунизма» используется империализмом и для т чтобы поработить независимые государства, завладеть природными богатствами. Именно поэтому США, сосредоточив на подступах к богатейшим месторождениям не на Ближнем и Среднем Востоке армады военных кораб. спешно создавая так называемый «корпус быстрого ре: рования», всемерно вмешиваются во внутренние дела | развивающихся государств, чтобы иметь возможность | должать империалистическое разграбление природных гатств этого региона.

В широкой кампании по дискредитации теории и праки коммунизма правые мусульманские деятели особое : чение придают извращению положения ислама в услоев реального социализма.

Несколько лет назад возмущение широких кругов обственности ряда развивающихся стран вызвала усилие распространяемая провокационная фальшивка «Советс Союз и ислам», в которой грубо фальсифицировалось пижение мусульманской религии в СССР и политика Со ского государства в национальном вопросе. Реакцион круги и в последующее время не раз фабриковали подоб фальшивки, стремясь подорвать дружеские отношения м ду социалистическими и развивающимися странами, бро: тень на великие принципы и колоссальные достижения циализма. Исходя из посылки, что «ислам — это вели всеобъемлющая, всемирная религия», которая «объяс: жизнь и вселенную, охватывает все сферы жизни и отв ет на все вопросы науки», некоторые мусульманские де ли стремились наметить некий «третий» путь развити путь так называемого «исламского социализма». Прот поставляя «исламский социализм» реальному социали

идеологи ислама пытаются скрыть от народов развивающихся стран ту истину, что братский союз со странами реального социализма способствует их успешному развитию по пути социального прогресса.

Подобного же рода политические спекуляции на религиозных чувствах верующих предпринимаются правыми клерикалами и среди последователей иудаизма. Как известно, иудаизм активно используется в политических махинациях сионистов.

Сионизм — это реакционная идеология, выражающая интересы крупной еврейской буржуазии, тесно связанной с монополистическими кругами империалистических держав. Он активно используется в глобальной стратегии империализма против социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, против национально-освободительной борьбы народов.

Иудаизм в сионистской трактовке превращен в проповедь высокомерного, презрительного отношения к другим народам. Богоизбранность евреев — главная тема учебных программ в Израиле, основное содержание религиозных проповедей. В них агрессия Израиля против арабских народов выдается за «патриотическую войну», а резолюции Совета Безопасности, предписывающие Израилю вернуть захваченные земли, клеймятся как «унизительные и несправедливые». В качестве «аргумента» выставляется зыбкое положение о том, что-де вся Палестина испокон веков принадлежала Израилю. Под Палестиной тут подразумевается ее библейский вариант — территория, охватывающая помимо нынешнего Израиля Иорданию и район Газы. Все это создает религиозно-идеологические предпосылки для бредовой сионистской идеи создания «великого Израиля от Нила до Евфрата». Впрочем, дело не ограничивается лишь сферой идеологии.

Фанатики из религиозно-сионистских партий составляют основу различных реакционных организаций, в том числе, например, организации «Гуш эмуним» («Блок верую-

щих») — ударной силы израильских экспансионистов на оккупированном западном берегу реки Иордан. Под защитой израильской армии молодчики из «Гуш эмумим» врываются в палестинские города и деревни, зверски расправляются с беззащитными мирными жителями.

Некую смесь фашистско-религиозной идеологии исповедуют приверженцы крайне правой сионистской партии «Херут». Еще в 30-е годы они организовали военизированные молодежные отряды «бетар». Позднее члены «бетар» составили костяк террористической организации, которая отличалась особой жестокостью по отношению к арабам и «прославилась» массовым истреблением жителей палестинской деревни Деир-Ясин. Кстати, членом «бетар» был и основатель печально известной «Лиги защиты евреев» Меир Кахане. Эта профашистская организация была создана сионистами в США в 1968 г. Под предлогом «защиты евреев» сионистские банды нападали на помещения Коммунистической партии и других прогрессивных организаций в США. Однако главная цель «Лиги защиты евреев» — участие в оголтелой антисоветской кампании. Обстрелы постоянного представительства СССР при ООН, взрывы в зданиях советских учреждений в США, провокации против гастролирующих советских артистов — таков преступный почерк деятелей из «лиги».

На протяжении десятилетий сионистские организации, различные их всемирные или локальные сборища, их мощная пропагандистская машина пытаются использовать религиозные чувства верующих для насаждения буржуазного национализма, антикоммунизма, антисоветизма.

Особое место в сионистской пропаганде занимает пространство всякого рода измышлений о «неблагополучном» положении евреев в СССР, ущемлении их интересов и даже необходимости спасти их от будто бы «нависшей над ними угрозы геноцида». С этой целью пускаются в ход различные средства. Об одном неблагоприятном приеме использования сионистами религиозных чувств верующих-евреев

в антисоветских целях рассказывает известный финский писатель Мартти Ларни, который несколько лет назад был среди туристов, откликнувшихся на призыв израильского бюро путешествий «пройти по стопам Христа».

Писатель, в частности, рассказал о весьма своеобразных ежемесячных вечерних сходках, устраиваемых в синагогах Тель-Авива и именуемых «собраниями прозрения».

На первый взгляд, подчеркивает Мартти Ларни, кажется, будто идет чисто религиозное действо. Эксперты-текстологи разъясняют желающим чудеса из Ветхого завета. Демонстрируются кинокартины, прославляющие «святую землю», с неизбежными экскурсами в библейскую историю.

Однако истинная цель вечерних «собраний прозрения» — укрепить у новых иммигрантов веру в принципы сионизма. Эта миссия возложена на так называемых свидетелей, фамилии которых никто не знает. Они для присутствующих лишь братья и сестры, которых господь спас от ада для счастья и блаженства на «святой земле».

Приведем здесь, например, выступление некоего брата Михая, которого слушал Мартти Ларни.

— Я перенес в своем сердце тяжелую борьбу, прежде чем решился прибыть в Израиль, — напевно причитал он. — Ветхий завет открыл мне истину. В городе, где я родился, преследовали евреев и убили их там 15 тысяч душ. Господь спас меня. Теперь мне удалось покинуть Советский Союз, и я могу засвидетельствовать перед вами свою веру...

Разумеется, ни сам брат Михай, ни местная пресса, опубликовавшая его «исповедь», ни словом не обмолвились о том, кто же конкретно виновен в расправе над евреями. Такое умолчание не случайно, оно рассчитано на то, что непосвященные отнесут геноцид за счет советских властей. Между тем известно, что массовые убийства евреев в Советском Союзе в 1941—1944 гг. совершали немецкие нацисты, также, кстати, причислявшие себя к «избранной расе»¹.

¹ См.: Литературная газета, 1973, 31 января.

Сноисты, контролируя всю полноту общественной и политической жизни государства Израиль, проводят политику, которая противоречит национальным интересам страны, интересам еврейских трудящихся и всецело направлена против арабского национально-освободительного движения, против социалистических стран и мирового коммунистического движения, против всех сил, выступающих за социальный прогресс. Именно поэтому прогрессивные люди, в том числе еврейской национальности, активно разоблачают реакционный империалистический курс сноистов, стремящихся облечь свои действия в благовидные религиозные одежды.

Анализ политической и идеологической практики клерикализма показывает, что антикоммунизм и антисоветизм свойственны правым деятелям многих современных религиозных организаций. При этом они пользуются сходными приемами и средствами.

Антикоммунистическая, антисоветская кампания шумно проводится и евангелистским проповедником Билли Джеймсом Харгисом. Он, в частности, пытался сколотить организацию «Крестовый поход христиан против коммунизма». В антикоммунистической кампании участвует и так называемая зарубежная русская православная церковь, время от времени распространяющая фальшивки о «преследовании» верующих в Советском Союзе, о мифических планах административного «искоренения» религии и т. п.

Страдая ностальгией по сметенному Октябрьской социалистической революцией монархическому строю, эта церковь предпринимает различные провокационные демарши. В ноябре 1981 г. в штате Нью-Йорк ею была затеяна очередная возня с канонизацией последнего русского царя Николая II и других «жертв» революции...

Реакционные клерикальные деятели различных вероисповеданий используют и такой прием, как выпуск фальшивок-брошюр, якобы изданных в нашей стране и носящих прямо провокационный характер. Подобные сфабрикован-

ные издания («Можно ли верить Корану?», «Коран: догмат и учение» и т. д.) уже ряд лет распространяются в мусульманских государствах. С их помощью провокаторы стремятся вызвать антисоветскую реакцию у населения стран, где исповедуется ислам, вбить клин в дружбу и сотрудничество социалистических стран с развивающимися государствами Азии и Африки.

Анализ клерикальных пропагандистских акций наших дней позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях, когда идет напряженная борьба всех демократических сил против возврата к «холодной войне», за упрочение разрядки, за широкое международное сотрудничество, развитие взаимовыгодных отношений между странами с различным общественно-политическим строем, когда авторитет СССР, социалистического содружества неизменно растет, реакционные империалистические круги в своем стремлении обелить свою политику и любыми средствами опорочить теорию и практику реального социализма все чаще обращаются к политическим спекуляциям, связанным с религиозной проблематикой.

Как правило, выставляя причиной своей антисоциалистической травли научный атеизм, они обычно концентрируют внимание не на полемике относительно мировоззренческих вопросов, а выносят свои приговоры социальному строю, государственному устройству, свободно выбранному всеми гражданами социалистических стран — верующими и неверующими. Кстати, отметим, что существуют ведь и не-социалистические государства, где у власти находятся партии (например, правосоциалистические), провозглашающие себя атеистами. Почему же перед ними смиряют свой гнев трубадуры правого клерикализма? Не потому ли, что эти страны относятся к системе капитализма? Но в таком случае очевидно, что клерикалы проводят демаркационную линию не между мировоззрениями, а между социально-политическими системами. Что же касается религии, то она играет при этом лишь роль пропагандистского прикрытия.

Деятельность современного реакционного клерикализма простирается в самые различные сферы. В марксистской литературе уже было показано пособничество клерикальных организаций империалистическим кругам в странах Азии, Африки, Латинской Америки после распада системы колониализма¹. Порою клерикализм используется империалистическими спецслужбами и в разведывательно-подрывных целях. В буржуазную печать периодически просачиваются материалы, раскрывающие факты неприглядной деятельности служителей того или иного религиозного направления.

Например, скандальным для правящих кругов США было заявление, сделанное летом 1976 г. группой американских миссионеров в Боливии, о том, что Центральное разведывательное управление США использовало миссионеров для сбора информации, причем были названы имена одиннадцати человек, которые, как утверждается в заявлении, стали агентами ЦРУ в Боливии.

Аналогичная практика осуществляется и на африканском континенте. Правительство Уганды, например, несколько лет назад было вынуждено запретить религиозным организациям страны получать помощь из-за рубежа, особенно из США; оно официально заявило, что ЦРУ использует религиозные организации для подрывной деятельности, вплоть до подготовки политического переворота.

В качестве наглядного примера использования миссионеров в подобных целях в странах Азии можно остановиться на ситуации, сложившейся на северо-востоке Индии, где периодически вспыхивают антиправительственные выступления, носящие сепаратистский характер. В мировой печати, в том числе и советской, приводились многие факты, пока-

¹ См.: *Лаврецкий И. Р.* Колонизаторы уходят — миссионеры остаются. М., 1963; *Ковальский Н. А.* Социальная роль церкви в освободившихся странах. М., 1978.

зывающие связь этих выступлений со стремлением империализма и реакции оказать давление на индийское правительство, свернуть эту страну с прогрессивного внешнеполитического курса. В эту подрывную деятельность вносят лепту и американские христианские миссионеры, обосновавшиеся в северо-восточных штатах Индии. Делийский еженедельник «Линк» считает их одними из наиболее активных агентов ЦРУ США. Миссионерские школы превратились, по сути дела, в учебные центры американской разведки. «Проповедники слова божьего», подчеркивает журнал, ведут в северо-восточных районах Индии самую настоящую подрывную деятельность, способствуя разжиганию сепаратистских настроений и дестабилизации обстановки в стране в целом¹.

Сразу после второй мировой войны, когда Индия должна была обрести независимость, основным местом деятельности американских миссионеров был избран стратегически важный и политически нестабильный регион на стыке границ Индии с Китаем и Бирмой, населенный племенем нага. Миссионеры, в большинстве своем из американских баптистов, обратили значительную часть местного населения в баптизм.

Накануне провозглашения независимости Индии, в августе 1947 г., миссионеры спровоцировали мятеж представителей этого племени с целью оторвать населенный ими район от Индии и объявить его «первым христианским государством» в Южной Азии. Все это привело к тому, что отряды вооруженных сепаратистов, «крещенных» американскими миссионерами (их долгое время называли «лесными баптистами»), развернули военные действия в Нагаленде.

В середине 60-х годов одно за другим следуют разоблачения подрывной деятельности заокеанских миссионеров, в результате которых многие из них были выдворены из страны.

¹ См.: Новое время, 1980, № 37, с. 22.

Широкую деятельность пытался развернуть, например, в Индии миссионер Ли Роуз, американец китайского происхождения. По свидетельству индийской газеты «Пиплз демокраси», именно он является автором пресловутого плана создания «Гималайской федерации» под протекторатом США и Китая. В это марионеточное государство «преподобный отец» предложил поначалу включить Непал, Бутан и индийский штат Сикким, а затем присоединить к нему и другие районы Индии, населенные «обращенными в христианство народностями». В печати приводились сведения о том, что Китай и США координируют свою подрывную деятельность против независимой Индии. Упомянутая газета «Пиплз демокраси» писала, что американские миссионеры служат как бы капелланами в специальных лагерях, где мятежники-сепаратисты проходят военную подготовку под руководством китайских инструкторов.

Целый ряд фактов использования империалистическими разведками религиозных организаций был раскрыт после победы антишахской революции в Иране. Так, документально было доказано, что существовавшая в Тегеране католическая школа «Андише», по существу, представляла собой шпионский центр. Миссионеры из «Андише» верой и правдой служили западным спецслужбам и израильской разведке: при обыске в «Андише» были, в частности, изъяты киноплёнки и карты с нанесенными на них военными объектами.

Особое рвение в засылке в Иран «миссионеров» проявляло также ЦРУ. Тегеранская газета «Кейхан» опубликовала текст секретного послания, обнаруженного «стражами исламской революции» в епископате англиканской церкви в Исфахане. Оно было отправлено неким полковником Милтоном Д. Салливенем священнику Халилю Размара. В письме полковник благодарит миссионера за «политические и авиационные карты, аэрофотоснимки аэродромов и баз ВВС Ирана, списки иранских летчиков и микрофильмы». Смысл подрывной деятельности в стране раскрывают

следующие слова Салливена: «В Иране посеяны все семена гражданской войны»¹.

Использование ЦРУ религиозных организаций в подрывных и разведывательных целях можно проследить и на примере деятельности так называемого Летнего лингвистического института (ЛЛИ). Официальная цель этой религиозной организации, основанной в 1934 г., — «изучать языки племен, не имеющих письменности, и переводить на них Новый завет, чтобы приобщить эти племена к христианству и донести до них слово божье». В 1980 г. 4 тысячи «миссионеров» ЛЛИ работали в 30 странах Латинской Америки, Африки, Азии и Океании, занимаясь среди прочих дел политической и экономической разведкой. О подрывном характере их деятельности написаны десятки докладов специальных правительственных комиссий, создававшихся в Мексике, Перу, Бразилии, Венесуэле, Колумбии и других странах континента.

Выполняя указания империалистических спецслужб, лингвистический институт участвовал в натравливании племени мео против армии освобождения Южного Вьетнама, в раздувании конфликтных ситуаций между центральной властью и приграничными племенами в Индии, Бирме, других государствах этого региона. В Латинской Америке ЛЛИ пытается сколотить подобного же рода индейскую «пятую колонну» ЦРУ.

«Миссионеры» ЛЛИ были выдворены из Бразилии (1977 г.), Мексики (1980 г.), Эквадора (1981 г.), других стран. Правда, как показывает практика, они нередко просачиваются обратно под вывесками других церковных и миссионерских организаций, контролируемых ЦРУ. Представляют интерес признания одного из авторов книги «ЦРУ и культ разведки», Джона Маркса, который длительное время прослужил в госдепартаменте в отделе аналитической обработки разведывательных данных. Он писал,

¹ Новое время, 1981, № 4, с. 17.

что один из агентов ЦРУ откровенно заявил ему: «Я использовал буддийских монахов, католических священников, даже одного католического епископа»¹.

Выходящая в Боготе газета «Боготано» в марте 1977 г. опубликовала сведения о том, что на протяжении ряда лет ЦРУ стремится внедрить своих агентов в левые религиозные организации Латинской Америки, чтобы их расколоть и ликвидировать.

Эти планы направлены главным образом против так называемых «мятежных священников» в Чили, Колумбии, Боливии и других странах. Подобная деятельность особенно усилилась с 60-х годов, когда ряд молодых священников стали активно поддерживать борьбу трудящихся за свои права и национальную независимость. «Боготано» отмечала, что в 1959 г. в докладе американскому правительству ЦРУ выразило серьезную озабоченность тем, что «церковь по-новому стала подходить к социальным проблемам», перестала «осуждать империализм и смягчила антикоммунистическую критику».

Ссылаясь на «отчеты ЦРУ», газета рассказала, что планами этого ведомства предусматривалось: не допускать нападок на церковь, поддерживать хорошие отношения с церковной иерархией; отождествлять прогрессивных священников с левозэкстремистскими группами, изображать их агентами международного коммунизма, подвергать запугиванию и дискредитации; устанавливать полицейский контроль над религиозными общинами и прогрессивными деятелями церкви; проводить кампании дискредитации некоторых религиозных деятелей; снабжать священников пропагандистскими материалами и оружием.

По мнению газеты, в Колумбии эти планы довольно активно реализуются, о чем свидетельствуют, в частности, нападения на священников, принимавших участие в выступлениях народных масс.

¹ См.: Правда, 1981, 6 июня.

Сообщения о сотрудничестве ряда миссионеров с ЦРУ США стали столь частым явлением, что, боясь окончательной компрометации, церковное руководство было вынуждено вмешаться в это дело.

Коалиция католических и протестантских миссий США в середине 70-х годов даже разработала этический кодекс, призванный воспрепятствовать сотрудничеству миссионеров с ЦРУ, поскольку, как говорилось в проекте кодекса, подобная активность подрывает доверительные отношения, существующие между миссионерами и народами, которые пустили их к себе на основании их духовного призвания. Руководящие органы различных церквей США вынуждены были специальным указанием запретить миссионерам заниматься разведывательной деятельностью. Объединенная методистская церковь разослала своим работникам следующее предупреждение: «Миссионерам, которые сознательно занимаются разведывательной деятельностью по поручению ЦРУ, будет запрещено выполнять миссионерские функции». Дэвид Стоу, председатель Комитета по делам зарубежных миссий Объединенной методистской церкви, заявил, что поощрение правительством подобной практики «уже нанесло серьезный вред» миссионерской работе за рубежом. Джеймс Вуд, директор объединенного баптистского комитета по международным делам, признал, что использование ЦРУ миссионеров в своих целях «подрывает доверие к миссионерам».

Особые усилия прилагают реакционные круги различных стран в деле использования правых деятелей созданных на конфессиональной основе массовых организаций в районах, где нарастает освободительная борьба. Такая ситуация складывается в последние годы в Латинской Америке; здесь прогрессивным силам приходится сталкиваться с объединенным фронтом реакции, и в первую очередь с империализмом США, который провозглашает Центральную Америку сферой своих «жизненных интересов» и пытается удержать над нею политический, экономический,

военный контроль. Невзирая на это, именно в ряде стран данного региона демократическими силами были одержаны в последнее время важные победы. Вслед за победой революции в Никарагуа пламя освободительной борьбы вспыхнуло в Сальвадоре. В этих условиях США связывают немалые надежды с правыми кругами руководства различных религиозных организаций, в том числе христианской демократии.

Нынешняя роль христианской демократии в жизни стран Латинской Америки выглядит весьма противоречивой, поскольку они отражают взгляды различных социальных групп — от крупной буржуазии и латифундистов до крестьян и части рабочих.

Социально-политические позиции левых кругов религиозных организаций будут рассмотрены ниже, здесь же отметим антинародную деятельность правых представителей религиозных и созданных на конфессиональной основе политических организаций, их непосредственное пособничество империализму и местной реакции. Известно, что, именно опираясь на христианскую демократию в Сальвадоре, местная реакция, империализм США пытаются сбить нарастающую волну национально-освободительного движения. По мере усиления революционного движения сальвадорского народа США все более открыто поддерживают репрессивную политику военно-гражданской хунты. Администрация президента Рейгана даже пыталась убедить страны, входящие в Андский пакт, создать специальный контингент вооруженных сил для вторжения в Сальвадор и другие страны региона в целях подавления национально-освободительного движения. На такой опасный путь Соединенные Штаты толкают и некоторых лидеров христианской демократии Латинской Америки.

Нередко деятельность христианских демократов правого толка, направленная против демократического движения, открывает путь к установлению фашистских режимов, как это случилось в Чили в 1973 г.

Неразумность и гибельность антинародного курса правого руководства христианской демократии начинают понимать не только все более широкие круги верующих трудящихся, но и религиозные деятели. Например, на проходившей в ноябре 1980 г. в Мехико теологической встрече в рамках Международной конференции христиан за политическое урегулирование в Сальвадоре представители более 80 религиозных организаций континента, Соединенных Штатов, Канады и нескольких европейских стран осудили «предательство со стороны проправительственной христианско-демократической партии Сальвадора, которая играет на руку национальной олигархии и реакции, в то время как население этой страны является жертвой преступного геноцида».

Встреча на тему «Церковь, которая рождается из гуши народа, и повстанческая борьба в Сальвадоре» признала реальное существование такой новой церкви и критиковала тех представителей церковной верхушки, которые поддерживают эксплуататоров, не желая считаться с законными правами низовых христианских общин.

Точно так же представители религиозных организаций осудили Латиноамериканский епископальный совет (СЕЛАМ) за его реакционные позиции и призвали епископов поддержать освободительное движение.

Однако реалистически мыслящим христианским деятелям противостоят клерикальные круги, которые, будучи тесно связаны с крайне правыми группировками империалистической буржуазии, стремятся использовать авторитет религии для освящения действий воинствующих реакционеров и их политики, направленной против дела мира, демократии и прогресса, на разжигание ненависти и вражды к СССР, странам социалистического содружества, на срыв разрядки международной напряженности.

Для достижения своих антинародных политических целей империализм и реакция нередко инспирируют столкновения верующих разных вероисповеданий. Так обстояло дело, например, в конце 1980 г. в северной и северо-запад-

ной Индии. Здесь в ряде городов имели место кровавые столкновения между индусами и мусульманами. Так, в Морадабаде (штат Уттар-Прадеш), несмотря на введенные армейские части, не раз вспыхивали беспорядки, в результате которых десятки жителей были убиты и сотни ранены.

Отметим, что отношения между индусами и мусульманами в Индии никогда не были антагонистическими: представители различных религиозных направлений мирно сосуществовали, совместно решая задачи, стоящие перед индийским народом. Однако правые силы всегда стремились играть на религиозных чувствах населения, разжигать религиозную нетерпимость и использовать ее для достижения своих целей. Значительная вина в упомянутых конфликтах, как считает индийская печать, ложится на военизированную шовинистическую организацию фашистского толка «Раштрия сваямसेвак сангх».

Были установлены тесные связи реакционных религиозных сил с китайскими, американскими и пакистанскими спецслужбами. Последние стремятся отторгнуть от Индии ряд ее штатов, ослабить и ухудшить ее стратегические позиции, свернуть ее с пути радикальных социально-экономических преобразований, заставить отказаться от проведения независимой внешней политики.

Рассмотренные средства и направления использования империалистическими спецслужбами правых религиозных деятелей и организаций в подрывных целях, разумеется, не могут быть отнесены на счет религии и церкви вообще, а тем более на счет масс верующих. Следует иметь в виду, что против правого клерикализма, его антинародной деятельности часто выступали и выступают сами верующие, а также представители духовенства различных религиозных направлений. Все это доказывает недопустимость отождествления понятий «церковь» и «клерикализм», ориентирует на необходимость дифференцированного подхода к религиозным организациям, их участникам и деятелям при анализе современных общественно-политических проблем.

НОВОЕ И СТАРОЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Философские и социологические концепции в рамках любой религиозной системы, как бы ни были они далеки от прогресса естественных наук, социальной практики, интеллектуального, философского уровня эпохи, так или иначе испытывают их воздействие. В настоящее время можно наблюдать, как «переоценка ценностей» в современной религии порождает потребность в соответствующей философской и социологической интерпретации. Отсюда — ряд модернистских тенденций в отношении к научному познанию, в интерпретации отношения знания и веры, возможностей и функции человеческого разума, достижений культуры и техники; модернизм по проблемам социологии, гуманизма, социальной доктрины вообще.

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ТЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Религиозный модернизм в любой конфессии и в любое время представляет собой сложное синтетическое явление. Это естественно, поскольку обычно при религиозном модернизме, вызванном к жизни необходимостью приспособления религии и церкви к изменившимся историческим условиям, существенную трансформацию претерпевают все виды деятельности церковных институтов.

Стремление преодолеть вопиющие противоречия между застывшими религиозными традициями, догмами и духом новой эпохи в первую очередь затрагивает, разумеется, социально-политическую деятельность церкви и сопровождается, как правило, увеличением объема внерелигиозной деятельности. Однако, как уже говорилось, модернизм в значительной мере захватывает и другие сферы религиозного комплекса, в том числе обыденное религиозное сознание и богословие.

Диалектико-материалистическая методология исследования религии ориентирует на раскрытие зависимости эволюции теологических систем в конечном итоге от объективных общественных условий. Только такой подход может обеспечивать возможность подлинно научного анализа теологического компонента религиозного комплекса. О справедливости подобного подхода наглядно свидетельствует многовековая история религии, в том числе христианства. Всякий раз, когда возникал конфликт между реальным содержанием христианских догматов и изменившейся реальностью и религия становилась уязвимой мишенью для критики, она в значительной мере обновлялась, получая идеологические обоснования со стороны теологии. При этом теологи, занятые обновлением ими же прокламируемых в качестве «богоданных и неизменных» догматов веры, не останавливались даже перед тем, чтобы самому символу веры, вступавшему в резкое противоречие с массовым религиозным сознанием, дать такое толкование, которое в той или иной мере могло бы привести его содержание в соответствие с новой обстановкой, сделать приемлемым для обновленного массового религиозного сознания.

Конечно, основной трудностью этих нововведений в теологии является необходимость гибкого решения следующей дилеммы. Любая религия для поддержания своего влияния должна пропагандировать догматы таким образом, чтобы быть понятой в культурно-исторической среде, в которой она в данный момент существует. В результате если содер-

жание новых интерпретаций теологических систем зависит от культурно-исторической ситуации, то осуществляются и выражаются они обычно с использованием средств, понятийного аппарата соответствующей идеалистической философии данной эпохи.

Однако вынужденный процесс периодического переосмысления фундаментальных теологических понятий и концепций опасен как для теологии, так и для религии в целом. Более или менее основательная модернизация теологии чревата подрывом всего религиозного комплекса, отрывом модернистской теологии от религиозной традиции вообще, утратой ею своей специфической функции и превращением в одну из разновидностей светской идеалистической философии. Стремление преодолеть эти «чрезмерные крайности», с минимальными потерями для религии пройти между Сциллой и Харибдой и порождает разделение теологов на ортодоксов-фундаменталистов и либералов-модернистов.

Ортодоксальные теологи неизменно стоят на страже сложившихся систем, видят в сохранении традиционных идеологических устоев данной религии залог их авторитета, устойчивости, долговечности.

Преследуя те же цели, либералы в условиях глубокого кризиса религии ратуют за всемерное и разностороннее приспособление ее к новой обстановке. Нельзя не признать, что подобная основательная модернизация традиционных теологических систем создает подчас более тонченные средства религиозного воздействия на массы.

Это можно проследить на примере современной протестантской теологии. Протестантский теологический модернизм в его различных вариантах представляет собой ныне своеобразную реакцию на неоортодоксальную «теологию кризиса», которая была доминирующей с начала 20-х до конца 50-х годов нашего столетия. Ее основоположник швейцарский теолог К. Барт, как и другие представители (Э. Бруннер, Р. Нибур и др.), выступал за политику своеобразного религиозного изоляционизма, подчеркивал поту-

сторонность бога, качественное различие мирского и религиозного и т. д. Неоортодоксальная «теология кризиса» изолировала христианство от социальной действительности. Понимая теологию как неизменное учение о божественном, которое основывается на откровении, зафиксированном в Библии и обнаруживаемом в религиозном опыте человека, неоортодоксы считали, что она не может противоречить никакой культурно-исторической практике, а, напротив, неизменно способствует ее углубленному восприятию.

Подобная позиция со временем, разумеется, начала давать все более серьезные бреши под натиском таких социальных и идеологических факторов, как рост религиозного индифферентизма и атеизма, участие верующих в революционном преобразовании общества, осознание ими личной ответственности за происходящее в мире. Поэтому протестантский религиозный модернизм (довольно четко обозначившийся к 60-м годам), в противоположность «теологии кризиса», начал ратовать за вовлеченность бога в мирские дела, за его причастность к земным заботам человека.

Разумеется, переориентация потребовала от теологов значительной модификации своих систем, пересмотра традиционных оснований теологии, обоснования «земного» смысла религии. Начался новый период в развитии теологии, обосновывающей теперь уже концепции так называемого «секулярного христианства».

Модернисты, реалистично оценивая ситуацию, стремятся найти средства, возможности защиты религиозной идеи в секулярный век.

В этой области работают немецкие теологи Р. Бультман, Д. Бонхёффер, английские — Р. Смит, Д. Робинсон, американские — Г. Ваганян, Г. Кокс, Т. Альтицер, В. Гамильтон, П. Ван-Бурен и др. Ряд протестантских теологов, провозглашая весьма сенсационную для своего положения концепцию «смерти бога», вкладывают в нее (как ни парадоксально на первый взгляд) вполне определенное апологетическое содержание. Существуют различные трактовки этой

стратегической идеи, по сути доводов в ее защиту схожая: неверие современного человека в бога свидетельствует лишь о том, что его перестали удовлетворять традиционная форма выражения религиозной идеи, официальные церковные институты; кризис веры объясняется кризисом языка для выражения божественной сущности и т. д.

Именно поэтому протестантские модернисты — правда, в отличных друг от друга теолого-философских конструкциях — неизменно предлагают вместо традиционных христианских представлений о сверхъестественных, потусторонних существах, об антропоморфном боге, сотворившем мир, и т. д. создать новое представление о божественном — как близком людям, неотделимом от их повседневных забот и проблем. Вместо традиционных христианских добродетелей, таких, как послушание, покорность, надежда на небесное воздаяние и др., ныне превозносятся как собственно религиозные качества активность, чувство социальной ответственности, протест против несправедливых общественных порядков и т. д.

Некоторые теологи ратуют за необходимость поисков бога в самих человеческих отношениях, в сфере деятельности людей; в результате сверхъестественное получает социально-этическое толкование, а идея бога, по существу, антропологизируется. Во многом эти теологи опираются на концепцию так называемого «безрелигиозного христианства», выдвинутую несколько десятков лет назад Д. Бонхёффером.

Взгляды Бонхёффера (например, о том, что помимо мирских реальных человеческих отношений нет иной особой, религиозной сферы) и сегодня служат отправными посылами для разных вариантов секулярных интерпретаций христианства, пытающихся раскрыть божественное в самой человеческой деятельности: в истории, обществе, политике, революции, культуре.

В последнее время определенную известность получили, например, идеи американского теолога Г. Вагана. Про-

пагандируемая им концепция «смерти бога» опирается на идею несовместимости старых форм религии с современной культурой. Непонимание сути сложившейся ситуации, по мнению теолога, порождает беспочвенное мнение об исчезновении веры, в то время как речь идет о неприятии конкретного образа бога и попытках вполне земной обрисовки «царства божьего». Для Ваганяна несомненна необходимость решительного отказа от всей традиционной христианской символики и догматики и растворения теологии в социологии, литературе, искусстве, культуре вообще.

Среди теологов, стоящих на позициях антропологического пантензма, имеются и более радикальные, выступающие за новое толкование самой идеи бога, которого они представляют как диалектический процесс, как безличную духовную реальность, развивающуюся на основе постоянного самоотчуждения (Альтицер). Подобная пантеистическая интерпретация сущности трансцендентного, растворяющая его в мире и человеке, тем самым обожествляя их, позволяет в то же время представлять божественное в качестве фактора, определяющего и направляющего как человеческую жизнь, так и всю историю.

Нерелигиозная интерпретация христианства, или так называемая радикальная теология, в том числе «теология без бога», обычно связана с возвеличением человеческой сущности образа Христа, который предстает лишенным черт, «умерших» вместе с богом-отцом; это вполне земной человек, выражающий суть человеческого бытия. Именно такой Иисус, живущий в людях, предлагается радикальной теологией в качестве объекта веры, равно как сущность веры оказывается вовсе не в познании бога и служении ему, а в том, чтобы попросту быть человеком, любить своего ближнего.

Тезис об актуальности подчеркивания земных черт и качеств Христа, о непреходящем значении его бескомпромиссного выступления за человека сегодня присутствует в теологии всех направлений христианства. Среди ряда като-

лических теологов раздаются даже требования замены в религиозном сознании классической христологии обновленной иисусологией. Так, католический теолог В. Каспер, говоря о стремлении теологии (начиная с нового времени) очистить исторического Иисуса от ретуши христианской иконографии, чтобы «снова услышать его аутентичные слова и распознать человеческие черты его облика», весь смысл этой деятельности усматривает в утверждении «значения Иисуса для нас сегодня»¹.

В современной протестантской теологии есть сторонники и другой тенденции, отождествляющей трансцендентное с космосом, онтологизирующей идею бога и дающей ей, по существу, натуралистическую интерпретацию. Такова, например, система теологии П. Тиллиха.

П. Тиллих в ряде книг, особенно в трехтомной «Систематической теологии», весьма своеобразно трактует трансцендентность бога (он одновременно и имманентен миру, и трансцендентен) и сущность религии (как внутренний смысл духовной жизни человека, всей культуры). Для него подлинная теология — это именно «философская теология», которая призвана рационалистически переосмысливать содержание религиозных систем и понятий. Таким образом, он пытается снять противоположность и вообще всякое различие между «богом Авраама, Исаака и Иакова» и «богом философов». В результате христианский бог предстает как философский абсолют, как развивающаяся динамичная реальность, как форма разрешения проблем человеческого существования, а взаимоотношения разума и веры, философии и теологии должны, по Тиллиху, характеризоваться единением и взаимопроникновением, поскольку они дополняют друг друга.

Пожалуй, на примере «философской теологии» Тиллиха нагляднее всего раскрываются суть и возможные результаты теологического модернизма. В самом деле, стремление

¹ *Kasper W., Moltmann J. Jesus ja — Kirche nein? Zürich, 1973, S. 12.*

Тиллиха утверждать некую систему просвещенного христианства, если довести его до логического конца, чревато серьезными последствиями для самой религии: ведь пантеистическое толкование бога (при всем своем религиозном обрамлении), по существу, отрицает суть христианства.

Подобная противоречивость теологического модернизма неизбежна. Отказываясь от тех или иных религиозных идей и представлений, теологи нередко порывают не только с конкретно-исторической формой религии, но и с ее сутью. Но пойти на подобную самоликвидацию они, разумеется, не хотят и не могут.

Именно поэтому далеко идущие модернистские тенденции, значительное обмирщение религиозных категорий вызывает тревогу у многих из них. Так, маститый представитель католической философии Жак Маритен в книге «О церкви Христа» решительно выступает против тех реформаторов, которые хотели бы, чтобы церковь занималась исключительно земными проблемами, предавая забвению заботу о «потустороннем блаженстве людей». Он призывает «покончить с демифологизацией догм и секуляризацией, или профанацией христианства»¹. Религиозный философ по-своему логичен, ибо нарастание светского в религии, разумеется, в конечном итоге подрывает ее устои.

Аналогичные идеи высказывают философы и теологи других религиозных направлений. Получающий столь своеобразное отражение в сфере теологии прогрессирующий процесс размывания основ религии, отхода верующих от традиционных догм, распространения религиозного индифферентизма, свободомыслия, атеистических воззрений — неизбежное явление. Оно убедительно свидетельствует о бесперспективности любых попыток спасти религию посредством ее модификации, с помощью самых утонченных и изощренных теологических спекуляций. И эти процессы в тех или иных формах и масштабах наблюдаются сегодня в

¹ *Maritain J. De l'église du Christ. Paris, 1970, p. 414.*

рамках всех разновидностей христианства, как и всех иных религий.

Новые теологические трактовки используются для решения вопросов взаимоотношения науки и религии, для соответствующей ориентации при подходе к злободневным проблемам свободы, демократии, социального равенства, морали, к экологическим и международным проблемам. В ряде случаев ими вдохновляются приверженцы радикальных религиозных движений протеста, например, сторонники «теологии освобождения», «теологии революции», «черной теологии» и других аналогичных оппозиционных к официальной церкви и буржуазному строю движений.

Используются обновленные теологические трактовки и для обоснования характера и смысла деятельности, образа жизни буржуазных слоев общества. Буржуазная социология подчас весьма зримо раскрывает связь между обновленной теологией и сегодняшними социальными потребностями правящих кругов капиталистического мира. В качестве примера можно остановиться на представляющей интерес публикации в американском социологическом журнале, которая посвящена сравнительному анализу взаимоотношений между религией и идеологией менеджмента. Автор публикации Дж. А. Уинтер стремится показать, что раскрытая М. Вебером связь классической протестантской этики периода становления капитализма с мировоззрением буржуа, характерное для того времени совпадение протестантской концепции предопределения с устремлениями капиталиста-предпринимателя ныне претерпевают значительную трансформацию. Современный государственно-монополистический капитализм значительно отличается от той системы, которую анализировал Вебер, поскольку персональное предпринимательство уступило место огромным корпорациям, а частнопредпринимательский капитализм во многом вытеснен менеджеральной системой.

Для менеджера главная забота — координация работы различных звеньев организации большого масштаба, нала-

жизнание совместной работы разных групп специалистов, учет социальных и эмоциональных факторов человеческих отношений. Сегодня успех менеджера выступает как групповой успех, поэтому если он преуспел, подчеркивает автор, то не вследствие каких-то своих уникальных личных качеств; человека уважают прежде всего за его принадлежность к организации, за умение тесно приспособить ее цели к своим собственным. Анализируя подобным образом особенности деятельности менеджеров, а также современную менеджеральную идеологию, Уинтер показывает, что менеджер пуждается в такой религии, которая оправдывала бы его преданность и была бы для него тем, чем «была для его предшественника, предпринимателя, кальвинистская, или протестантская, этика. Примечательно, что внутри протестантской теологии существуют тенденции, которые могут дать менеджеру подобную систему веры. В основе этих тенденций... лежит доктрина взаимосвязи людей и любящего бога в осуществлении общей задачи»¹.

Далее автор показывает, как современные воззрения, стремящиеся «демократизировать концепцию бога», будь то в рамках секулярной теологии (Г. Кокс, Г. Ваганян, Д. Робинсон), теологии «смерти бога» (Т. Альтицер, В. Гамильтон, П. Ван-Бурен) или теологии процесса (Д. Кобб, П. Питтенджер, Ш. Огаден), рассматривают бога и мир как взаимосвязанные элементы. «В рамках старой протестантской этики человек явно находится в услужении у бога. В новой же теологии бог и человек равноправны и взаимосвязаны в осуществлении общей задачи»². Вывод автора однозначен: модернистские теологические идеи соответствуют современным реальностям буржуазного общества, в том числе практике капиталистического управления. Можно соглашаться или не соглашаться с автором относительно столь непосредственного выведения идей,

¹ American journal of sociology. Chikago, 1974, vol. 79, № 5, p. 1145.

² Ibid., p. 1147.

существующих в современных теологических системах, из конкретной практики в сфере управления в буржуазном обществе. Но в принципе стремление автора раскрыть реальный нравственный и социальный смысл схоластическо-мистических теологических систем заслуживает внимания.

Существенным аспектом происходящих в теолого-философских системах перемен является выдвижение на первый план проблем взаимоотношения веры и разума, религии и науки. В век научно-технической революции отмеченная выше тенденция вполне понятна.

Философы и теологи всех религиозных направлений, учитывая распространение в наше время убежденности в силе научного познания, всячески рекламируют свою благосклонность современной науке, распространяют в различной форме тезис о том, что только благодаря религии наука способна в полной мере пожать плоды своей деятельности.

Суть обновленных трактовок отношения к науке, культуре, достижениям цивилизации наглядно прослеживается на примере современной католической теологии и философии. Обратимся в этой связи к неотомизму, который на протяжении десятилетий выступает в качестве официальной философии церкви. Хотя неотомизм имеет большой опыт псевдорационалистической аргументации, однако именно в этих вопросах сказываются его непреодолимая слабость и ущербность, вытекающие из иррационалистического, антинаучного существа любой религиозной философии.

В самом деле, отталкиваясь от томистского учения о возможности познания материальных вещей с помощью человеческого разума и о невозможности противоречий между верой и разумом, католицизм традиционно считает себя вправе отвергать любой вывод опытных наук, противоречащий его вероучению. Наука, изучающая конечные явления, сам предмет любой отрасли естествознания, представляется в лучшем случае лишь как путь, приближающий к пониманию божественной сущности.

Тезис о невозможности противоречий между наукой и религией при условии, что последнее слово остается за религией, постоянно фигурирует в официальных папских документах, хотя во второй половине XX в. церковь вынуждена декларировать эту идею в более осторожной форме, исключая прежние резкие, откровенные угрозы — «предать анафеме», «запретить», «серьезно предупредить» и т. д. Подобный налет «либерального дозволения» науки, активно популяризируемая церковью идея о широком просторе для свободного исследования в лоне религии в последнее время занимают все большее место в ее тактике и официальных документах. Это кокетничанье с наукой, связанное с характерным для любой современной религии стремлением идти в новых условиях «рядом» с наукой, нащупать пути теологической интерпретации ее конкретных открытий и достижений, нашло свое выражение, в частности, в учреждении Ватиканом специальной Академии наук (в 1936 г.), в создании в разных странах мира сети десятков университетов и других исследовательских учреждений.

В новых условиях обскурантистская сущность отношения религии к научному знанию проявляется преимущественно в том, что идеологи церкви стремятся своим толкованием смысла, назначения и этической значимости науки дискредитировать в первую очередь ее мировоззренческую роль, социально-гуманистическую значимость.

Это осуществляется с помощью неотомистской трактовки роли конкретных наук, значения философии и теологии в общей системе знаний.

Неотомистская субординация науки, философии и открытия исходит из того, что наука и философия принадлежат к области естественно познаваемых истин, а вера позволяет человеку познавать истины, не открываемые никакими естественными средствами, а получаемые в результате открытия.

При таком разграничении «компетенций» религии и науки наука не лишается права открывать и устанавливать

отдельные явления и факты в любых отраслях эмпирического знания — от характеристики особенностей элементарных частиц атома до законов движения межпланетных ракет; ей не отказывается в праве совершенствовать технологию производства, развивать технику; за ней также признается практическое значение в быту. Однако наука, позитивно описывающая факты и эмпирически изучающая физический мир, согласно теологическим взглядам, не может делать мировоззренческие выводы, теоретические обобщения.

Подобное феноменологическое понимание науки, ограничивающее компетенцию научного познания лишь рамками явлений, внешней стороной вещей, объявляет познание их сущности достижимым только метафизикой и религией. Принимая 22 декабря 1980 г. группу ученых — лауреатов Нобелевской премии, папа Иоанн Павел II развивал идею об опасностях и зловещих последствиях использования научных открытий, сделанных человеческим гением. Основную причину этих страшных последствий для рода человеческого, будь то в сфере экологии или атомной энергии, он видит в самодовлеющем понимании технических и научных достижений, в забвении высших религиозно-нравственных ценностей. «Наука, одна наука, — подчеркнул папа, — не в состоянии дать полный ответ о проблемах смысла жизни, значения человеческой деятельности. Это можно раскрыть лишь в том случае, когда разум, возвышаясь над физическими данными, обращается к метафизическим концепциям». Итак, опасности ошибок разума человека, который, по словам папы, «наощупь ищет во мраке», можно преодолеть лишь благодаря свету веры¹.

Аналогичные идеи развивал папа Иоанн Павел II и на встрече с учеными и студентами 15 ноября 1980 г., обосновывая необходимость органической связи веры и разума. Прошлые конфликты, о которых, по словам папы, церковь вспоминает с сожалением и пониманием своих ошибочных

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 22—23.XII.

действий, объявлены «превзойденными». Ныне четко различаются сферы познания веры и разума, признается автономия и независимость науки, свобода исследований. Наука, оставаясь в своих рамках, в принципе не может противостоять вере. Всемерно подчеркивая необходимость развития науки и техники, которая лежит в основе современной культуры, папа в то же время предостерегал от представлений о том, что наука сама по себе может дать ответ о смысле научных исследований и технических достижений, судить о гуманистическом или антигуманистическом смысле своих деяний и т. д. Всего этого можно избежать благодаря вере, призванной правильно направлять действия ученых¹.

Итак, несмотря на все реверансы в сторону науки, несмотря на признание колоссальных заслуг и достижений науки и человеческого разума, все же и сегодня наблюдается неправомерное стремление религии присвоить себе монопольное право на мировоззренческие выводы из достижений естественных наук. Разоблачая суть подобных фидеистских поползновений, В. И. Ленин писал: «Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах»².

Католические теологи, устраняя науку от решения мировоззренческих проблем, исходят из того, что опытные исследования раскрывают свойства посюстороннего, физического, чувственно воспринимаемого мира и не в состоянии что-либо утверждать о сверхчувственных (интеллигибельных), метафизических сущностях. Последние — компетенция метафизики, непосредственно опирающейся на церковные догмы.

Именно метафизика (философия), являющаяся в системе неотомизма своеобразной наукой наук и оперирующая общими понятиями, углубляется в сущность вещей, недоступную-де конкретным наукам. Выступая в октябре 1965 г. на II Ватиканском соборе, неотомистский теолог епископ

¹ La Documentation catholique, 1980, 21.XII, p. 1136—1140.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 297.

О. Шпюльбек высказал мысль о том, что естественные науки не в состоянии способствовать познанию метафизической глубины вещей, их причины, случайностей и конечной цели. Поэтому-де необходим плодотворный диалог между наукой и метафизикой, с тем чтобы последняя открыла науке основные истины, открыла «дорогу к богу».

Современный фидеизм осуществляет свою традиционную функцию дискредитации научного знания, его объективной ценности и функции, используя все более утонченные средства, в том числе приукрашивание истории взаимоотношений науки и религии, ограничение функций науки, не способной-де проникнуть в сущность важнейших закономерностей бытия, пропаганду положения о различной сущности знания и духовных ценностей, умаление революционно-преобразующей функции науки и т. д.

В книге богослова Фёра «Естественнонаучное мировоззрение и христианская вера. Современная картина мира» наряду с утверждением о том, что «церковь не имеет предупреждения против науки; она осуждает лишь попытку ограничить человеческое познание постижением материальной сферы и применять его только для преходящих целей»¹, приводятся ложно толкуемые факты из современного естествознания, которые должны, по мысли богослова, доказать существование бога, возможность чуда, библейских представлений и т. д. Например, чудесное трактуется уже не как нечто необъяснимое, а как вполне понятное в свете углубленного познания современным естествознанием законов природы, которых раньше мы не знали и «которые создал творец»².

В кампании по пропаганде «сотрудничества» религии и науки, церкви и культуры наблюдаются в основном следующие тактические линии: фальсификация и реабилитация истории воинственной обскурантистской практики; и в слу-

¹ Föhr E. Naturwissenschaftliche Weltansicht und christlicher Glaube. Das moderne Weltbild. Freiburg, 1976, S. 5.

² Ibid., S. 228.

чае, если это невозможно, попытка отмежеваться от прошлого, провозгласить «новую эру» сердечного согласия и содружества с наукой, ее деятелями. В первом случае доказывается, будто во все времена церковь выступала покровительницей науки и искусства; гонения же на передовых мыслителей лишь «досадные недоразумения», вызванные случайными причинами (вроде отдельных заблуждений того или иного деятеля церкви). Эта версия преподносится в монографиях, статьях, буквально наводнивших книжный рынок капиталистических стран.

Между тем хорошо известно, что несмываемым позорным пятном в истории христианства, как и других религий, является многовековая практика гонений на науку, культуру, стремление пресечь и ликвидировать любые не согласующиеся с данным вероучением идеологические, культурные течения и направления.

Ныне модернистски настроенные теологи, стремясь не выглядеть откровенными ретроgrадами и отвести от церкви справедливые обвинения в обскурантизме, все настойчивее требуют отмежеваться от позорной для религии практики гонений на науку и ее деятелей, призывают действовать в гармонии с современной культурой, цивилизацией. Знаменательны в этой связи требования католических обновленцев покончить с «эрой Галилея». На II Ватиканском соборе епископ Эльхингер предложил даже реабилитировать самого Галилея.

Очевидно, что политика отказа от «эры Галилея» касается более широкого круга вопросов, чем только вопрос об отношении к личности Галилея.

В кампании по отмежеванию от компрометирующих религию исторических фактов сегодня участвуют и высшие церковные иерархи. В ноябре 1979 г. папа Иоанн Павел II на заседании ватиканской Академии наук, посвященном 100-летию со дня рождения Альберта Эйнштейна, признал несправедливость и ошибочность преследований церковью Галилео Галилея. Говоря о том, что инквизиция в 1633 г.

вынудила ученого отречься от теории Коперника о гелиоцентрической системе мира, папа отнес это за счет людей и учреждений церкви, не понимающих необходимость автономии науки и считавших, что наука и вера противостоят друг другу. Призывая теологов и ученых «беспристрастно признавать ошибки, кто бы их ни совершал», папа выступил за устранение препятствий «к плодотворному согласию между наукой и верой, между церковью и миром».

В наши дни религиозная пропаганда всех направлений старается оперативно реагировать на все крупные достижения науки и техники, с тем чтобы подчеркнуть свое расположение к науке и заодно истолковать их в угодном для религиозной доктрины духе. Характерна позиция католицизма по отношению к величайшему достижению современной науки и техники, положившему начало освоению космоса. Приветствуя в специальном заявлении первые полеты советских космонавтов, папа Иоанн XXIII в то же время подчеркивал, что это — продолжение того «исследования вселенной, к которому призывает священное писание на своих первых страницах», и выразил пожелание, чтобы «эти подвиги приобрели значение дани человека богу, высшему творцу и законодателю».

Модификация отношения религиозных институтов к научному и культурному прогрессу, как было показано, не означает изменения сущности их концепций. Благословение ученых, восхваление научно-технических завоеваний вовсе не свидетельствуют об исчезновении фидеистских гегемонистских претензий. В рамках ортодоксальных философских учений (например, неотомизма) они остаются неизменными, по сути своей обскурантистскими, способствуя дискредитации среди все более широких кругов интеллигенции буржуазных стран религиозной доктрины и препятствуя широкой реализации «обновленческих» идей. Поэтому наиболее радикальные теологи-модернисты требуют создания новых теолого-философских систем, призванных помочь «формированию религии», соответствующей веку науки, выступают за

такие теологические направления, которые могли бы сегодня получать непосредственное научное обоснование, учитывать новые философские и научные знания.

Этот процесс в католической философии во многом связан с именем французского мыслителя, крупного геолога и палеонтолога Пьера Тейяра де Шардена (1881—1955). Заслугу оптимистической и эволюционистской системы Тейяра ратующие за модернизм теологи видят в том, что догматические средневековые представления, не соответствующие психическому и умственному складу современного человека, он пытается заменить религиозными принципами, опирающимися на гуманистические идеи и данные науки XX в. Эти новые средства укрепления веры, с точки зрения модернистов, более эффективны: «Как искра, попавшая в кустарник... мысль отца Тейяра воспламенила наши умы. Она принесла огонь, в котором мы нуждались»¹.

Широкая дискуссия вокруг тейярдизма в религиозной и светской буржуазной философской литературе начала разгораться приблизительно с середины 50-х годов. Официальная церковь ополчилась против философских трудов Тейяра — члена ордена Иисуса. Его основные философские труды («Феномен человека», «Божественная среда», «Энергия человека») были запрещены церковью в разные годы, начиная с середины 20-х годов и вплоть до смерти Тейяра. Тейяр был отстранен от преподавательской деятельности в колледжах и институтах; руководство ордена не разрешало ему публично выражать свои взгляды, даже запретило его выступление на международном конгрессе палеонтологов. Ватиканская конгрегация священной канцелярии не раз выносила решения (в 1957, 1962 гг.), предостерегавшие против увлечения трудами Тейяра де Шардена, требовавшие их изъятия из библиотек семинарий и других католических учреждений, запрещавшие их продажу в церковных книжных магазинах и перевод на другие языки.

¹ *Onimus I. Pierre Teilhard de Chardin ou la foi au monde. Paris, 1963, p. 663.*

Однако никакие запреты ожесточившихся традиционалистов не могли быть сколько-нибудь эффективными. Сторонники и последователи Тейяра, преследуя разные цели и по-разному интерпретируя его взгляды, создают всевозможные общества и комитеты, привлекая в них крупных ученых, политических деятелей, публицистов, философов, с тем чтобы распространять идеи тейярдизма. Они исходят из необходимости отказа от односторонней ориентации на устаревшие философские доктрины, ратуют за «плюралистический» подход в философии. В последнее время эта тенденция получает все большее понимание и даже поддержку среди ватиканского руководства. Например, в послании Павла VI руководителю доминиканского ордена (специально направленном в 1974 г. в ходе пропагандистской кампании по случаю 700-летия со дня смерти Фомы Аквинского) наряду с традиционным восхвалением доктрины св. Фомы, рекомендациями руководствоваться томистским учением о гармонии разума и веры имеются и примечательные оговорки. Папа говорил о необходимости проводить «различие между верой и теологическими разработками», использовать современные средства, дающие возможность говорить о боге в более совершенной и убедительной форме, сочетать основные положения томистской философской системы «с новейшими достижениями светских наук»¹.

В современных официальных документах католической церкви (в том числе соборных и папских) встречаются и прямые ссылки на труды Тейяра де Шардена.

Центральный пункт философии Тейяра — идея развития, трансформизма как непрерывного и тотального процесса, которому подвержены все явления. Всеобщий закон естественного развития, непрерывная эволюция наглядно прослеживаются в конструируемой мыслителем картине космогенеза, в которой разные ступени эволюции взаимопроникают и продолжают одна другую в результате количественных

¹ L'Osservatore Romano, 1974, 6.XII.

изменений на новом, более высоком качественном уровне. Эволюция материи продолжается в эволюции жизни, последняя — в эволюции сознания.

Тейяр глубоко убежден в истинности дарвиновской теории биологического развития; более того, он считает, что вообще без учета принципа развития не может существовать и прогрессировать ни одна область естествознания или обществознания¹. Концепция Тейяра распространяется на все основные уровни эволюции неживого, живого, социального. Тейяр — ученый, и различные этапы мировой эволюции он обосновывает данными современной науки. В результате его натурфилософское учение, представляющее мир как всеобъемлющий процесс поступательного развития, оказалось фактически свободным от традиционно богословских трактовок творения, роли божества, бессмертия души и т. д.

Попытка соединения научной картины мира со своеобразным идеалистическим пантеизмом сочетается у Тейяра, однако, с явным телеологизмом. «Тотальный психизм» Земли, всеобщая «одухотворенность» и «жизненность» не завершаются, по Тейяру, в человеке, последний непрестанно «спиритуализируется и стремится к некоему высшему духовному центру». Он вводит целесообразность в строгую закономерность эволюции, которую представляет с самого начала как целеустремленное восхождение к сознанию, далее к «гармоничной коллективности» сознаний и, наконец, к высшему духовному центру («пункту Омега»); именно здесь концентрируется сознание, постепенно освобождающееся от Земли. И здесь обнаруживается принцип, отмечает ученый, «который нам требовалось найти, чтобы объяснить как пастойчивое движение вещей к более сознательному, так и парадоксальную прочность самого хрупкого»². Таким образом, к высшему духовному центру, к «пункту Омега»,

¹ Teilhard de Chardin P. Oeuvres. Paris, 1955, vol. 1, p. 242.

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 265—266.

к богу приводят все законы эволюции, к нему человечество приходит через науку. Итак, существование божества, его необходимость «обосновывается» научными данными, а не просто постулируется ссылками на «священное писание», учение церкви. Именно в этом видят значение системы Тейяра модернистски настроенные религиозные деятели. На посвященном тейярдизму международном симпозиуме, состоявшемся в Сан-Франциско в мае 1971 г., заслуга Тейяра усматривалась в том, что он как ученый и христианин пытался создать образец религии в век науки, своеобразную «теологию природы»¹.

Противоречия в системе Тейяра, конечно, в ней неразрешимы. Его натурфилософия, гуманистическая этика, оптимистические искания покоятся на попытке синтеза несовместимых явлений — науки и религии, активной преобразующей деятельности человека и телеологии, достижений конкретных естественных наук и некоего трансцендентного духовного центра — основы всеобщей связи мира и его конечной цели.

Характерно, что в предисловии к собранию сочинений Тейяра, написанном Н. М. Вильдерсом, бельгийским доктором теологии, автор, предвосхищая возможные сомнения верующего читателя, делает специальные разъяснения. Он пишет, что в тейярдистской системе мировой эволюции во всех случаях предполагается существование личного бога в качестве созидательной силы; что неправильным было бы впечатление, будто Тейяр исключает божественное вмешательство в создание человеческой души².

Отмечая мистические черты и антинаучные цели тейярдизма, стремящегося примирить рациональное и иррациональное, знание и веру, представить религию в обновленном виде, увязав ее с достижениями науки, следует под-

¹ *Teilhard de Chardin P. In quest of the perfection of man. An international symposium. Rutherford. N.—Y., 1973, p. 114.*

² *Teilhard de Chardin P. Oeuvres, vol. 1, p. 15.*

черкнуть, что Тейяр вместе с тем во многом порывает с официальной томистской традицией и церковной догматикой и открывает новые, столь необычные для христианства перспективы.

Не случайно эта система вызвала столь противоречивые чувства и настроения среди католических теологов — от восторженных надежд преодолеть при помощи тейярдизма современный кризис христианства до гневных призывов признать тейярдизм анафеме.

Конечно, многое у Тейяра не согласуется с официальной догматикой. Уже проблема происхождения человека, особенно его сознания, резко противоречит учению церкви. Известно, что после десятилетий ожесточенной и бесплодной борьбы с теорией Дарвина, с идеями биологической эволюции католическая церковь вынуждена была признать эволюционную теорию хотя бы по отношению к человеческому телу. Однако известная энциклика папы Пия XII «Гумани генерис» (1950 г.) решительно выступила против эволюционного объяснения происхождения души. Острие этой мракобесной декларации было направлено и против тейярдизма.

Пропагандируя идеи папской энциклики и стремясь обосновать традиционную трактовку души, католические философы-традиционалисты подчеркивают, что «каждая человеческая душа подлинно уникальна и, будучи бессмертна, не может измениться и стать чем-то другим, ибо в этом случае она утратила бы тождество с собой»¹.

Разумеется, Тейяр, введя понятие всеобщего «психизма», разные уровни которого присущи-де каждой форме материи, стремился избежать представления о душе как о продукте материи. По существу, он не отбрасывает религию, а преобразовывает и модернизирует ее. Можно на многих примерах показать, как воздействие этой обновленной религии снижает научную ценность системы взглядов Тейяра,

¹ *Fothergill Ph. Evolution and christians. London, 1971, p. 305.*

но именно эта, модернизированная теология привлекает внимание теологов-модернистов.

Трансформизм, лежащий в основе системы Тейяра и опирающийся на некоторые близкие материализму и диалектике идеи (преемственность и взаимозависимость явлений бытия, биологическая эволюция как частный случай всеобщего трансформизма), поставил под удар многие христианские «истины». В частности, система Тейяра показывает несостоятельность краеугольных догматов теологии — о сотворении человека, происхождении человечества от одной пары людей, о первородном грехе, искуплении, зле, посреднической функции церковной организации и т. д. Тейярдиистское понимание «творения» как процесса; по существу, отождествление им «творения» и эволюции; пантеистическая трактовка божества противоречат христианскому учению о трансцендентной и неизменной сущности бога, с которым, кстати, никак не согласуется и признание Тейяром возможности существования жизни на других планетах.

Особо следует подчеркнуть гуманистическую значимость взглядов Тейяра, его оптимистическую веру в разум человека, в его прогрессивное развитие, в будущее.

Высшим выражением всего предшествующего хода развития Вселенной, согласно тейярдизму, является человек. Он «ось и вершина эволюции», сознающей самое себя, свою природу, способной устроить коллективное братское общежитие всех народов и рас на разумных началах¹. В результате воцарится высшая степень организованности, человек станет хозяином своей судьбы, возьмет в свои руки управление общественным прогрессом; колоссального развития достигнет тогда и наука.

Эсхатология Тейяра весьма своеобразна. Восходящая прогрессирующая эволюция, считает он, должна привести все более освобождающееся от материи сознание к конечно-

¹ См.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека, с. 38, 217.

му пункту космогенеза, к «пункту Омега». Игнорируя специфику общественной жизни, Тейяр биологизирует все исторические, экономические, социально-политические проблемы. Он мыслит достижение счастливого разумного будущего в духе утопического религиозного социализма, пренебрегая классовыми антагонизмами, реально существующей в капиталистическом обществе классовой борьбой и упоая на «христианскую любовь» и «христианское милосердие».

Кардинальные пороки системы Тейяра, а их число значительно увеличивается, когда он затрагивает проблемы общественной жизни, особенно ее будущего, все же не могут заслонить свойственную ему беспредельную веру в социальный прогресс, подчеркивание ценности человеческого действия, возвеличение труда, научных исследований, места человека в организации будущего общества.

В опубликованных недавно работах Тейяра содержатся страстные призывы к активным действиям человека и весьма своеобразное понимание христианства. «Отныне единственно возможной для человека религией является та, которая прежде всего научит его познавать, любить и пламенно служить Миру, частью которого он является»¹, — пишет ученый.

Ратуя за прогресс общества, Тейяр одновременно выступает за расцвет личности, который должен быть достигнут коллективными усилиями; социализация и персонализация, по мысли философа, «идут рука об руку».

Целенаправленная попытка Тейяра «эмансипировать» теологию от всего арханчного, ветхозаветного, установить новые отношения между религией и обществом, богом и миром, когда последний предстает как живое органическое целое, находящееся в процессе постоянной эволюции, пропагандировать религиозное учение, исходящее из высочайшей ценности труда, земных человеческих действий,

¹ Europe, 1965, III—IV, p. 104.

научных исследований, технического, интеллектуального и социального прогресса,— подобная попытка, разумеется, по существу, антинаучна, несбыточна, противоречива.

Отмеченные противоречия, а их количество далеко не ограничивается здесь приведенными (многие из них в марксистской литературе уже подверглись научному анализу¹), порождают возможность различных толкований взглядов Тейяра, выхватывания их отдельных сторон, часто вопреки смыслу системы.

Характеризуя в целом теолого-философскую систему Тейяра, важно подчеркнуть, что это теология, находящаяся в процессе разложения и являющаяся его выражением. Именно поэтому официальные католические идеологи стараются выхолостить те идеи тейярдизма, которые прямо противоречат церковной философско-теологической доктрине.

Среди самих сторонников Тейяра существует ряд направлений. В основном это модернистски настроенные религиозные идеологи, стремящиеся найти в тейярдизме обоснования необходимости переоценки отношения к современной культуре, прогрессу, науке, с тем чтобы отмежеваться от откровенного иррационализма и интегристской идеологии.

Левые религиозные группировки стремятся использовать воззрения Тейяра по социальным вопросам для обоснования своего активного вторжения в общественную жизнь, противодействия социальному злу, тяготам капитализма, борьбы против фашизма и милитаризма. Наиболее радикальные из них ищут в тейярдизме аргументы для объединения людей самых различных взглядов и убеждений (верующих и атеистов, материалистов и идеалистов и т. д.), для подкрепления своих симпатий к социализму, стремле-

¹ В советской литературе исследованию «феномена Тейяра» был посвящен ряд публикаций, в том числе монография Бабосова Е. М. «Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства». Минск, 1970.

ний к диалогу с марксизмом, для налаживания контактов с коммунистами в целях совместных выступлений против расового и национального неравенства, против военной угрозы, против капиталистического гнета.

Наиболее радикальных модернистов в первую очередь прельщает в тейярдизме то, что с его помощью они надеются значительно обмирщить католическую теологию, связать ее с общечеловеческими, гуманистическими устремлениями, земными ценностями и надеждами.

Но среди сторонников Тейяра есть и такие, которые толкуют его социальные взгляды как призыв к установлению «христианского мира» и «всеобщего братства» в рамках современного буржуазного общества, как призыв к активной борьбе с марксистской идеологией и подтверждение невозможности каких бы то ни было контактов с марксистами.

Анализируя сегодня новые тенденции в теолого-философских системах, важно обратить внимание на метод осуществления всех наблюдаемых модификаций.

Уяснить суть современных идеологических модификаций в рамках тех или иных теологических систем помогает историко-философская традиция и многовековая тактика церквей при выработке официальной «теории», соответствующей духу той или иной эпохи. Как известно, семь веков назад среди различных философских систем томизм получил предпочтение у идеологов католицизма благодаря тому, что он представлял, как пишут современные религиозные историки философии, своего рода «открытую систему» ассимилировавшую элементы различных философских систем. Томизм «переварил» в интересах церкви систему Аристотеля, преодолел чрезмерный рационализм средневековых реалистов и непомерный иррационализм тертуллиановского типа. В результате церковь, оснатив свой идеологический арсенал вполне современными для того времени идеями, используя для этого соответствующим способом интерпретированные достижения развивающегося опытного знания и

философской мысли, смогла во всеоружии выступить против свободомыслия, материалистического мировоззрения, против прогрессивных социальных идей.

В нашу эпоху аналогичная практика, то есть ассимиляция наиболее распространенных учений и перестройка всего религиозного комплекса с учетом требований эпохи, повторяется в рамках различных современных религий. В результате путем своеобразного синтеза, религиозного переосмысления идей, выдвинутых научным, культурным и социальным прогрессом, из которых предварительно выхолощена их материалистическая и революционная суть, постепенно оформляется новое обличье теологии и религиозной философии, противопоставляемых научному материалистическому мировоззрению.

Наряду с этой непосредственной мировоззренческой функцией обновленная теолого-философская доктрина призвана теоретически подкреплять модернизм во всем религиозном комплексе.

МОДИФИКАЦИИ, НЕ ЗАТРАГИВАЮЩИЕ ОСНОВЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

При всех различиях между религиозными направлениями и происходящими в них процессами модернизации все они сводятся в конечном итоге к социальному утешительству, отказу от революционного преобразования общества, этическому реформизму в различных вариантах. В условиях буржуазного общества модернистские концепции, в религиозной форме выражающие неокapиталистические взгляды, а также социально-практическая деятельность руководства религиозных организаций выступают в качестве идеологической и политической поддержки исторически обреченных сил. Правда, ныне утверждение и защита основных устоев буржуазного общества осуществляются под прикрытием антикапиталистической фразеологии, которая осу-

ждает лишь частные «несовершенства» капитализма, моральную распушенность отдельных представителей власти имущих, их «необузданную жадность» и «эгоизм».

Социально-консервативная сущность религиозно-политических доктрин наглядно проявляется при анализе их отношения к частной собственности, взаимоотношению классов, роли буржуазного государства, революции и реформе и т. д.

Эти актуальные для современного идеологического противоборства на международной арене вопросы, претерпев в последнее десятилетие ряд модификаций, продолжают занимать в массовой церковной пропаганде и изданиях религиозных социологов всех вероисповеданий центральное место, активно используются клерикальными силами для идейной поддержки и оправдания буржуазной системы. Совпадая по содержанию с буржуазными и реформистскими концепциями, религиозно-политические доктрины отличаются своей формой, обращением к религиозным чувствам населения и к их суевериям и предрассудкам.

В тщательно разработанном, особенно католическими и протестантскими идеологами, учении о частной собственности она неизменно представляется божественным институтом, неотъемлемым атрибутом общества и человека. В защиту этого тезиса, начиная с прошлого века и вплоть до церковных документов последних лет, приводятся типичные буржуазно-апологетические доводы: частная собственность — гарантирует независимость личности и семьи, обеспечивает право выбора и свободу деятельности, способствует умножению богатства общества и его развитию, отсутствие ее вызовет всеобщую лень и бездеятельность.

Эта идея в модифицированном виде присутствует, например, в сегодняшней официальной социальной доктрине католической церкви. Так, летом 1980 г. во время своей поездки в Бразилию папа Иоанн Павел II подчеркивал, что право на собственность в принципе законно, но она, согласно христианской концепции, должна быть «более

справедливо» распределена и выполнять общественные функции¹.

Подобную близость содержания религиозных доктрин и традиционных буржуазных теорий можно проследить и по другим вопросам. Например, всемерно превозносится капиталистическое предприятие, обеспечивающее-де общее благо участвующих в нем «взаимозаинтересованных» сторон. Неравенство же социальных ролей не должно вызывать сомнений, ибо они-де взаимодополняют друг друга, создавая целостную систему. В рамках этого предприятия, улучшенного в соответствии с принципами религиозно-социальной доктрины, и может происходить налаживание сотрудничества между социальными классами, которые стремятся искусственно противопоставлять.

Выступая против марксистского учения об историческом процессе и о роли классовой борьбы в нем, клерикальные теоретики противопоставляют ему религиозное учение о «ненасилии», считая «прогресс на путях любви» гуманистическим решением социальной проблемы.

Специфика социально-религиозных теорий состоит в том, что они неизменно апеллируют к моральным категориям, стремясь «нравственным несовершенством» человека оправдать существующую социальную несправедливость. Тем самым они, сводя проблему к необходимости нравственного совершенствования человека, доказывают неуместность революционного преобразования общества.

Довольно типичными в этом смысле являются некоторые публикации в книге «Проблема труда в христианской перспективе», включающей статьи канадских и американских религиозных социологов и церковнослужителей различных вероисповеданий. Например, в статье сотрудника Института христианских исследований в Торонто (Канада) Хендрика Харта, озаглавленной «Отчуждение», причина всех бед и социальных недугов западного мира усматрива-

¹ L'Ossevatore Romano, 1980, 9.VII.

стся в отчуждении человека от бога, в процессе секуляризации, в порождении западной цивилизацией специфического мирского мировоззрения, которое расценивает отчуждение от бога как один из показателей зрелости человека.

Между тем, согласно Харту, подлинная свобода и подлинное спасение заключаются в «безоговорочном подчинении Христу», а все иные пути ложны и заводят в тупик, ибо в основе их лежит сугубо мирская концепция «экономического материализма». Автор считает, что все теории, методы и средства, направленные на перераспределение материальных благ и признающие неизбежность антагонизмов, только усугубляют отчуждение, так как они обращены против симптомов болезни, но не против самой болезни. Революционные теории и движения в силу своей материалистической ориентированности не приносят-де облегчения, а, напротив, стимулируют разобщение и потому являются реакционными¹.

Проповедуя братство во Христе, автор всячески пытается дискредитировать теорию и практику классовой борьбы, доказать, что классовые антагонизмы, социальная напряженность в капиталистическом обществе порождены не объективными причинами, а лишь извращенным мирским сознанием. Следовательно, единственный радикальный выход из создавшегося положения — в обращении к богу, в моральной внутренней реформации, в нравственном самосовершенствовании.

Аналогичная позиция разделяется идеологами церкви и по отношению к развивающимся странам. Французский теолог Пьер Биго, десятки лет проживший в развивающихся странах и сведущий в вопросах социальной программы церкви, в книге «Церковь и революция в «третьем мире» ратует за полное исключение в этом регионе «любой агрессивности (?) в отношении имущих классов». Переход к новому обществу, согласно Биго, не может быть насильствен-

¹ Labor problems in christian perspective. Grand Rapids (Mich), 1972, p. 293—294.

ным; процесс этот предполагает «трансформацию сознания» широких народных масс благодаря религиозной вере, которую он считает «источником обновлений, изменяющих сегодня лицо мира»¹.

Консервативные, антиреволюционные выступления свойственны не только отдельным авторам, но, что более важно, и руководству массовых церковных организаций. Так, в обращении, принятом в октябре 1979 г. на конференции высшей католической иерархии Филиппин и оглашенном во всех церквях страны, подчеркивалось: «Мы должны осудить как преступно безответственное деяние подстрекательство страдающей бедноты к революционному насилию, которое вызывает ненависть, ведет к ненужному кровопролитию, к трагической утрате многих жизней и редко, если когда-либо вообще, достигает чего-нибудь хорошего».

Вместе с тем авторы обращения вынуждены были признать, что массовая нищета, лишения, многочисленные проявления социальной несправедливости и политического притеснения, а также бесправное положение беднейших слоев населения наряду с коррупцией и использованием силы для защиты привилегий власть имущих являются причинами роста недовольства и обращения масс к насилию как единственному выходу из создавшейся ситуации. В этой связи руководство католической церкви призывало «лидеров государства» направить усилия на осуществление «глубокого социального обновления», а также «предотвращать нарушения прав человека (или не мириться с подобными нарушениями), которые порождают контрнасилие».

Негативное отношение к действительным революционным преобразованиям можно наблюдать у религиозных деятелей разных направлений, вплоть до либеральствующих. Даже многими представителями так называемой «теологии революции», пытающейся преодолеть «предубеждение» о противоположности церкви и революции, прилагает-

¹ Bigo P. L'Eglise et la revolution du tiers monde. Paris, 1974, p. 269.

ся немало усилий для отрицания социалистической революции и реального социализма, для подмены их неким социально-этическим движением, направляемым идеями христианства.

Обычно в религиозно-социальных доктринах бесполезность и противоестественность революции выводятся из ортодоксального теологического тезиса о том, что все социальные несправедливости проистекают из зла, присущего самой человеческой природе. Поэтому лишь внутреннее моральное самоусовершенствование и самопожертвование могут способствовать освобождению от греховности, тяготеющей над человеком, и установлению справедливого миропорядка. В человеке, как уверяют клерикальные социологи, активно действует некая «пятая колонна» (эгоизм, гордость, лень и т. д.), которая предопределяет все остальные несовершенства. Отсюда перекидывается место и к общественно-политическим вопросам. Если главное состоит лишь во внутреннем, моральном самоусовершенствовании и самопожертвовании, в том, чтобы «спасти нас от нас самих же», то, следовательно, всякую социальную проблему можно правильно решить только с религиозной точки зрения, обеспечивающей сотрудничество индивидов, наций и классов на основе всепрощающей любви. Поэтому марксистский призыв к рабочему классу, трудящимся соединяться, подстрекающий-де одну социальную группу выступить против другой, должен быть заменен лозунгом объединения верующих всех стран.

Эта традиционно антиреволюционная позиция разъяснялась Павлом VI в выступлении перед руководителями Бельгийского христианского рабочего движения следующим образом: «Есть существенное различие между подлинным братолюбием и кажущимся братством, при котором пытаются сблизить членов одного социального класса, с тем чтобы лучше их объединить в борьбе против людей другого класса, которые, однако, также являются братьями». В результате церковь отвергает революционное действие, ибо

оно-де «обычно порождает целую вереницу несправедливостей и страданий, оно ниспровергает и уничтожает». Решение социальной проблемы, по мнению значительной части духовенства капиталистических стран, состоит в постепенном улучшении реальных институтов существующего строя, которые сами по себе ценны и способны к совершенствованию; «внезапными же и коренными изменениями они могли бы быть опасно поколеблены».

Примечательна в этой связи позиция епископата США, публично изложенная накануне президентских выборов 1980 г. Отталкиваясь от христианской идеи «любви к ближнему», епископат предписывал придерживаться ее не только во взаимоотношениях между отдельными людьми, но и во всех обществах и общностях, вплоть до человечества в целом¹.

Развивая подобные же этико-социологические утопические концепции, папа Иоанн Павел II на традиционном предновогоднем приеме руководителей ватиканской курии 22 декабря 1980 г. говорил о необходимости этико-религиозного воспитания всех членов общества, представителей всех его слоев, чтобы создать цельное общество, безмятежное, конструктивное, мирное и радостное². Нужно ли подробно раскрывать, что подобные социально-этические установки не просто иллюзорны, но и ведут к социальной дезориентации; они могут лишь насаждать общественную пассивность, откладывая на неопределенное будущее решение назревших общественно-политических проблем.

Именно поэтому исследователи, стоящие на позициях марксистско-ленинского обществоведения, как и другие прогрессивные демократические круги, критикуют современную, во многом модифицированную социальную доктрину церквей буржуазных стран за осуществляемое ею идейное оправдание капиталистической системы отношений, за про-

¹ La Documentation catholique, 1980, 6.1, p. 27.

² L'Osservatore Romano, 1980, 22—23.XII.

паганду реакционных идей «социального мира». Церковная пропаганда, затушевывая истинные причины социально-политических, классовых антагонизмов, отстаивает иллюзорные пути решения общественных проблем, отвлекает от реальных путей освобождения и развития личности, способствует консервации существующих в капиталистическом мире отношений эксплуатации. В этом ее консервативная социальная функция.

Указанную консервативную социальную функцию религии можно наглядно проследить и при анализе других аспектов взаимоотношений общества и религиозных организаций, прежде всего отношения церкви к решающему фактору современного общественного прогресса — социализму, его идеологии и практике.

Разумеется, вместе с общественно-политическими изменениями в мире, с подъемом демократического и социалистического движения наблюдаются нововведения и в социальной пропаганде современных церквей. Это даже послужило поводом для появившихся в буржуазной литературе, в ряде органов зарубежной религиозной печати утверждений о якобы кардинально новом отношении церковных организаций к буржуазному строю, об «антикапитализме» их деятелей и т. д.

Новые моменты в отношении современной социальной доктрины церквей в развитых капиталистических странах к буржуазному строю сводятся к тому, что в ней нашли отражение те вынужденные уступки трудящимся, которые «признаны» буржуазной демократией. Церковь ныне санкционирует то, что достигнуто в напряженных классовых боях трудящихся. Например, в принятой II Ватиканским собором конституции «О церкви в современном мире», а также в выступлениях высших иерархов говорится о праве трудящихся на объединение, признается законность забастовки как средства защиты прав (правда, как крайнее средство и при условии соблюдения требований «всеобщего блага»), подчеркивается нравственное достоинство труда,

утверждается необходимость решения социальных аспектов труда в условиях нынешнего технического прогресса.

Во всех более или менее значительных протестантских и католических документах последних лет, посвященных социальным вопросам, рассматриваются действительно актуальные проблемы (хотя и в свойственной религиозной социологии абстрактно-гуманистической манере), решения которых все настойчивее требуют левые, демократические силы в буржуазных странах. Это вопросы занятости, участия рабочих в управлении предприятиями, урбанизации и социального обеспечения, демографии, здравоохранения и досуга, это требования разумного отношения к природным ресурсам, охраны окружающей среды и т. д. Выдвигаются сугубо мирские требования уважения основных прав человека (достойного существования личности, гарантированных гражданских свобод, социального обеспечения, возможности пользоваться культурными ценностями, устраивать собрания и создавать ассоциации и т. д.).

В результате активного заимствования из светских буржуазных теорий идей, средств и методики конкретных социологических исследований происходит довольно интенсивная социологизация традиционной социально-религиозной проблематики.

Разумеется, все это используется для обоснования «религиозной альтернативы» марксизму, а что касается конкретных вынужденных нововведений в социальной доктрине, то они не выходят за рамки буржуазно-демократических прав и свобод, завоеванных трудящимися в ведущих буржуазных странах, и тем более не ставят под сомнение основные устои частнособственнических отношений, суть капиталистической системы — частную собственность на средства производства, существование противоположных классов и т. д. Необходимость братского союза и гармонического взаимного дополнения труда и капитала, тесного сотрудничества рабочих и предпринимателей, апелляции к буржуазному государству как «стражу общего

блага» — все это продолжает пропагандировать разветвленный идеологический аппарат церкви и сегодня. Отметим, что одной из основных идей празднования «святого года», каковым католическая церковь провозгласила 1975 год, было «примирение». Специально объясняя суть девиза «святого года», папа Павел VI подчеркнул необходимость понимать его весьма широко — как примирение между людьми, в семье, коллективах, в обществе, как отказ от всяких теорий классовой борьбы¹.

Антиреволюционный характер современных социально-политических доктрин и деятельности официального руководства христианских церквей буржуазных стран наглядно показывают, например, выступления Иоанна Павла II во время его поездки на Филиппины в феврале 1981 г. В них раскрылись характерные черты религиозного социального утешительства.

Во-первых, подчеркнем, что дело не ограничивалось декларациями о позитивном значении таких религиозных ценностей, как смирение, всеобщая любовь, классовое примирение. Выступая на Филиппинах, Иоанн Павел II призвал «дать отпор любым проявлениям материалистической идеологии», осудил классовую борьбу и революционное насилие. Обращаясь к обитателям манильских трущоб Тондо, он, в частности, подчеркнул: «Путь к вашему освобождению — это не путь насилия, классовой борьбы или ненависти. Это путь любви, братства и мирной солидарности»².

В обращении папы к рубщикам сахарного тростника на острове Негрос, которых на Филиппинах называют «отверженными среди отверженных», также содержалось осуждение классовой борьбы как «худшей формы насилия, которая не может и не должна быть методом преодоления социальной несправедливости».

Пропагандируя традиционные идеи христианского мира, Иоанн Павел II уверял, что «сахарные бароны» и «сакадас»

¹ L'Osservatore Romano, 1975, 13.VI.

² Ibid, 1981, 19.XI.

(сезонные рабочие — рубщики тростника) — «братья» и «должны возлюбить друг друга, как подобает детям христовым». «Сакадас» он увещевал руководствоваться учением Христа и смиренно нести «вверенную им богом миссию — прилежно работать», а также свято помнить, что «классовая борьба не может привести к справедливости, а насилие никогда не должно быть средством решения социальных конфликтов»¹.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что любая церковь сегодня непременно пытается в своей социальной политике исходить из идеи единства интересов церкви и бедных. Так, в выступлениях на Филиппинах не раз утверждалось, что только церковь «является истинным защитником интересов рабочих», содержались призывы к трудящимся «объединиться вокруг учения Христа», чтобы «сообща строить общество, основанное на справедливости».

Следует отметить, что Филиппины видимо не случайно были избраны Ватиканом в качестве трибуны для оглашения доктрины о христианском «обществе справедливости». Здесь наблюдается обострение социальных противоречий и распространение революционно-освободительных идей. Поэтому католическая церковь использует весь арсенал средств для того, чтобы воздействовать на обстановку в стране, а также для возведения своеобразного «санитарного кордона» против коммунизма.

Уже в первый же день своего пребывания на Филиппинах глава католической церкви в беседе с президентом Маркосом выразил серьезную озабоченность по поводу активизации «марксистских элементов», в том числе среди священнослужителей. Пропагандируя идею создания на Филиппинах христианского «общества справедливости и социального мира», Ватикан пытается предложить его народам развивающихся стран в качестве «мирной и демократической альтернативы тоталитарному коммунизму».

¹ L'Osservatore Romano, 1981, 21.XI.

Представляются совершенно справедливыми замечания члена Политбюро Французской компартии Максима Гремеса о том, что выступления на Филиппинах Иоанна Павла II направлены против закономерного хода истории, носят консервативный и ретроградный характер. А миллионы трудящихся, в том числе верующих, избирают другой путь, ведущий к реальному освобождению, социализму¹.

Итак, основной социальный порок религиозной социологии, пропагандируемой в буржуазном мире, в отказе от революционного насилия и осуждении его, что, разумеется, может способствовать лишь консервации существующих буржуазных отношений, сохранению социального статус-кво в странах капитала.

Этот вывод не может поколебать и то, что ныне нередко откровенно и остро критикуются явные пороки буржуазного общества, осуждается «либеральная система», ориентирующая на максимальное извлечение прибыли, подчеркивается необходимость не забывать достоинства трудящегося и то, что «блага цивилизации могут и должны распространяться на всех».

Например, во время поездки во Францию папа Иоанн Павел II, учитывая настроения трудящихся-верующих, говорил, что «общество, желаемое богом, не может быть создано таким образом, чтобы одни — меньшинство — накапливали в своих руках чрезмерные богатства, а другие — подавляющее большинство — страдали от нужды и нищеты, умирали от голода»².

Примечательным является документ конференции епископов Канады, посвященный такой злободневной для капиталистических стран проблеме, как безработица. Отметим, что только в этой стране в январе 1980 г. из 10 миллионов трудоспособного населения 800 тысяч составляли безработные.

¹ L'Humanité, 1981, 21.XI.

² Ibid., 1980, 3.VI.

В документе довольно реалистично описываются все тяготы и бедствия, которые выпадают на долю безработных и их семей; сделана попытка раскрыть причины безработицы, унижительной для человека нищеты, с осуждением говорится о сосредоточении экономической власти в руках нескольких корпораций, о неравномерности развития районов страны, о внедрении иностранного капитала в национальную экономику и неразумном обращении с природными богатствами и т. д. Однако столь реалистичное описание пороков капиталистического общества тем не менее не подводит авторов документа к закономерному выводу о принципиальной порочности буржуазных общественных отношений и необходимости их кардинального изменения. Все сводится лишь к призывам создать общество, основанное на справедливости и любви¹.

Для деятелей различных церквей буржуазных стран стало обычным все выступления по социально-политическим вопросам сопровождать декларациями в защиту бедных, рабочих, трудящихся, обездоленных.

Показательны в этом плане выступления Иоанна Павла II среди обездоленных масс населения Бразилии летом 1980 г. Так, при посещении трущоб Рио-де-Жанейро папа особенно развивал концепцию «церкви бедных», всемерно превозносил достоинства бедных, которые-де наиболее угодны богу, поскольку они скромны, милосердны, открыты людям, готовы помочь ближнему, разделить с ним невзгоды, содействовать вдовам и сиротам. Столь возвышенная этическая характеристика бедных сочеталась с рекомендациями в адрес богатых быть благоразумными, делиться с другими во имя справедливого распределения богатства. Всем же предлагалось быть более человечными, гуманными, справедливыми².

Выражение солидарности с бедными, как правило, сопровождается высказываниями о необходимости проведе-

¹ La Documentation catholique, 1980, 2.XII, p. 236—241.

² L'Osservatore Romano, 1980, 4.VII.

ния реформ в рамках своеобразного «третьего ненасильственного пути» во избежание «опасного радикализма».

Новая, в известном смысле положительная трактовка традиционно-реформистской концепции «третьего пути» состоит в том, что в последнее время в нее все чаще включается идея необходимости изменений в той или иной сфере, хотя в конечном итоге все сводится к действиям морального порядка, не затрагивающим существующие структуры эксплуататорского общества.

Не меняют сути дела и неизменные апелляции к справедливости, необходимости защиты достоинства бедных, трудящихся, решения в их пользу тех злободневных вопросов, с которыми в буржуазном обществе сталкиваются трудящиеся массы.

Одним из наиболее наглядных примеров такой социальной проповеди является выступление Иоанна Павла II в рабочем пригороде Парижа — Сен-Дени. Обращаясь к рабочим, в том числе иммигрантам, папа довольно реалистично описал их бедствия и унижения и потребовал для всех достойных человека условий жизни. Отдавая дань настроением рабочей аудитории, он осудил «богатых», которые являются в то же время «бедными», предостерег мир труда от стремления действовать согласно «узким схемам классово-ненависти». Предлагал же глава католической церкви все то же — создавать мир труда, достойный человека, моральной силой возрождая в сердцах рабочих, всех слоев общества и всех народов евангельскую любовь. В противном случае, предостерегал он, воцарятся новые формы классового эгоизма, создающие возможности... «борьбы всех против всех» и даже «чудовищного самоуничтожения»¹.

Содержание выступлений церковных иерархов и документы церкви свидетельствуют о все более активном использовании религиозными организациями социологических и экономических концепций либерального толка, имею-

¹ La Documentation catholique, 1980, 15.VI, p. 571—574.

щихся в арсенале современной буржуазной социологической мысли (идеи обеспечения всех собственностью, «народного капитализма», достигаемого путем распространения акций, «индустриального общества» как средства преодоления бедности и социального неравенства, «социального партнерства» и т. д.).

Налицо сближение взглядов и фразеологии представителей церквей буржуазных стран с отдельными концепциями и фразеологией современного мелкобуржуазного и буржуазного социализма, стремящегося, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества»¹.

В самом деле, при всех видоизменениях социальных доктрин церкви в них нет осуждения основополагающих устоев буржуазного строя, равным образом тщетно искать в них реальные пути и способы преодоления социальной несправедливости. Они содержат лишь модные варианты иллюзорного и бесплодного социального реформаторства. Все это подтверждает ту истину, что социально-политическая доктрина церкви в конечном итоге представляет собой концепции определенных общественных слоев и классов, облеченные в религиозную форму.

Аналогичные выводы можно сделать и из анализа социальных доктрин других церквей; например различных концепций «исламской экономики», активно разрабатываемых в наши дни в развивающихся странах мусульманского Востока.

В последнее время вместе с определенным возрастанием роли ислама в идейно-политической жизни стран Азии и Африки здесь значительно повысился интерес к мусульманским экономическим и социальным моделям, к так называемым «исламским альтернативам» развитию по западному образцу. При этом мусульманские теоретики в ка-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 453.

честве «экономических ценностей ислама» неизменно апеллируют к шариатским установлениям, касающимся собственности и наследования, запрещения ссудного процента (рибы), выплаты религиозного налога (закята) и т. д.

Хотя все теории «исламской экономики» и опираются на представление о важности неукоснительного соблюдения предписаний ислама, однако нормы ислама они трактуют по-разному, в соответствии с тем, интересы и взгляды каких слоев в данной стране они выражают — патриархального крестьянства, городских низов или эксплуататорских верхов, феодальных кругов или полупролетарских и мелкобуржуазных слоев и т. д.¹

Мелкобуржуазные радикалы пытаются ограничить концентрацию капитала в одних руках, объявляя законной лишь ту собственность, которая основана на личном труде. Представители буржуазно-помещичьих кругов, избегая раскрывать сами понятия «трудовая собственность», «личный труд», делают акцент на священной неприкосновенности собственности, ищут возможности путем соответствующего толкования Корана и раннеисламской практики легитимизировать современные формы капиталистического предпринимательства. Иллюстрацией различных трактовок принципов «исламской экономики» может послужить отношение к закяту. Радикалы видят в нем средство улучшения условий жизни бедняков за счет изъятия части излишков у богачей, консерваторы же довольствуются суждениями о благотворности проявления сочувствия имущих мусульман к бедствующим единоверцам, о важности выплаты закята для поддержания порядка и спокойствия в обществе.

Отсутствие единства среди исламских теоретиков при характеристике экономических категорий обнаруживается особенно в тех случаях, когда это связано с теми или иными

¹ См.: Полонская Л., Понова А. Концепция «исламской экономики»: социальная сущность и политическая направленность.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1981, № 3, с. 113—119.

практическими и политическими последствиями для них. На это обращается внимание при разборе «принципа справедливости» в книге профессора Гарвардского университета Майкла Фишера, пытающегося оценить иранскую революцию 1977—1979 гг. с точки зрения тех изменений, которые она внесла в культуру и религию. Фишер рассматривает идущую и по настоящее время в Иране дискуссию о том, что считать справедливой и несправедливой прибылью и можно ли отождествлять ростовщичество и банковские операции с «несправедливой деятельностью»¹.

Логика развития современного противоборства двух общественных систем приводит к усилению размежевания между буржуазными и мелкобуржуазными интерпретаторами ислама, с одной стороны, и сторонниками социалистической альтернативы развития — с другой. Справедливо отмечают советские исследователи Л. Полонская и А. Ионова: «Временами в отдельных странах становится заметным преобладание той или иной интерпретации «исламской экономики». И здесь многое зависит от конкретной политической ситуации, от расстановки и соотношения классовых сил, в том числе в местном мусульманском движении»².

Указанные различия наглядно проявляются в несходстве позиций по ключевым вопросам национально-освободительного движения — отношения к буржуазной и социалистической системам, к империализму и неоколониализму, социальному протесту эксплуатируемых единоверцев.

Выше мы уже отмечали, что в последние годы руководители ряда церковных организаций капиталистических стран все энергичнее высказываются против непосредственной и открытой связи церкви с буржуазным строем. Их своеобразный политический индифферентизм, разумеется, в первую

¹ *Fisher M. Iran. From Religions Dispute to Revolution. Cambridge (Mass.), 1980, p. 157—159.*

² *Полонская Л., Ионова А. Концепция «исламской экономики»: социальная сущность и политическая направленность. — Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 3, с. 117.*

очередь вызван тем, что ныне капитализм из-за его агрессивного, антигуманного характера крайне скомпрометирован в глазах широких слоев верующих.

Например, еще летом 1963 г. в письме папы Павла VI председателю «Социальной недели во Франции», проходившей в Каннах, а затем в конституции «Церковь в современном мире», принятой II Ватиканским собором, декларировалось положение о том, что церковь не связывает себя «ни с какой особой формой человеческой культуры, как и с политической, экономической или социальной системой». Эта идея все чаще высказывается руководством различных церквей. Так, накануне местных и президентских выборов в мае 1980 г. в Перу епископат страны, исходя из посылки «миссия церкви — сугубо религиозная», подчеркнул, что церковь не выступает за какую-либо политическую систему или определенную модель общества. Правда, справедливости ради следует отметить, что в этом же обращении говорилось о невозможности для верующих примыкать к политическим проектам, руководствующимся идеями атеистического материализма¹.

В начале марта 1981 г., выступая перед группой французских парламентариев, нынешний глава католической церкви высказался за «политический плюрализм» католиков. Он заявил, что в условиях демократии принадлежность к различным политическим организациям допустима для католиков при условии, что, делая выбор и принимая решения, они будут учитывать не только незыблемые требования общечеловеческой морали, но и принципы, являющиеся неотъемлемой частью евангелия или связанные с ним. Таким образом, глава католической церкви как бы снимает вопрос о поддержке церковью социализма или капитализма, заменяя его требованием следовать в обществе канонам религиозной доктрины. Это новое и знаменательное положение о социальной универсальности церкви вызвано также и се

¹ La Documentation catholique, 1980, 19.X, p. 961—962.

желанием «выжить» при любых политических изменениях, «врасти» во всякую, в том числе утвердившуюся на трети земли, социалистическую систему.

Одна и та же религия, как таковая, может существовать и существует при различных политических режимах, различной государственной власти. Это обусловлено тем, что сама по себе она, как правило, не содержит четко фиксированных политических требований, предопределяющих позицию ее приверженцев в тех или иных общественных ситуациях. Ни одна разновидность религии никогда однозначно не определяет отношения верующих к идеологическим и политическим проблемам. И дело здесь не только в том, что политические взгляды многих церковных руководителей противоречат коренным интересам верующих трудящихся. В каждой стране (в зависимости от того, капиталистическая она или социалистическая, метрополия или колония) одна и та же религия, ее нормы и категории трактуются и используются различными слоями верующих в различных идеологических и политических целях. Бывает и так, что даже в рамках одной страны они используются для обоснования противоположных политических программ.

Религия, ее институты могут функционировать в антагонистическом обществе и не восхваляя капитализм. С точки зрения представителей обновленческого крыла духовенства, отказ от прямой поддержки эксплуататорского строя даже больше соответствует насущным интересам церкви в мире, где сфера капиталистических отношений неуклонно сужается. Поэтому они энергично добиваются, чтобы церкви не выглядели политическим защитником буржуазной власти. Особенно энергично выступают в этом плане руководители церквей тех стран, где наблюдается активизация антикапиталистических движений, например в Латинской Америке.

Но одно дело — декларации об ограничении деятельности церквей сугубо религиозной областью, удовлетворением религиозных потребностей верующих, другое — действи-

тельно существующая ситуация. Как говорилось уже выше, «в чистом виде» религии не существует. В силу многообразных связей с господствующими в капиталистическом обществе классами церковь активно вмешивается в общественную жизнь, стремясь сохранить существующие социальные отношения; идеология и политика реакционных церковных группировок, как уже подчеркивалось, характеризуются антикоммунистической и прокапиталистической направленностью. Нельзя, в частности, забывать и то, что целый ряд церквей в буржуазных странах являются крупными капиталистическими собственниками, владеющими огромными богатствами в виде банковского капитала, земель, акций.

Западная печать нередко приводит факты, раскрывающие буржуазно-предпринимательский характер деятельности тех или иных церковных институтов. Несколько лет назад западногерманский журнал «Штерн» признавал: «Богатства наших церквей поистине неисчерпаемы, они не имеют себе равных в Европе». Факты, приведенные журналом, показывают, что церковным организациям в ФРГ принадлежат огромные земельные массивы. Только католическая церковь владеет там 350 тысячами гектаров земли.

Периодически повторяющиеся кризисы перепроизводства, инфляция, безработица, свойственные этой, как и любой, стране капитализма, не затрагивают экономического благополучия церкви. Подсчитано, что в год католическая и евангелическая церкви получают от прихожан около 5,5 миллиарда марок, не считая регулярных государственных субсидий и пожертвований на церковный алтарь, достигших более 6 миллиардов марок. По данным «Штерна», церковь в ФРГ выступает как крупнейший держатель акций: стоимость принадлежащих ей акций составляет в общей сложности 2 миллиарда марок.

Активно действуют в стране церковные коммерсанты. В погоне за прибылью они вкладывают капиталы в строительство различных «светских» предприятий.

Только в США католическая церковь располагает иму-

ществом на сумму 40 миллиардов долларов. Ватикан владеет крупнейшими банками в Италии и других капиталистических странах, акциями компаний по выпуску самой различной продукции, начиная от электронной техники и кончая туалетной бумагой. Однако выяснить истинный объем богатства Ватикана практически невозможно, поскольку в деловых операциях он зачастую прибегает к помощи посреднических фирм¹.

Разумеется, подобного рода экономические интересы в значительной мере связывают церковь с буржуазным строем, делая ее защитницей капиталистических производственных отношений. Но это по возможности маскируется и сопровождается нередко осуждением с ее стороны тех или иных язв буржуазного общества.

Примером «утонченного» вмешательства в политическую жизнь своей страны в пользу буржуазных партий может служить решение, принятое конференцией итальянских епископов в середине апреля 1970 г., накануне предстоящих областных выборов. Выборы непосредственно не упоминались, не было и столь часто практиковавшихся в прошлом прямых запрещений голосовать за коммунистов и т. д., но епископы взывали к «совести всех итальянцев» и, напоминая о «положении страны в данное время», призывали сделать «выбор, освященный евангельской вестью и учением церкви».

Научный анализ новых явлений в отношениях между церковью и светской властью в капиталистических странах, между религией и политикой призван раскрывать не только явные, но и тайные связи религиозных организаций с буржуазией и буржуазным государством.

Эти связи претерпевают модификации, в разной степени проявляющиеся в тех или иных регионах и зависящие от совокупности социально-политических условий. Последние

¹ См.: *Грили Д.* Финансы Ватикана в Италии. М., 1963; *Моравский З.* Ватикан. Издали и вблизи. М., 1981; *Lo Bello N.* The Vatican empire. N.-Y., 1963; *Lo Bello N.* Vatican. USA, 1972, № 4.

определяют также тон, выражения, используемые при оценке марксизма. Например, в настоящее время те или иные религиозные деятели и организации нередко предлагают «серьезно изучать отношения между марксистской доктриной, стремящейся достичь освобождения без бога, и евангелием, предлагающим божье спасение».

Так, в выступлении архиепископа Бордо в начале 1980 г., посвященном евангелизации рабочих, в разделе о марксизме и рабочем классе признавалось, что марксизм дает объяснение несправедливостям, выпавшим на долю рабочих, находит среди них широкий отклик и выступает одним из влиятельных направлений в рабочем движении¹.

Для деятельности всех современных религиозных организаций характерны усиление внимания к рабочему классу, трудящимся, всемерное стремление привлекать в свои ряды в первую очередь рабочих. Это — своеобразная дань возросшей роли рабочего класса в судьбах сегодняшнего мира, в том числе его активной деятельности в тех странах, где еще недавно рабочих либо вообще не было, либо они были малочисленны.

Деятельность среди рабочего класса в любой форме, начиная от института священников-рабочих и вплоть до создания конфессиональных рабочих организаций, — предмет особой заботы всех христианских церквей. На состоявшейся в феврале 1980 г. встрече руководителя иезуитского ордена Педро Аруппе с рабочими-иезуитами из ФРГ, Бельгии, Испании, Франции, Голландии и Италии особо подчеркивалось значение миссионерской деятельности среди рабочего класса, указывалось на необходимость жить в рабочей среде, делить с рабочими их радости и невзгоды с целью их евангелизации².

Воздействие «местных» организаций (испытывающих непосредственный нажим со стороны простых верующих) на формирование общецерковной политики наглядно сказыва-

¹ La Documentation catholique, 1980, 20.I, p. 90.

² Ibid., 6.VII, p. 645—649.

ваются во время различных, даже значительных, церковных форумов. Состоявшийся в 1974 г. синод епископов подверг резкой критике резолюцию, посвященную проблемам «евангелизации», а также позиции церкви в отношении важных социальных проблем современного мира. Причиной подобной оппозиции явилось то, что епископы из Латинской Америки, Африки и Азии требовали более четких выступлений, чем обычные завуалированные высказывания курии. Еще в 1971 г. синод раскололся на консерваторов и модернистов при голосовании за документ о «справедливости в мире». Три года спустя, в 1974 г., в связи с темой «Евангелизации церкви в современном мире» возникли те же противоречия, но к этому времени латиноамериканские, африканские и азиатские епископства стали более сильными и более настойчиво требовали, чтобы церковь выступала на стороне угнетенных, осуждала социальную несправедливость и виновные в ней социально-политические силы.

Они поставили также вопрос о необходимости уделять больше внимания движениям марксистской направленности и вести с ними более реалистичный и менее схоластичный диалог, а также выступили за контакты с социалистическим миром.

Обусловленная коренным изменением соотношения общественно-политических сил на планете столь необычная терпимость отдельных церквей к влиятельной политической силе современности — коммунистическому движению — не может не влиять и на позиции самих мировых религиозных центров. Представляют интерес в этой связи некоторые новые нюансы в политике Ватикана, его главы папы Иоанна Павла II по вопросу о членстве католиков в левых партиях, и в частности в Итальянской коммунистической партии. Во время обсуждения книги Альдо Бишиарди и Луки Лигуори «Папа с человеческим лицом», которая вышла в свет весной 1979 г., представитель Ватикана заявил, что папа в «неофициальной беседе» на вопрос Лигуори о его отношении к католикам, вступающим в левые партии, ответил сле-

дующее: «Вы спрашиваете меня, как папа оценивает, например, тех католиков, которые работают в левых партиях, в частности в коммунистической. Я отвечаю вам: я отношусь к ним, естественно, как к католикам, поскольку они таковыми остаются, ибо с церковью они не порвали. Однако их политический выбор нельзя назвать отвечающим принципам веры и морали». Как видим, здесь нет уже устрашений и былых угроз, хотя противоположность коммунистического «политического выбора» и религии вновь подтверждается.

Антидемократизм политики церкви, ее давление на политический выбор верующих проявляются и сегодня, хотя все это выглядит гораздо более «благопристойно» и обходится без угроз отлучения от церкви по политическим мотивам.

Анализ особенностей деятельности религиозных организаций, действующих в буржуазном обществе, показывает их возросшее стремление выглядеть «третьей силой», одинаково не приемлющей ни «крайности» либерального капитализма, ни «пороки» коммунизма. Пропаганда этой идеи особенно активно осуществляется в развивающихся странах. Здесь церковь вынуждена считаться и с тем фактом, что массы верующих, часть духовенства выступали и выступают в рядах национально-освободительного движения против колониализма и неоколониализма, за социальное и национальное освобождение. Не случайно, например, во время поездки в Африку, обращаясь к молодежи города Янускуро (Берег Слоновой Кости), папа Иоанн Павел II советовал «быть бдительными» и выступать «против тех образцов общества, которые основываются на эгоистических поисках индивидуального счастья и поклонении богатству или на классовой борьбе и насилию»¹.

Вообще в настоящее время церквам всех направлений в значительно большей мере, чем раньше, присуща, так сказать, историческая осторожность, нежелание связывать

¹ L'Osservatore Romano, 1980, 12—13.V.

себя с однозными правыми режимами, стремление отмежеваться от их скомпрометированной практики.

Например, значительная часть протестантских священников Юго-Западной Африки (Намибии), ЮАР выступает против расизма, апартеида, разных форм колониализма. Епископ англиканской церкви в Дамараленде (Намибия) Колин О'Брайен Уинтер прямо заявлял: «Голос церкви должен поддерживать угнетенный народ... Церковь должна солидаризироваться с борьбой угнетенных. На ней лежит долг — поведать всему миру, что делает апартеид с африканцами»¹.

Англиканская церковь ЮАР, как и другие христианские церкви, осудила южноафриканские расистские законы, а также применение пыток в отношении арестованных африканцев. «Содержание людей под арестом и допрос этих лиц до тех пор, пока они не умрут, лишение людей политических и гражданских прав и свободы слова — все это не может способствовать созданию общества, в котором стоило бы жить», — заявил зимой 1977 г. Барнетт, архиепископ англиканской церкви Кейптауна.

«При наличии подобного положения дел в нашей стране многие африканцы пришли к выводу, что единственный язык, на котором они могут разговаривать с белыми, — это язык поджогов, беспорядков, убийств и жертв. Никто не может желать продолжения подобного положения дел», — сказал Барнетт.

Радикализм религиозных сил в тревожных районах мира является выражением мощного протеста и освободительных стремлений широких масс верующих. Вместе с тем в ряде случаев он имеет, хотя это и может показаться парадоксальным на первый взгляд, охранительный характер. Религиозные деятели остерегаются эксцессов, революционных взрывов, которые могут смести всю систему существующих отношений. Знаменательно в этой связи обращение в фев-

¹ New-York Times, 1974, 13.V.

рале 1977 г. епископа Дональда Лимонта к тогдашнему премьер-министру Родезии Яну Смуту: «Ваша политика отнюдь не защищает христианство и западную цивилизацию, как вы утверждаете, а, напротив, попирает законы бога и делает коммунизм привлекательным для народа», — писал он.

В социальных доктринах церквей, действующих в социалистических странах, в последние десятилетия наблюдается тенденция все большего воспроизведения правосоциалистических концепций. Этот процесс во многом совпадает с политикой своеобразной либерализации, стремлением представить церковь демократической организацией, связанной с простыми людьми, защищающей их интересы и т. д. Особенно наглядно это можно наблюдать в ФРГ, Австрии и ряде других стран.

На состоявшемся в ноябре 1978 г. совместном заседании Социал-демократической партии Германии и представителей церкви в ФРГ были прочитаны доклады обеих сторон, которые хотя и отражали разные точки зрения, но в значительной мере рассматривали одинаковые проблемы, использовали сходный понятийный аппарат, провозглашали общие цели в социально-экономической сфере — «создание «общества близости», в котором свобода и справедливость являются руководящими принципами»¹.

В октябре 1976 г. Католическая социальная академия (Вена) совместно с правлением Социалистической партии Австрии (СПА) провели симпозиум с целью «укрепить доверие» между церковью и демократическим социализмом, лежащим в основе политики СПА.

Содержание книги, подготовленной на основе этого симпозиума, показывает, что обеими сторонами (несмотря на мировоззренческие различия) используются во многом сходные понятия и политические лозунги. Так, свобода,

¹ *Rau J., Böckle F. Sozialdemokratie und Kirchen. Zukunftsprobleme und Zukunftsbewältigung in einer demokratischen Gesellschaft. Bonn, 1979, S. 33.*

справедливость, равенство, солидарность интерпретируются в основном в духе реформистского этического социализма. Кстати, по мнению ряда выступающих, именно этика является основой для «исторического компромисса» между церковью и социал-демократией, на ее основе должны они решать общие задачи¹.

Подобные тенденции можно наблюдать и в других буржуазных и развивающихся странах. Церковные деятели обращаются к актуальным сегодня вопросам — безработица и кризисы, неуверенность в будущем, стремление добиться гармоничных общественных взаимоотношений людей, гуманизировать труд, преодолеть экологический кризис и т. д. — и предлагают находить их решения в конечном итоге в сфере социальной этики, не ставя, разумеется, при этом под сомнение основополагающие реальности буржуазного порядка.

Анализ приведенных фактов позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время нет оснований для каких-либо суждений о принципиальных изменениях в направленности официальной социальной доктрины действующих в капиталистических странах церквей — составной части буржуазной надстройки. Она остается доктриной социального утешительства, проповедует отказ от революционных преобразований и, по существу, оказывает поддержку исторически обреченным силам, препятствуя тем самым социальному прогрессу. В данном случае речь идет только о собственно социальных учениях религиозных организаций, действующих в несоциалистической части мира, хотя, как известно, и другим сторонам их деятельности, всему религиозному комплексу свойственна функция иллюзорного утешения.

¹ *Büchele H., Hoefnagels H., Kreisky B. Kirche und demokratischer Sozialismus. Wien, 1978, S. 93.*

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ В МИСТИЧЕСКОМ ОБРАМЛЕНИИ

Известно, что ни социально-политические воззрения, ни соответствующие им действия последователей любой церкви никогда не были одинаковыми. В последние десятилетия процесс поляризации верующих и духовенства особенно усилился в несоциалистических странах. Здесь активно идет процесс формирования левых течений в рамках различных церковных организаций, которые как в догматических, внутрицерковных, так и в социально-политических вопросах противостоят официальному церковному руководству, особенно его правому крылу. Они не только отказываются поддерживать существующие реакционные режимы, освящать антинародные действия правящих кругов, но порою ведут и открытую борьбу вместе с прогрессивными демократическими силами.

Столь широкий размах левых религиозных течений — примечательное и в то же время сложное явление. Есть основания считать, что это не просто социальное маневрирование, а этап в развитии демократических сил, объединенных в конфессиональных организациях.

Левые религиозные течения отражают чаяния миллионов верующих, их стремление к социальной справедливости, прогрессу, облеченные в религиозную форму. Выступая с критикой капитализма и неоколониализма, они активно

поддерживают освободительное движение и участвуют в нем; борются за осуществление демократических социальных реформ, даже поддерживают социальную революцию как средство преобразования общества. Они призывают к союзу со всеми демократически настроенными, прогрессивными людьми, к единству действий всех антиимпериалистических сил. Воззрения и деятельность представителей левых течений есть, по существу, не что иное, как ревизия официальной социальной доктрины и социальной практики церкви, прежде неизменно защищавшей власть и интересы сильных мира сего.

РАССЛОЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Степень расслоения в рядах религиозных организаций во многом зависит от общей ситуации в той или иной стране, регионе, от наличия демократических традиций, активности классового движения, от всей совокупности социально-политических условий.

Убедительное подтверждение тому — значительный рост антиимпериалистического движения среди религиозных кругов в Латинской Америке под влиянием целого ряда факторов, среди которых следует отметить в первую очередь двойной или даже тройной социальный и национальный гнет латиноамериканских народов: со стороны местных феодалов, монополий, а также империализма США.

Известно, что в этом регионе происходят острые социально-политические столкновения. Реакция, которой в ряде стран удалось установить диктаторские режимы, пользующиеся поддержкой США, ведет травлю патриотов, подвергает их пыткам, уничтожает физически, растаптывает демократические права и нормы. Все это совершается под флагом защиты христианских ценностей и борьбы с... опасностью коммунизма.

Однако антинародная реакционная деятельность не смогла, как известно, остановить развитие освободительного движения в Латинской Америке. Этот регион сегодня бурлит, протестует, в ряды освободительного движения вливаются все новые и новые силы.

Социально-политическая практика церковных организаций многих стран региона наглядно свидетельствует о том, что леворелигиозное направление (включающее, разумеется, разные по своему характеру течения) прогрессирует в разных формах, вплоть до самых радикальных. Вопиющее социальное неравенство и отсталость латиноамериканских стран, бедственное положение народов вынуждают эти течения констатировать противоречия между провозглашаемыми принципами христианства и интересами народа, перспективами развития своих стран. Отказываясь от идеи утешения и потустороннего воздаяния, они требуют социальной справедливости сейчас и на земле, всемерно стараясь способствовать этому своей деятельностью. Отсюда — их активная борьба за радикальное переустройство капиталистического общества.

Почти во всех странах латиноамериканского региона значительно активизировались многие представители низшего духовенства, энергично выступающие против угнетения и несправедливостей буржуазного строя, за социалистическую ориентацию.

В этой связи заслуживают пристального внимания наблюдаемые на протяжении последних лет повороты в позиции католической церкви Чили. Когда во главе этой страны стояло народное правительство С. Альенде, католическая церковь в Чили была вынуждена выступать за сотрудничество с народным правительством и даже провозгласила социализм справедливой системой. Так, на пленарной ассамблее чилийского епископата, состоявшейся 15—22 апреля 1971 г., был принят документ, призванный определить позиции церкви в условиях осуществлявшихся правительством Сальвадора Альенде социальных преобразований.

Наряду с критикой марксизма как атеистического и философского учения, якобы пренебрегающего высшими ценностями, интересами личности в угоду экономическому фактору, тоталитарному государству и т. д., в нем содержалось признание достоинства социализма, который представлялся справедливой системой, желающей и могущей преодолеть пороки капитализма, о которых говорилось довольно отчетливо и ярко.

В документе имелся целый ряд новых для католической церкви моментов: это и предоставление каждому христианину права выбрать ту политическую партию, в рамках которой он пожелает действовать; и сама манера критики марксизма (лишь «констатация» его «недостатков» и «несовершенств»); и выступление за политическую «независимость» (от любого существующего строя) церкви; призыв к реальному сотрудничеству со всеми партиями, со всеми людьми, которые хотят строить справедливую, счастливую жизнь в Чили; и обещание внимательно слушать, стремиться понять и уважать мнение всех политических партий; и твердое настаивание на отделении пастырской деятельности от деятельности политических партий и т. д.¹ Разумеется, подобное, пусть вынужденное, изменение позиции чилийского епископата было небезразлично для демократических, социалистических сил страны, где имеются массы верующего населения.

В 1972 г. в Чили движение «Христиане за социализм» на первом Латиноамериканском конгрессе приняло заявление, призывавшее всех христиан Латинской Америки развернуть борьбу за освобождение континента от империализма, решительно выступать против неоколониализма и реформизма. «Социализм,— подчеркивалось в заявлении,— это единственный путь для нашего континента, который позволит навсегда покончить с капиталистическим и империалистическим гнетом».

¹ La Documentation catholique, 1972, 19.IX, vol. 823—833.

Как видим, амплитуда политических направлений в практике религиозных организаций весьма ощутимая. Наличие разных течений в рядах церковнослужителей и прилегающих к церкви политических организаций, их колебания в борьбе с правой опасностью внесли свою лепту в создание условий для установления фашистской диктатуры Пиночета. Однако по мере проявления кровавого характера режима антинародной хунты в рядах католической церкви наблюдается значительное расслоение. Осуждая захватившую власть хунту за то, что она попирает элементарные права личности, многие священнослужители стали выступать в защиту бедных, против беззакония хунты, пыток¹ и оказывать содействие в спасении политических и профсоюзных деятелей, помогать заключенным, а также их семьям. Под напором масс верующих и низшего духовенства католическая церковь недвусмысленно выступила в защиту попранных человеческих прав, в защиту «тех, кого преследуют, тех, кто страдает в тюрьмах, тех, кто вынужден был покинуть страну». Епископат принял декларацию против применения пыток, произвола военных судов и т. д.

Подобная радикализация позиций ряда организаций церкви вызвала отрицательную реакцию ее правых деятелей. Например, епископ Вальпарайсо Тагле, не соглашаясь с декларацией епископата, выступил с проповедью, в которой сравнивал страну с больным, которому необходимо ампутировать ногу. Другой епископ, монсеньор Фреско из северочилийской епархии, изобразил хунту как «ниспосланную небом».

И все же если оценивать позицию большинства деятелей церкви данного региона, особенно в низших ее эшелонах, то для них характерны выступления против фашистских диктатур, против террористических режимов, военной силой попирающих элементарные человеческие права.

¹ La Documentation catholique, 1981, I, III, p. 231—239.

Определенная часть духовенства, особенно сельского, участвует даже в партизанской борьбе крестьян против латифундистов. Известны случаи, когда священники возглавляют партизанские отряды. Именно эти круги внесли свой вклад в победу революции в Никарагуа, ныне активно поддерживают борьбу народов Сальвадора, Гватемалы и т. д.

Декларация епископской конференции Никарагуа, принятая 17 ноября 1979 г., призывала всех верующих активно участвовать в политическом и социальном обновлении страны в интересах обездоленного люда. Примечательно, что в ней наряду с принципиальным отрицанием капитализма, тоталитаризма и извращенного социализма содержалось признание необходимости классовой борьбы для «справедливого изменения структур»¹.

Во время всенародного восстания под руководством Сандинистского фронта национального освобождения против ненавистного режима Сомосы значительная часть представителей католической церкви в Никарагуа одобрила это восстание, помогала организовывать сопротивление диктатуре Сомосы среди городской и деревенской бедноты. После революции несколько священников были назначены на важные посты в правительстве; таким образом, революционное правительство не только гарантирует свободу вероисповедания, но и стремится привлечь религиозных деятелей к процессу, который призван осуществить радикальное преобразование общества.

Летом 1980 г. делегация никарагуанской церкви отправилась в Рио-де-Жанейро для участия во встрече с папой Иоанном Павлом II, прибывшим в Бразилию. Целью делегации было передать папе приветственное послание правительства и Сандинистского фронта национального освобождения, в котором подчеркивалось, что никарагуанская церковь во времена тирании Сомосы выступала с обличениями террора и репрессий в стране. Сейчас же, говорилось в пос-

¹ La Documentation catholique, 1980, 3.II, p. 138.

лании, когда народ занят строительством общества, в котором будут господствовать мир, братство и справедливость, церковь находится вместе с народом. Мы надеемся, подчеркивалось в нем, что поддержка, которую оказывает церковь процессу национального возрождения, будет продолжаться и впредь. Как показывают последующие события, эта политика, хотя и с определенными сложностями, осуществляется большинством духовенства страны.

Активно выступают за демократизацию общественной жизни, за амнистию политзаключенных, против злодеяний антинародных режимов многие служители церкви и в других латиноамериканских странах. Так, в сентябре 1980 г. в Аргентине представители католической церкви выступили в защиту лиц, содержащихся в тюрьмах без суда и следствия. Они заявили, что стремление к восстановлению мира в стране «не совпадает с непонятным молчанием властей в ответ на законные требования выяснить судьбу пропавших без вести», свидетельствующим о «равнодушии к свершенным преступлениям, которые еще могут повториться».

Архиепископ Висенте Саспе выступил по радио с заявлением, в котором ратовал «за немедленное, эффективное и честное правосудие». Он отметил, что «исчезли тысячи граждан, выяснение местонахождения которых с каждым днем становится все менее вероятным. Тюрьмы заполняются до сих пор множеством граждан, правовое положение которых весьма различно. Эмиграция — вот конечная судьба многих аргентинцев».

На подобные выступления против антинародных режимов церковные организации, разумеется, вынуждены идти под давлением широких масс верующих, выражая их мнения и требования. Об этом свидетельствует и довольно недвусмысленное выступление церкви Гватемалы против разгула насилия в этой стране. В специальной декларации подчеркивались неимоверные масштабы террора, пыток, убийств, которые имеют место в Гватемале. Резко осуждались также обман, введение в заблуждение общественного

мнения, травля граждан, широко используемые правящими кругами¹.

Анализируемые процессы расслоения церковных организаций Латинской Америки свойственны и христианско-демократическому движению, играющему довольно ощутимую роль в некоторых странах региона. И в этой среде наглядно раскрылись различия во взглядах и позициях по актуальным вопросам современной политической жизни. В христианской демократии Латинской Америки явственно выделяется течение, которое действительно отстаивает интересы подавляющего большинства народа: справедливость, свободу, демократию. Представители этого течения, выражая мнение широких масс рядовых демохристиан, готовы действовать совместно с социалистами, коммунистами и представителями других левых политических направлений.

Эта тенденция в первую очередь проявляется в том, что далеко не все христианские демократы выражают согласие сотрудничать с империализмом США и местной олигархией, что наблюдается, например, в Сальвадоре.

Основатель христианско-демократической партии Сальвадора, ее первый генеральный секретарь Лара Веладо говорил, что совершаемые при вмешательстве США в стране убийства не имеют ничего общего ни с демократией, ни с христианством. Кстати, и жертва наемных убийц архиепископ Сан-Сальвадора Оскар Ромеро резко выступал против военной поддержки антинародной хунты со стороны США. Об этом, в частности, свидетельствует (опубликованное уже после убийства Ромеро) его письмо президенту Картеру, в котором осуждаются злодеяния хунты и американских военных советников в Сальвадоре².

Аналогичные идеи были высказаны левыми христианскими демократами и на состоявшемся в ноябре 1980 г.

¹ La Documentation catholique, 1980, 7—21. IX, p. 848—849.

² Ibid., 20.IV, p. 398—399.

заседании первой Международной конференции христиан за политические обязательства перед Сальвадором, на котором руководители Революционно-демократического фронта отклонили посредничество, предложенное христианско-демократическими партиями Европы, и в частности Голландии, в целях достижения компромиссного соглашения о составе правительства. «В Сальвадоре существует только одна альтернатива — народная. В стране возможно только одно решение — решение народа», — сказал Эктор Сильва, представитель Народного социал-христианского движения, входящего в Революционно-демократический фронт.

Выступая от имени левых христианских сил Чили, Антонио Кабалья заявил, что если голландские христианские демократы в действительности хотят помочь Сальвадору, то они должны вести борьбу, «чтобы не допустить вмешательства США и отстоять независимость сальвадорского народа». Конференция завершилась тем, что ее участники выразили энергичное осуждение попыток США вынудить демократические и народные силы прекратить борьбу.

Ныне положение в Сальвадоре, как известно, обострено до крайности. Патриотические силы, входящие во Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти, вынуждены давать вооруженный отпор внутренней и внешней реакции, совершающей зверские преступления в этой многотрадной стране.

Согласно данным доклада руководства католической церкви Сан-Сальвадора, распространенного в столице республики, только за четыре месяца 1981 г. жертвами преступного режима и его американских покровителей стали 7581 человек. Кроме того, «пропали без вести» около 500 патриотов, схваченных карателями.

Здравомыслящие и прогрессивно настроенные представители религиозных организаций Сальвадора отдают себе отчет, что главными причинами бедствий народа являются неимоверный классовый гнет, безработица, расхищение на-

циональных богатств, нищета, жестокие репрессии властей, интервенция американской военщины, а не мифическая коммунистическая «угроза». Раскрывая истоки народных бедствий и соответственно причины эволюции политической позиции значительной части церкви, католический епископ Сальвадора Педро Арнольдо Апарасьо еще в октябре 1971 г. в интервью мексиканской газете «Эксельснор» заявил: «Могут подумать, что я коммунист, поскольку я осуждаю социальную несправедливость, царящую в Сальвадоре, но я всего лишь проповедник христианского учения и с глубоким прискорбием наблюдаю мрачную картину в моей стране. Я с возмущением констатирую, что в государственной казне, равно как в торговле, в промышленности и в остальных областях деятельности, царит коррупция, и создается впечатление, что эксплуататоры не руководствуются никакими интересами, кроме личной наживы. Богатые и власть имущие наживаются на крови, поте и слезах этих скромных людей. Я утверждаю, что с собаками и лошадьми обращаются лучше, чем с сельскохозяйственными рабочими, которым запрещают жить достойной жизнью».

Касаясь предстоящих в то время в Сальвадоре президентских, парламентских и муниципальных выборов, епископ отметил, что они будут проводиться в момент, когда страна залита кровью и отравлена ненавистью и злобой в результате честолобивых стремлений отдельных людей и безнаказанного попрания прав человека.

Воспроизводя это интервью, сальвадорская буржуазная печать поспешила пояснить, что эти слова отражают всего лишь личную точку зрения епископа. Однако сальвадорский народ, широкие круги верующих знали о справедливости этой оценки и всецело ее разделяли. Именно поэтому со временем в подобном духе стали высказываться все больше представителей духовенства. Так, резкая критика кровавых действий внутренней реакции и ее империалистических покровителей содержалась в документе церкви Сан-Сальвадора, принятом в начале 1981 г. и требовавшем

прекратить военные поставки сальвадорской хунте, которые используются для подавления народа¹.

Неудивительно, что сама логика политической борьбы, необходимость отпора антинародной политике внутренних и внешних реакционеров подталкивают здравомыслящих руководителей религиозных организаций не только к отказу от враждебного отношения к коммунистам, но и к пониманию необходимости сотрудничества с ними. Например, генеральный викарий Сан-Сальвадора Кортез, осуждая убийство реакцией епископа Ромеро, высказался за единство действий марксистов и христиан².

Наблюдается явная радикализация деятельности так называемой «Новой мексиканской католической церкви». Несколько лет назад в рядах католической церкви этой страны определилось течение, сторонники которого называют себя представителями «очищенного христианства». Они критически относятся к буржуазной системе, выступают за облегчение положения трудящихся масс, заявляют о необходимости установления режима социальной справедливости, требуя коренной перестройки мексиканского общества.

В сентябре 1971 г. группа представителей этого течения опубликовала в церковном журнале «Контакто» статью, в которой открыто проводилась мысль о том, что Мексику охватил всеобщий кризис. «Правительство,— говорилось в статье,— пытается показать, что его деятельность совпадает со стремлением народа к удовлетворению своих нужд. На самом деле политика властей определяется интересами класса имущих. Подобное положение может просуществовать некоторое время. Но исторически оно бесперспективно... Мы не знаем, какой будет социально-экономическая структура мексиканского общества завтрашнего дня, но мы знаем, что не можем примириться с теперешней и что

¹ La Documentation catholique, 1981, I.II, p. 126—127.

² L'Humanité, 1980, 2.IV.

создание новой, более справедливой структуры зависит от нас».

Любопытный документ о положении в стране подготовила и епископальная комиссия Мексики. Документ известен под названием «Справедливость в Мексике», но, как отмечалось в печати, его следовало бы именовать «Несправедливость в Мексике». Собранный комиссией материал раскрывает тяжелое положение трудящихся масс в стране, подчинение профсоюзного движения интересам буржуазии, зависимость страны в ряде вопросов от американского империализма.

Священники, принадлежащие к «Новой мексиканской католической церкви», все чаще стали открыто высказываться по острым политическим проблемам. Так, они решительно осудили репрессии властей в отношении студенческих выступлений, выразили беспокойство в связи с участвовавшими случаями вооруженного ограбления банков, похищения государственных деятелей. Архиепископ штата Чинауа Альберто Альмейда сделал официальное заявление, опубликованное в столичной газете «Эксельсиор», в котором указал, что причиной отдельных вооруженных выступлений народа был протест против возведенного в закон насилия, поддерживаемого буржуазным государством.

Это выступление одного из руководителей мексиканской католической церкви вызвало значительный резонанс в стране, показав наличие влиятельных церковников, которые считают, что люди, берущие в свои руки оружие, не уголовники, а чаще всего те, кто пытается бороться с государственным насилием, подавляющим неимущих.

Идеи представителей «Новой мексиканской католической церкви» проникли и в среду мексиканских иезуитов, которые все чаще стали выступать с критикой внутриполитического положения в стране. Так, их руководитель Энрике Гутьеррас заявил в печати, что «производители основной части богатства страны обречены на все более драматическое обнищание». «В условиях существующей неспра-

ведливости мы, несомненно, на стороне угнетенных... Мы не намереваемся,— подчеркнул он,— превратиться в духовных «каудильо», мы просто будем с народом на его пути к освобождению».

Анализ генезиса и сущности политики сторонников этой церкви, составляющих меньшинство среди служителей культа в стране, предполагает учет разных и противоречивых факторов. Так, они признают в той или иной степени необходимость достижения социальной справедливости для трудящегося, но при этом часть из них, прикрываясь этим требованием, преследует лишь узкоцерковные интересы — укрепить позиции церкви в настоящее время и подготовить для нее почву в будущем.

Некоторые священники просто боятся лишиться паствы и поэтому пытаются приспособить религиозную догматику к современным условиям в Мексике, которые характеризуются все более растущим недовольством народных масс существующей системой.

Наиболее честные и прогрессивные представители «Новой церкви» в Мексике, несомненно, проявляют подлинную тревогу о судьбе родины и народа. Они видят будущее своей страны в глубоких социально-экономических и политических преобразованиях, которые должны привести к строительству социалистического общества. Отметим среди них, например, архиепископа города Куэрнавака Серхио Мендеса Арсео. Он публично выступил с осуждением капиталистической системы, заявив, что только строительство социализма в Мексике позволит ликвидировать социальную несправедливость и решить многие другие национальные проблемы. Серхио Мендес Арсео — активный защитник политических прав рабочих, крестьян, молодежи. Его политическая честность и бескомпромиссность вызвали враждебное отношение реакции, а также большинства духовенства «традиционной» мексиканской церкви.

Порожденная подъемом революционно-освободительной борьбы народов, радикализация в среде церковников, про-

буждение их гражданской совести и понимание необходимости глубоких социальных преобразований представляются, несомненно, знаменательным процессом современности. Факты свидетельствуют об осознании целым рядом религиозных деятелей того обстоятельства, что буржуазная система не может обеспечить справедливость и равноправие, благосостояние и подлинную независимость всем членам общества. Примечательно и то, что церковные организации в той или иной мере оказываются вовлеченными в революционные процессы, не могут оставаться в стороне от требований, выдвигаемых трудящимися.

Наиболее левые круги церкви выступают и против эксплуататорской сущности самого капиталистического строя. Например, в середине февраля 1980 г. Национальная конференция епископов Бразилии высказалась за аграрную реформу, подчеркнув несправедливость существующей системы землепользования, при которой менее одного процента помещиков владеют 42 процентами сельскохозяйственных угодий.

Участники первого национального съезда католических священников Эквадора, состоявшегося зимой 1970 г. в Кито, осудили угнетение и эксплуатацию, «духом которых проникнута капиталистическая система и которые несовместимы с христианским учением». В документе, озаглавленном «Священник и освобождение», они, в частности, указывали: «Сейчас остро необходимо освобождение. Нельзя говорить о какой-то свободе, демократии и уважении к христианским догмам, когда мы видим, что большинство латиноамериканцев, в частности эквадорцев, изнывает под ярмом угнетения. Капиталистическая система,— подчеркивается в документе,— насаждает в народе нищету, невежество, безграмотность и т. д. Ведь наличие всех этих факторов не ставит под угрозу дальнейшее существование капиталистического строя».

Эквадорские священники осудили также роль, которую играет официальная католическая церковь в деле сохране-

ния капитализма. В резолюции съезда перечислялись меры, которые должны быть приняты, чтобы содействовать «делу освобождения человека», в том числе «воспитанию сознания необходимости изменить социальный строй».

Так, участники состоявшегося в марте 1980 г. в Сан-Паулу международного теологического семинара (представители 42 стран Латинской Америки, Азии и Африки) осудили капиталистическую систему — «общего врага всех людей»¹.

Наиболее наглядно антикапиталистическая тенденция левых религиозных сил проявляется в тех случаях, когда представители так называемого движения «мятежной церкви» в Латинской Америке с оружием в руках выступают против антинародных режимов. Подобные «мятежные священники» появились еще во время кубинской революции. Среди бойцов Фиделя Кастро был иезуит Гильермо Сардиньяс — один из первых католических прелатов, поддержавших революцию. Он был назначен капелланом Повстанческой армии. Другой известный представитель «мятежной церкви» — Камило Торрес сражался в рядах колумбийских партизан и погиб в феврале 1966 г. в бою между партизанами и карателями.

Можно приводить много примеров подобного рода, но здесь важно подчеркнуть, что представители «мятежной церкви» стремятся к преобразованию общества как мирными средствами, так и вооруженным путем.

«Бунтарей в сутанах» ждут трудные испытания, на них обрушивается весь пропагандистский и репрессивный аппарат местной и мировой реакции, стремящейся любыми средствами подавить их антиимпериалистические и антикапиталистические выступления. Многие представители «мятежной церкви» подверглись и подвергаются пыткам и репрессиям, некоторые из них погибли, среди них упоминавшийся уже архиепископ Ромеро в Сальвадоре, павший от

¹ L'Humanité, 1980, 4.III.

рук правых террористов, которые не могли простить ему утверждений о том, что опасность для страны заключается не в коммунизме, а в вопиющей социальной несправедливости. Ведь, по его мнению, главная причина царящего в стране насилия заключается в репрессиях, развязанных властями. «Если не будет насилия со стороны властей,— говорил архиепископ,— то не будет и насилия со стороны повстанцев, ибо последнее является всего лишь следствием зловещей политики, которая должна быть осуждена за ее антихристианский характер».

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что никакими репрессиями, никаким террором нельзя остановить движение, вызванное объективными причинами. Поэтому можно предполагать, что прогрессивные тенденции в религиозных организациях капиталистических стран будут развиваться и впредь вопреки нападкам правых сил, недовольных тем, что члены института, который традиционно защищал статус-кво, требуют коренного изменения структуры общества. Сама логика движения, динамика народного революционного процесса делают все институты, организации, участвующие в них, все более радикальными.

Активные выступления левых религиозных сил наблюдаются во всем мире, прежде всего в развивающихся странах. В наши дни нередки обращения служителей культов разных направлений из стран «третьего мира» к верующим, в которых они поддерживают борьбу народов против любой формы угнетения и эксплуатации со стороны феодалов, капиталистов и империалистов.

Характерны ответы архиепископа Сайгона Нгуен Ван Бина католическому журналисту сразу после освобождения Южного Вьетнама. Объясняя, почему его церковь идет на тесное сотрудничество с революционными властями, архиепископ привел следующие доводы: освобождая от иностранного господства, новая власть прекращает эксплуатацию человека человеком, строит новое общество, в котором не будет господства богатого меньшинства над бед-

ным большинством и т. д. Подобные цели наиболее соответствуют нашим критериям и духу евангелия, заявил он¹.

В странах, где национально-освободительная борьба приобретает особо острый характер, религиозные деятели вынуждены под напором требований масс верующих отмежевываться от политики реакционных режимов, от широко используемой ими практики насилия, террора, вызывающей возмущение общественного мнения. Так, осенью 1980 г. в Южной Корее, как и во всем мире, прокатилась волна возмущений против смертного приговора руководителю демократического движения этой страны Ким Тэ Чжуну. Католическая церковь страны обратилась к властям с просьбой о помиловании. В мае 1981 г. 30 южнокорейских священников провели голодовку в знак протеста против диктатуры, ее кровавой политики, за демократические свободы².

Главное в деятельности левых религиозных группировок в несоциалистических странах — отмежевание в той или иной мере от идеологии и практики господствующих режимов. Это — «непременное условие», считает, например, представитель австрийских левокатолических кругов А. Кримс, «если церковь хочет внести свой вклад в формирование нового общества»³. При этом он исходит из того, что церковь должна пересмотреть свое отношение к частной собственности и отказаться от нее как от «непререкаемой ценности», а также «воскресить некоторые ценности марксизма». Левые религиозные группировки все чаще приходят к выводу, что верующие «не должны самоизолироваться в борьбе за специфически христианский прогресс, а обязаны слиться с другими силами, идущими общим путем прогресса»⁴.

¹ La vie catholique, 1976, 2.VI.

² L'Humanité, 1980, 20.V.

³ Dotter F., Malkin W., *Sampl. J. Christliche Markierungen*. Wien, 1979, S. 274.

⁴ Ibid., S. 280.

Аналогичные процессы наблюдаются и среди мусульманского духовенства. Многие его представители в Афганистане и Сирии, Ливии и Алжире, Египте, Марокко и в других странах отвергают попытки империалистов и реакционеров направить мусульманские организации и движения против социализма, прогресса и мира. Они с интересом знакомятся с положением верующих-мусульман в СССР.

Остановимся на процессе расслоения в рядах мусульманского духовенства в Афганистане, во многом связанном с тем, что постепенно рассеивается пропагандируемый правыми клерикалами миф, будто ислам в этой стране находится в опасности. Состоявшаяся в июле 1980 г. первая в истории страны конференция улемов (ученых-богословов) и духовенства заявила о полной поддержке правительства Демократической Республики Афганистан и мер, предпринимаемых им на благо афганского народа. Более 800 делегатов, представителей многих провинций страны, обсуждали вопросы о положении духовенства в Афганистане и его роли в укреплении и развитии страны. Делегаты конференции одобрили указ Революционного совета ДРА о создании при Совете министров Главного управления по вопросам ислама, приняли решение об образовании Высшего совета улемов и духовенства Афганистана.

Резолюция конференции улемов решительно осудила происки империализма, внутренней и внешней реакции против завоеваний афганского народа, против апрельской революции. В ней говорится, что уважение исламской религии является одним из основополагающих принципов в ДРА.

Эти новые тенденции порождены осознанием представителями духовенства, занимающими прогрессивные политические позиции, того неопровержимого факта, что правительство ДРА, возглавляемое Бабраком Кармалем, уделяет огромное внимание развитию и процветанию страны, улучшению жизненных условий афганского народа. Поэтому

эти круги духовенства объявляют, что религиозной обязанностью каждого афганского мусульманина является непреклонная поддержка правительства.

На становление политически прогрессивной позиции целого ряда представителей духовенства Афганистана, в том числе и участников конференции улемов, значительное воздействие оказало то обстоятельство, что характерной чертой деятельности правительства ДРА, как указывается в резолюции, является глубокое уважение национальных традиций и обычаев. Все мусульмане Афганистана видят, что в стране существует свобода вероисповедания, отправления религиозных обрядов¹.

Именно исходя из отмеченных выше социально-политических реальностей современного Афганистана, все больше священнослужителей начинают переходить на позиции народной власти. Естественно, что мусульманское духовенство дает религиозное обоснование подобной смене позиций.

— Мы, служители культа,— заявил имам-хатыб кабульской мечети Сайед Камал Аббаси,— осуждаем попытки американских империалистов, китайских гегемонистов и местной реакции дискредитировать демократическую власть, проводить злобную пропагандистскую кампанию против ДРА. Рядясь в тогу защитников ислама, они призывают контрреволюционеров убивать ни в чем не повинных людей, уничтожать школы, взрывать мосты, линии электропередач, заниматься грабежами. Все это противоречит принципам ислама. Враги хотят видеть наш народ невежественным и нищим. Но мы уверены, что народная власть приведет нашу страну к процветанию².

Поддержка новой власти не ограничивается одними заявлениями. Известно, что в Афганистане все шире разворачивается движение отпора агрессорам и контрреволюцио-

¹ См.: Правда, 1980, 2 июля.

² См. там же, 5 июля.

нерам. Из городов в провинции направляются добровольческие отряды из активистов Народно-демократической партии, членов молодежной организации и т. д. Повсеместно создаются отряды самообороны. В них участвуют и представители духовенства. Например, только в отряде самообороны города Хоста среди более чем 900 бойцов 21 мулла. Мысль о том, что борьба с мятежниками и бандитами, которые убивают детей, мирных жителей, жгут школы,— это борьба с врагами ислама, доходит до сознания все большего числа людей, считающих себя защитниками ислама. Остановимся в этой связи на рассказанных в советской печати злоключениях с Сираджем Ахмадом, бывшим басмачом, который добровольно сдался органам безопасности. Выходец из чиновничьей семьи, проживающей в Газни, Сирадж связался с контрреволюционной группировкой «хезбехаракати-ислами» («партия исламского движения») и стал функционером этой «партии» в уезде Чардара, «защищал ислам» в ряде басмаческих банд.

По словам Сираджа Ахмада, во многих бандах есть иностранные «советники». Оружие и боеприпасы в основном поступают из-за кордона. Объясняя свой разрыв с басмачами, Сирадж сказал, что его потрясла кровавая резня, которую они устроили в кишлаке Аксах, в 25 километрах к западу от Кундуза. Там убивали без разбора стариков, женщин, детей.

И таких, как Сирадж Ахмад, немало. Меры революционного правительства по улучшению положения афганских тружеников, борьбе с неграмотностью, четкая, ясная позиция по вопросам отправления религиозных культов и взаимоотношений с духовенством выбивают почву из-под ног врагов афганской революции¹.

Политически прогрессивная позиция ряда представителей мусульманского духовенства Афганистана вызывает яростную реакцию со стороны светской и духовной реак-

¹ См.: Правда, 1981, 26 апреля.

ции. Контрреволюционеры объявили террор муллам, разделяющим позиции трудового народа. Так, в городе Газни террористы убили муллу Гуляма Сиддика, призывавшего верующих к поддержке новой власти.

Однако террористическая деятельность бандитов и убийц — ставленников империалистической реакции — не может остановить развертывающийся процесс политического прозрения верующих-мусульман, в том числе и представителей духовенства. Поручкой дальнейшего развертывания этого процесса является наряду с общими успехами в строительстве нового Афганистана правильная и принципиальная политика его руководства по отношению к религии.

Итак, одной из важнейших особенностей функционирования современных религиозных организаций в разных регионах мира является участие значительных масс верующих, части духовенства, особенно низшего, в активном революционно-освободительном движении. Значение этого нового фактора нуждается в специальном анализе.

Здесь прежде всего важно отметить деятельность тех левых религиозных групп, которые видят в классовой борьбе единственную возможность избавиться от пороков буржуазного общества и построить справедливое социалистическое общество. Не только по своим целям, но и по методам действий эти группы близки к прогрессивным движениям, выступающим за подлинно революционное преобразование буржуазного общества.

Левые религиозные течения нередко выступают своеобразным результатом соединения религиозных и социалистических идей, поскольку для целого ряда их представителей характерен революционный подход к преодолению социальных антагонизмов эксплуататорского общества. Например, движение «критических христиан» во Франции, которое летом 1975 г. в Версале провело свою первую национальную ассамблею, исходит из того, что для христиан борьба классов «не только существующий факт, но и «выбор»,

«потребность», чтобы поддержать тех, кто угнетен; движение требует разрыва всех связей церкви с угнетательской буржуазной властью»¹.

Вполне естественно, что, отвергая бездушное буржуазное «общество денег», верующие трудящиеся, вовлекаясь в освободительное движение, видят в лице марксистов своих естественных союзников. Примеры подобного рода могут быть приведены по многим странам и вероисповеданиям. Так, собрание почти 40 тысяч молодых католических рабочих-жокистов, состоявшееся летом 1974 г. в Париже, заявило о стремлении активными действиями вместе с коммунистами изменить буржуазное общество и, сохраняя свою веру, строить социализм².

Эти же идеи были подтверждены в мае 1980 г. XII национальным конгрессом французского рабочего Католического действия, заседавшим в Бордо. На конгрессе были обстоятельно проанализированы актуальные проблемы рабочего и профсоюзного движения, подтверждено стремление членов Католического действия участвовать в классовой борьбе в духе рабочей солидарности.

Резкому осуждению подверглась практика буржуазного общества, порождающего безработицу с ее огромными материальными и нравственными лишениями для рабочих. При обсуждении подобных вопросов называлась социальная причина существования эксплуатации рабочего класса, безработицы, нищеты, расизма, политики репрессий — система частнособственнических отношений. Пути преодоления обстоятельств, унижающих человеческое достоинство трудящихся, также указывались в большинстве случаев ясно и конкретно: совместная борьба всех трудящихся, создание предпосылок для утверждения социалистического общества³.

¹ La Croix, 1975, 12.VI.

² L'Humanité, 1974, 1.VII.

³ Ibid., 1980, 5.V.

« Многие из членов этой рабочей католической организации, вовлекаясь в революционную борьбу, вступают в ряды коммунистической партии.

В последние годы усиливается процесс возникновения различного рода оппозиционных групп («критические христиане», «марксистские христиане», «христиане-социалисты» и др.), выступающих с резкой критикой буржуазного строя и официальной церкви. Заслуживает внимания, в частности, такое уже упоминавшееся движение, как «Христиане за социализм», которое получило значительный резонанс в буржуазных странах Старого и Нового Света.

Возникло оно во время правительства Народного единства в Чили и с самого начала (весна 1971 г.) придерживалось мнения, что христиане должны рассматривать себя как стратегических союзников марксизма в процессе освобождения Латинской Америки; христианин может принять марксизм как метод и участвовать совместно с марксистами в решении экономических и политических вопросов, не ставя под сомнение свою веру.

Создав программу, дающую ответ на актуальные социально-политические вопросы, и добиваясь реального успеха в борьбе за справедливость, социальную и национальную свободу народов, движение «Христиане за социализм» вскоре охватило весь континент. Показательно, что первый латиноамериканский конгресс, собравшийся весной 1972 г. в Сантьяго (Чили), своим естественным союзником считал коммунистическое движение, как наиболее последовательно отстаивающее интересы трудящихся, лучшее будущее народов. Конгресс призвал христианских революционеров вступать в стратегические союзы с марксистами, чтобы содействовать распространению социализма в Латинской Америке.

Движение «Христиане за социализм» так быстро распространялось во многих странах, что уже в апреле 1975 г. в Квебеке (Канада) была созвана первая всемирная встреча его представителей. Хотя в разных странах движение

имеет свои особенности, в целом его представители рассматривают социализм как «осуществляемый борьбой трудящихся классов процесс перестройки всех структур и культуры капиталистического общества, как уничтожение всех отношений господства и эксплуатации и создание общества, в котором народ становится творцом своей истории»¹.

При всей неоднородности социальной базы оппозиционных буржуазному строю религиозных течений их политическая платформа неизменно носит ярко выраженный антиимпериалистический характер, нацеливает на построение нового, социалистического общества. При этом участники движения обычно вдохновляются своеобразным пониманием сущности религии, в частности христианства, которое объявляется ими несовместимым с любым гнетом, в том числе с капитализмом. Поэтому оно предлагает освободить христианство от «идеологических надстроек», вернуть ему революционную энергию и способствовать его «истинному» воплощению в принципах социализма, в реальной борьбе и созидательной деятельности рабочего класса, всех трудящихся, направленных на социальное освобождение и расцвет человечества.

Говоря о социалистической направленности леворадикальных религиозных движений, следует учесть и то, что нередко понимание их участниками социализма по вполне понятным причинам не совпадает с научным, марксистско-ленинским учением о социализме. Но при всех своеобразиях идеологии этих движений они — значительное явление в процессе приобщения трудящихся-верующих к борьбе против империализма, за социалистические идеалы. На размах и глубину леворадикального религиозного движения в различных странах оказывает влияние степень развитости освободительного, рабочего движения, сила и авторитет коммунистической партии в данной стране.

¹ *Girardi G. Cristiane per il socialismo: perche? Assisi, 1975, p. 21.*

Например, в Италии в январе 1977 г. состоялась третья общенациональная конференция движения «Христиане за социализм». В работе конференции участвовало около 800 человек, прибывших из всех районов страны, а также гости из Южной Америки, Африки и с других континентов. На конференции присутствовали делегации Итальянской коммунистической партии и других левых партий.

Участники конференции выразили горячую солидарность с народами мира, участвующими в освободительной борьбе. В принятом заключительном документе подчеркивается «необходимость борьбы за построение нового, более гуманного общества, идущего по пути социализма». Конференция призвала «расширять... действия совместно со всеми левыми силами и на основе открытого сопоставления взглядов с ними».

Таким образом, определяющим в деятельности леворадикальных религиозных течений является, как сказано в сборнике «Христиане и революция. Конвергенция и теология», изданном организацией левых протестантов «Христианская конференция мира» (ФРГ), стремление, чтобы «церковь и христиане заняли наконец место на стороне правого дела в борьбе против империализма, выступающего виновником голода, нищеты и бедствий, а также главной угрозой миру»¹.

Разумеется, рассмотренные политически прогрессивные позиции тех или иных религиозных кругов вызывают самое внимательное отношение марксистов, всех сил демократии и социализма, особенно в тех странах, где имеются массы верующего населения, которым еще предстоит включиться как в антикапиталистическую и антиимпериалистическую борьбу, так и в активное социалистическое строительство. Знание и учет новых явлений в позиции различных религиозных групп и организаций — элементарное требование

¹ Christen und Revolution. Konvergenz und Theologie. Köln, 1971, S. 7.

конкретно-исторического подхода к общественным явлениям, важное условие для налаживания совместных действий с трудящимися-верующими.

О ДИАЛЕКТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ИХ ИДЕОЛОГИЙ

Марксизм-ленинизм неизменно ориентирует исследователей на всестороннее раскрытие объективного смысла, реального исторического содержания массовых движений, независимо от того, каково идеологическое содержание лозунгов и концепций, которыми они вдохновляются. Исторический опыт свидетельствует, что во взаимоотношении общественное движение — идеология нередко наблюдаются противоречия. Крайне поучительна методология их анализа классиками марксизма-ленинизма. Статья Ленина «Две утопии», посвященная анализу народнической утопии, несмотря на то что прямые аналогии тут неуместны (поскольку различны объекты исследования), помогает и в исследовании взаимоотношения массовых движений и религиозного сознания.

Раскрывая диалектику массовых движений и их идеологий, Ленин опирался в этой статье на мысль Ф. Энгельса, высказанную в его предисловии к первому немецкому изданию книги К. Маркса «Нищета философии»: «Что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле»¹.

Напомним, что Энгельс высказал это глубокое положение по поводу утопического социализма.

Исходя из мысли Энгельса, Ленин оценивает смысл народнической утопии в России (добавляя при этом в скобках, что это относится не к одной России, а к целому ряду азиатских государств, переживающих в XX в. буржуазные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.

революции). Приведем полностью ленинскую оценку: «Ложный в формально-экономическом смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»¹.

Ленин отмечает, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»². Столь наглядно раскрытая Лениным необходимость выделения «ценного демократического ядра» из ложной идеологической шелухи дает правильную методологическую основу и для анализа современных массовых общественных движений, проходящих под религиозным знаменем (при всем их социальном и идеологическом своеобразии и особенностях). Разумеется, необходимо учитывать, что «шелуха» носит мистический, религиозный характер, а носителями религиозных утопий выступают разные социально-классовые группы, огромные массы населения. Поэтому тут противопоставлены как недооценка объективных демократических, освободительных потенций рассматриваемых движений, так и стремление их положительные характеристики — вольно или невольно — перенести на мистическую идеологическую «шелуху».

Сталкиваясь сегодня с появлением широких прогрессивных общественных движений в религиозной форме (и особенно с тем фактом, что их представители часто руководствуются модернистскими интерпретациями веры), некоторые исследователи (в том числе из среды зарубежных левых сил) трактуют это как изменение принципиальной сущности религии, а поэтому провозглашают необходимость пере-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 120.

² Там же, с. 121.

смотра ряда коренных марксистских положений о религии как форме общественного сознания. Иначе, предостерегают они, можно оказаться сторонником не исторического, а «религиозного взгляда на религию». Появляются даже утверждения, что ныне сама религиозная идеология якобы выступает «ферментом», революционизирующим фактором, поднимающим трудящихся против несправедливостей капиталистического мира.

Для многих ревизионистов, ренегатов марксизма (вроде Э. Блоха, Р. Гароди, Л. Колаковского, М. Маховца, Э. Фишера и др.) это вообще служит поводом для отказа от материалистических воззрений, для выступлений в пользу нового толкования смысла религии как гуманистической и революционной системы, даже для механического соединения «лучших компонентов» религии и марксизма, что, дескать, могло бы решить все революционные задачи человечества как в прошлом, так и в будущем¹.

В их среде сегодня разрабатываются и новые варианты богостроительских взглядов (кстати, усиленно рекламируемых буржуазной и клерикальной пропагандой), которые отождествляют религию, веру со всем общечеловеческим, гуманистическим потенциалом, выработанным человечеством в различные эпохи. Характерна в этом отношении концепция, развиваемая Р. Гароди в книге «Обращение к живым».

Заслугу марксистской философии в отношении религии Гароди видит лишь в том, что она освободила религию от несвойственной-де ей функции быть «опиумом народа». Причем эту функцию религии Гароди понимает исключительно как ее связь с государственным аппаратом, с силами мира сего. В тех же случаях, когда церковь пытается осуществлять свою «социальную доктрину» или «политику», вытекающую из «священного писания», она, считает Гаро-

¹ Bloch E. Atheismus im Christentum. Zur Religion des Exodus des Reichs. Frankfurt/Main, 1973, S. 299.

ди, вновь становится консервативной политической силой и вполне обоснованно отвергается как «опиум народа»¹.

Исходя из этого, он настоятельно рекомендует возродить чистую и истинную веру, трактуемую им весьма расширительно и, по существу, отождествляемую со всем подлинно гуманистическим наследием, выработанным человечеством в ходе прогрессивного развития.

Модернистские изменения в религиозных системах, личная честная и трезвая позиция некоторых руководителей церквей по актуальным вопросам современности не устраняют ложного характера религиозной идеологии, не влияют на существо, специфику религиозного отражения мира.

Диалектический материализм непримирим к любому иллюзорному мировоззрению, в том числе к религии. Марксизм не просто отвергает, а вскрывает источники этого превратного отражения действительности в сознании людей, показывает, какие стороны общественного бытия порождают религиозное «удвоение» мира, намечает конкретные пути его изживания.

Ревизионисты, игнорируя диалектико-материалистическое объяснение процессов, происходящих в современном религиозном сознании и в современных церковных организациях несоциалистических стран, обычно становятся в тупик перед вопросом: как же совместить консервативную социальную функцию религии с наличием внутри ряда религиозных организаций прогрессивных идей и движений? Ведь «традиционно-марксистская» трактовка веры, по их утверждению, исключает-де участие верующих в освободительном движении, возможность появления у них прогрессивных, особенно революционных, идей и действий.

Они упускают из виду, что ни одно учение, сколь бы изощренным оно ни было, не может подавить естественное, неистребимое стремление трудящихся масс улучшить материальные условия жизни, отстаивать свои жизненные инте-

¹ Garaudy R. Appel aux vivants. Paris, 1979, p. 55.

ресы и права. И тут религиозные мотивы отходят на второй план.

Противоречивая ситуация в рамках единого религиозного комплекса, определенная неравномерность, неодновременность в развитии различных сторон сознания значительных масс верующих (прогрессивность в политике в сочетании с самыми консервативными мировоззренческими взглядами) объясняются, на наш взгляд, и тем, что разные стороны общественного сознания находятся в различном отношении к насущным социальным факторам, к экономическому строю. Ближе всего к ним стоят политические взгляды, поэтому они более чутко реагируют на них, быстрее изменяются и активнее воздействуют на объективные условия.

Что же касается собственно религиозных моментов в мировоззрении верующего человека, то они дальше отстоят от социально-экономических отношений и потому изменяются позднее.

Анализируя условия появления прогрессивных общественных движений в религиозной форме, обратим внимание и на ту особенность религиозной формы общественного сознания в антагонистическом обществе, о которой говорил Маркс и которая подтверждается анализом сколько-нибудь развитых религиозных систем на протяжении всей предыстории человечества: религиозные взгляды представляют собой в одно и то же время отражение действительного убожества эксплуататорского строя и протест против него. Естественное стремление верующих избавиться от тяготеющего над ними гнета получает своеобразное выражение и в религии, поскольку ее носителями выступают народные массы. Поэтому было бы неверно причислять к антиреволюционным, реакционным те или иные движения только потому, что они появились среди верующих людей.

Марксистско-ленинская оценка религиозных движений неизменно основывается на конкретно-историческом анализе их социального, классового содержания. Важно в каж-

дом случае понять, какие стремления, интересы выражает конкретное религиозное течение. Далее, следует учесть и то, что в проповедуемых религией общечеловеческих категориях братства, равенства, добра и т. д. есть моменты, которые могут в определенных условиях быть позитивным вкладом в общедемократическое движение. Наконец, в силу разных причин — недостаточного уровня сознательности, незнания научной теории, под влиянием традиций данной страны, религиозного воспитания и т. д. — демократические, прогрессивные побуждения или действия могут облекаться в религиозную форму, хотя она (вопреки утверждениям ревизионистов) не связана внутренне, органически с действительными побудительными причинами социального протеста. Именно такая ситуация сложилась сейчас в ряде буржуазных и развивающихся стран, где верующие, секуляризируя религиозные идеалы, борются за их вполне земное, приобретающее революционный характер содержание.

Здесь в полной мере подтверждается мысль В. И. Ленина о том, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»¹.

Противоречие религиозной формы общественных движений и их социального содержания вызвано тем, что ныне пришли в движение миллионные (в развивающихся странах в основном крестьянские) массы, которые на протяжении веков были в подавленном состоянии и теперь привносятся в революцию свои предрассудки и слабости. Очевидно, что, несмотря на свою религиозную форму, эти движения имеют прогрессивный характер. Поэтому коммунисты оказывают им поддержку, сотрудничают с ними в общей борьбе против империализма и социальной реакции. Именно эта реальная борьба способна ликвидировать основную причину существования религии, ее социальную базу — эксплуататорскую систему отношений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

Нельзя признать правомерной и другую концепцию, выдвигаемую ныне некоторыми зарубежными авторами. Это концепция «множественности идейных ценностей», которая связывает существование положительных идей, прогрессивных действий с марксизмом и... современным модернизмом в христианстве.

Высказывается мнение, что нельзя-де исходить из «догматически отрицательного» и «метафизического» взгляда относительно вечной и неизменной сущности религии. Роль церковных организаций на различных этапах истории неодинакова. Последнее утверждение правильно, но неверны представления о том, что марксисты-де с порога отвергают все, что так или иначе связано с религией, начиная от идей, выражаемых в религиозной форме, и вплоть до исторических действий, общественных поступков верующих. Марксизм видит в религии в известной мере отражение взглядов и идей разных слоев населения и разных народов. Наличие в религиозных системах таких общечеловеческих нравственных ценностей, как призывы к честности, порядочности, выступления против воровства, убийства и т. д., отражает нравственный опыт человечества. Эти идеи близки марксистам, как и всем честным людям, они могут способствовать положительным гражданским действиям верующих.

Марксисты-ленинцы также далеки от нигилистического отношения к культурному наследию, к традициям демократического прошлого, борьбы за национальное освобождение, даже если их носителями и активными участниками выступали религиозные деятели. Остановимся в этой связи на двух крупных исторических событиях, юбилей которых пришлось на нынешние, 80-е годы и суть которых извращается в целях религиозно-апологетических. Это — 600-летие Куликовской битвы (сентябрь 1980 г.) и 500-летие со дня рождения Мартина Лютера (ноябрь 1983 г.).

В советской научной литературе и в прессе в период подготовки и празднования юбилея Куликовской битвы,

ставшей поворотным событием в истории Руси, создавшей предпосылки ее освобождения от чужеземного ига, которое, по словам Маркса, «не только подавляло, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой», были проанализированы все ее аспекты и последствия. Сегодня широко известны условия, позволившие великому князю московскому Дмитрию Ивановичу противостоять Золотой Орде: к тому времени Русь все больше спланивалась вокруг Москвы, идея единства стала превалировать над удельными интересами. Согласно требованиям объективного освещения конкретного хода истории в советской литературе, научной и публицистической, воздается должное патриотической деятельности русской церкви того времени, ее деятелям — митрополиту Алексею, Сергию Радонежскому, выступившим поборниками освобождения русских земель от татаро-монгольского ига. Речь идет, таким образом, о действительно имевшей место патриотической деятельности (кстати, аналогичную деятельность можно было наблюдать и в последующие эпохи, включая Великую Отечественную войну 1941—1945 гг.), а не о собственно религиозных деяниях. Отсутствие органической связи между этими сферами находит свое отражение в следующем, во многом символическом факте.

Славные русские богатыри Пересвет и Ослябя (первый из них широко известен в народной памяти тем, что принял вызов грозного ордынского богатыря Телебея и вступил в смертельный поединок с ним) были братьями-монахами. С разрешения настоятеля Троицкого монастыря, но в нарушение церковных установлений, запрещавших монахам воевать и даже носить оружие, они участвовали в общенародной борьбе.

Как видим, участие в патриотической освободительной борьбе отнюдь не вытекало из догм религии, предписаний церкви, а было вызвано общим народным порывом в защиту своей независимости, в защиту своего правого дела.

Другие грани интересующей нас проблемы об объективном и далеком от какой бы то ни было искажающей историю предвзятости отношении марксистов-ленинцев к прогрессивному и гуманистическому прошлому, пусть в религиозной форме, можно раскрыть на примере их оценки деятельности Мартина Лютера. К 500-летию со дня рождения видного деятеля Реформации в ГДР учрежден Комитет под председательством Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР Эриха Хонеккера, осуществлен целый ряд мероприятий — международные colloquiums и конференции, организованы выставки, издана специальная литература и т. д.

Историческое значение деятельности Лютера связано с Реформацией, которая представляла собой своеобразный пролог к буржуазной революции. Лютер выступил одним из пионеров, подготовивших те преобразования, которые столь назрели в немецких княжествах, да и в других государствах Европы в эпоху крушения феодализма и буржуазных революций. Он оказал значительное влияние на формирование основных идей XVI столетия. И до него многие мыслители, художники, ученые, литераторы стремились вырваться из духовного плена феодализма, порвать с феодальными канонами. И когда этот никому тогда не известный монах начертал свои знаменитые тезисы на воротах церкви в Виттенберге, провозгласив, что «церковь нуждается в реформации», он тем самым стимулировал движение, которое служило общественному прогрессу. С религиозно-реформаторских позиций он давал ответы на злободневные вопросы своего времени. Не случайно феодальная знать выступила против него.

Вместе с тем важно правильно понять, что широкие массы, подхватив идеи Лютера, связали их с далеко идущими радикальными социальными и политическими требованиями. Слившись с широким антифеодальным движением, эти идеи привели к тем революционным последствиям,

которые нашли свое наивысшее выражение в Крестьянской войне в Германии и которые, разумеется, далеко превзошли намерения Лютера.

Трагизм Лютера заключался в том, что он не мог преодолеть противоречия между своей ролью инициатора широкого революционного движения и неспособностью познать его закономерности, тенденции развития. Объективно раскрывая историческое значение деятельности Лютера в условиях обострения общественных противоречий и перехода от феодализма к капитализму, следует отметить, что процессы революционной дифференциации и политической радикализации, которые достигли своего апогея в Крестьянской войне, были бы невозможны без Реформации, начало которой было положено Лютером и которая, по существу, являлась восстанием крестьян и ремесленников против господствующих классов.

Реформация была сложным историческим явлением, которое характеризовалось прежде всего тем, что преобразования церкви в конкретных условиях того времени выступали предпосылкой всех более или менее далеко идущих изменений общества. В ней проявились как стремления к буржуазным реформам, так и революционный протест народных масс, результат которого, разумеется, в конечном итоге зависел от силы массового революционного движения и от соотношения классовых сил. И после поражения Крестьянской войны Мартин Лютер направлял свои усилия на продолжение Реформации.

Конкретно-исторический подход к анализу исторических явлений, органически присущий марксизму-ленинизму, обязывает вычленять положительные моменты даже в таком сугубо религиозно-реформаторском действии, как перевод Библии. Фридрих Энгельс характеризовал Библию Лютера как могучее орудие для возникающего народного движения. Действительно, в то время ни одна другая книга так не способствовала унификации языка различных немецких государств.

В целом гуманистические и социально-этические взгляды Лютера заслуживают того, чтобы их оценивали по достоинству.

Выступая на учредительном заседании Комитета по празднованию юбилея Мартина Лютера, товарищ Э. Хонеккер справедливо подчеркивал, что к положительным традициям, которые поддерживают и развивают марксисты, принадлежат действия и заветы всех тех, кто способствовал прогрессу и развитию мировой культуры, независимо от их классового положения. «В соответствии с нашим мировоззрением мы должны раскрыть объективный, реальный ход истории во всей ее диалектике. Понимать историю как историю классовой борьбы вовсе не значит иметь ограниченную точку зрения. Такое понимание означает реальное проникновение в суть вещей»¹.

Марксисты, анализируя деятельность Лютера, всегда выступали против использования его имени исключительно в религиозно-апологетических или даже прямо в реакционных целях (например, как свидетельство в пользу союза трона и алтаря), вовсе не отступая при этом от своих утверждений относительно его классовой и мировоззренческой ограниченности.

Стремление сохранить все прогрессивное, гуманистическое наследие общества, осознать и объективно критически оценить его с позиции мировоззрения рабочего класса с особой остротой подчеркивает важность конкретно-исторических исследований, раскрывающих отношение теологии и политики различных общественных движений, их взаимовлияние и связь с реальными коллизиями своего времени.

Подобные исследования неизменно убеждают, что во всех случаях религиозная форма прогрессивных общественных движений, обусловленная неразвитостью общественного сознания масс, спецификой социально-экономического развития данной страны и прочностью укрепившихся в ней

¹ Neues Deutschland, 1980, 14—15.VI.

традиций, не может не быть исторически преходящей. На определенном этапе она неминуемо вступает в противоречие с самим содержанием этих прогрессивных движений, становится помехой для их дальнейшего развития. Всякое новое, прогрессивное социальное движение в конце концов с неизбежностью отбрасывает мистифицирующую его действительные цели идеологическую оболочку и обретает новое, адекватное своему реальному содержанию сознание. Таков непреложный закон истории.

Вместе с тем религиозная идеология и в ее модернизированном виде, являясь превратным, иллюзорным мировоззрением, осуществляет свою прежнюю идеологическую социальную функцию. Как мы убедимся ниже, эта функция религии не обязательно проявляется в реакционной политической деятельности. Такой, например, не была она в доклассовом обществе; не является, как правило, в условиях развитого социализма, да и у ряда религиозных организаций в условиях современного буржуазного общества. Больше того, подчас она выступала и выступает лозунгом прогрессивных общественных движений. Но, будучи порожденной недостаточностью в обладании природными и социальными силами, ограниченностью, по выражению Маркса и Энгельса, отношений людей «к природе и друг к другу», отсутствием социальных связей, приобщающих массы к сознательному, творческому участию в историческом процессе, она неизменно сдерживает их социальную активность.

Реакционная функция религиозной идеологии, превратного видения и осознания действительности проявляется и в том, что любая разновидность религии в той или иной форме питает и закрепляет другие консервативные, реакционные явления, в частности националистические предрассудки, способствует тем самым разобщению трудящихся различных национальностей, создавая препятствия для воспитания их в духе пролетарского интернационализма. Религиозная нетерпимость и вражда к инаковерующим,

объявление «своей» вероисповедной и национальной общности избранной ярко обнаруживается на примере иудаизма, который, как выше говорилось, используется сионистами для обоснования их шовинистических и милитаристских планов.

Объективное и всестороннее рассмотрение современных модернистских версий разных религий убеждает, что они не изменяют существа религии как иллюзорной и антинаучной формы общественного сознания, которая питает фантастические надежды и представления о действительности. Они также не могут выступать, вопреки утверждениям ревизионистских авторов, неким революционным началом, «бродилом», якобы спонтанно ведущим к преодолению угнетательской системы капитализма; в этом реальном процессе лишь действительное положение и жизненные интересы верующих обуславливают появление освободительных тенденций в рамках религиозных организаций.

Неправомерность трактовки религиозных мотивов в качестве самодовлеющих и игнорирование реальных социально-политических потребностей, получающих впоследствии свое выражение в религиозных формулах и лозунгах, особенно отчетливо прослеживаются на разном (даже политически противоположном) отношении тех или иных религиозных групп и организаций к злободневным политическим вопросам — к борьбе за сохранение и углубление разрядки международной напряженности, против угрозы новой мировой войны, против проявлений фашизма, расизма, неокOLONиализма и т. д. Возьмем, например, недавнюю антинародную войну во Вьетнаме. Как известно, часть южновьетнамских буддистских священников оказывали всемерную поддержку сайгонским марионеткам американского империализма, в то время как ряд буддистских священников сжигали себя на площадях южновьетнамских городов в знак протеста против «грязной войны» интервентов и их пособников во Вьетнаме. Подобные факты показывают, что политическую ориентацию религиозных деятелей

определяют не сами модифицированные религиозные воззрения, а вполне реальные требования и интересы классов и масс — экономические, политические, национальные; что же касается деятелей религиозных организаций, то, учитывая настроения верующих, они лишь примыкают к возникшему независимо от них массовому прогрессивному движению.

ЛЕНИНСКИЙ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА МАРКСИСТОВ И ТРУДЯЩИХСЯ-ВЕРУЮЩИХ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Неизменная консервативная сущность религиозной идеологии, в том числе ее модернизированных, рационалистических версий, не может быть доводом против тесного сотрудничества коммунистов и верующих, их совместной борьбы за прогрессивные, гуманные цели. Современная динамичная эпоха, поставившая в повестку дня проблемы социального переустройства общества, утверждение социалистических отношений, создала для этого более благоприятные возможности.

Развитие диалога коммунистов и верующих во многих буржуазных и развивающихся странах, их всестороннее практическое сотрудничество в социалистическом обществе выдвигают на первый план необходимость четкого определения философских, теоретических и политических позиций марксистов в этом диалоге, опирающихся на научную разработку различных проблем религиозного комплекса.

Марксистско-ленинская методология позволяет строго научно анализировать новые идеологические и политические процессы в религиозной среде, вскрывать их сложный и противоречивый характер. Теоретическая марксистская мысль, коллективно разрабатываемая братскими марксистско-ленинскими партиями и творчески используемая ими с учетом особенностей и конкретных условий их стран, опирается на глубоко обоснованный В. И. Лениным прин-

цип единства марксистов и трудящихся-верующих в борьбе за социальный прогресс.

Изучение, критический анализ религиозного института, его идеологии и социальной функции В. И. Ленин осуществлял в тесной связи с общими проблемами революционного переустройства общества. В. И. Ленин намечал политическую линию партии, обосновывал отношение коммунистического движения к тем слоям населения, которые находятся под влиянием религии. И в этом вопросе, продолжая, защищая и развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин выступал против «левацкой» фразеологии и «авантюры политической войны с религией»¹. Терпеливое материалистическое просвещение пролетариата, исключаящее любое кокетничанье, заигрывание с религиозными заблуждениями, должно сочетаться, по мысли Ленина, с активными действиями, направленными на создание массового революционного движения, развитие классовой борьбы.

Используя материалистическую диалектику для анализа религиозного феномена, путей его преодоления, В. И. Ленин рассматривал проблему многогранно. Дело не только в том, что выдвижение на первый план деления по религиозному признаку способствует отвлечению внимания «некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма»². Преодоление религиозных заблуждений связано не только и не столько с пропагандой, сколько с общественной практикой, участием самих верующих в освободительном движении. Ленин целиком разделяет идею Ф. Энгельса о том, что «только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 417.

² Там же.

в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза»¹.

Ленин специально обращал внимание на то, что попытки объяснить кажущуюся «умеренность» марксизма по отношению к религии так называемыми «тактическими» соображениями (в смысле желанния «не отпугнуть» и т. п.) связаны с непониманием основ марксистской философии, неумением материалистически объяснить источник веры и религии у масс.

Для материалиста, стремящегося к радикальным изменениям в области сознания, важно, предостерегал Ленин, не ограничиваться абстрактно-идеологической проповедью. Решающим тут является утверждение объективных условий, исключающих возможность порождения религиозных иллюзий, и поэтому все должно быть поставлено «в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»².

Перестройка социальной жизни, ликвидация экономических основ и политических институтов эксплуататорского общества затрагивают интересы всего пролетариата, всех трудящихся безотносительно к их философским, религиозным и прочим взглядам. Поэтому марксизм-ленинизм неизменно выступает за сплочение, тесное классовое сотрудничество широких масс трудящихся, атеистов и верующих, исходя из общности их коренных земных интересов.

История показывает, что воздействие народных масс на объективные условия жизни, общественная значимость их трудовой деятельности и влияние классовой борьбы на ход истории со временем количественно и качественно изменяются. Марксистско-ленинская теория, установив решающую роль народных масс в общественном развитии,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 416.

² Там же, с. 418.

вскрыла и такую общесоциологическую закономерность, как последовательное возрастание этой роли в историческом процессе. К. Маркс отмечал: «Вместе с основательностью исторического действия будет... расти и объем массы, делом которой оно является»¹. В. И. Ленин назвал это положение одним из «самых глубоких и самых важных»² в марксизме; он неоднократно в разной связи анализировал возрастание роли народных масс в общественном развитии, особенно в период становления власти рабочего класса и социалистического строительства.

Любое искусственное ограничение совместных действий всех слоев трудящихся по осуществлению их основных интересов только потому, что они еще находятся в плену чуждых марксизму иллюзорных идеологических взглядов, задерживает развитие общества, тормозит решение практических задач, стоящих на повестке дня истории.

Важнейшей теоретической и политической проблемой современности, на решение которой направлены коллективные усилия марксистско-ленинских партий, является проблема создания и упрочения массового антиимпериалистического движения. Научный анализ современного социального развития, положения, умонастроений и чаяний различных оппозиционных империализму общественных сил и организаций, групп населения, учет их возросшей политической активности был в центре внимания XXVI съезда КПСС, других состоявшихся в последнее время съездов братских коммунистических и рабочих партий. Жизнь подтверждает тезис коммунистов о том, что обуздать агрессивную природу империализма, обеспечить благоприятные условия для ускоренного социального прогресса возможно благодаря совместным действиям, сотрудничеству оппозиционных капитализму и империализму сил.

Проблема единства рабочего класса, его союза с непролетарскими трудящимися массами, в первую очередь с

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 90.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539.

крестьянством, со всеми демократически настроенными социальными слоями предполагает решение вопросов сотрудничества с левыми, демократическими силами, действующими в рамках конфессиональных организаций.

При определении принципов взаимоотношений с этими категориями населения коммунистические партии исходят из ленинских указаний о том, что максимальная гибкость в организации единства действий и политических союзов предполагает идейную принципиальность. Союз достигается не за счет неких идеологических «уступок», а на основе объективной общности интересов, реалистического понимания тенденций развития. Тут одинаково противопоставлены как сектантская замкнутость, так и оппортунистическая всеядность.

В наши дни некоторые религиозные круги порою высказывают мнение о необходимости для коммунистических партий «официального разъединения коммунизма и атеизма»¹ и предоставления каждому члену партии свободы выбора по мировоззренческим вопросам. Такое отделение коммунизма от диалектико-материалистических воззрений будет способствовать налаживанию диалога между коммунистами и верующими. В противном случае философские различия сделают невозможной совместную борьбу.

Сходные трактовки можно встретить и у ревизионистски ориентированных лиц в ряде западноевропейских стран. Например, на состоявшемся зимой 1980 г. в Лионе коллоквиуме о «христианских ценностях и марксистской критике» в выступлении Ж. Элленштейна была предпринята попытка локализовать принципиальные идеи Маркса о сущности религии, объявив их соответствующими лишь особенностям развития Германии в 40-х годах прошлого столетия. Он же «доказывал», что научный и социальный прогресс вовсе не снижает потребности в трансцендентном, и выступал за мировоззренческий нейтралитет партии².

¹ La Croix, 1977, 13.IX.

² Le Monde, 1980, 12.XI.

В других выступлениях на этом коллоквиуме также протаскивалась идея о том, что, лишь отказавшись от философского материализма, коммунисты смогут наладить искреннее сотрудничество с верующими.

Относительно подобных суждений следует отметить, что, во-первых, марксисты-ленинцы никогда не связывают налаживание конкретного практического сотрудничества верующих и неверующих с необходимостью определенного мировоззренческого выбора. Мировоззренческие различия не могут быть препятствием для единых социально-политических действий. И это касается как периода революционной борьбы, так и социалистического созидания. Новое общество строится не против верующих, а вместе с ними; расхождения по религиозным вопросам не должны мешать уважению убеждений каждого.

Во-вторых, налаживая диалог и сотрудничество с массами верующих, марксисты-ленинцы вовсе не должны «изменять» своему диалектико-материалистическому мировоззрению или «маскировать» его.

Совершенно справедливым представляются рассуждения французского марксиста Ги Бесса о том, что «именно в нашем материализме мы черпаем убеждение, которым делимся и с нашими партнерами, что диалог не просто уместная игра или дымовая завеса. И хотя для некоторых это может показаться парадоксальным, но мы начинаем диалог с христианами не вопреки нашей философии, а в полном согласии с материалистической диалектикой». Далее Ги Бесс пишет: «Наше революционное стремление изменить мир исходит не из мечты, а из объективного познания его законов, а мир можно изменить только совместными усилиями всех, кто имеет основания желать лучшего»¹.

Развивая эту мысль, Ги Бесс в другом выступлении с полным на то основанием подчеркивает: «Коммунистам вовсе не требуется отречься от своей диалектико-мате-

¹ La Nouvelle critique, 1967, № 1, p. 34.

риалистической философии для диалога с христианами и создания наилучших возможностей широкого объединения прогрессивных сил против власти монополий. Марксистско-ленинская концепция союза всех трудящихся, объединенных общими интересами, независимо от различий в их идеологических взглядах, всецело исходит из принципов исторического материализма»¹.

Реализация ленинских заветов о единстве действий всех трудящихся безотносительно к их религиозным взглядам предполагает, особенно в условиях классово антагонистического общества, учет следующего. Традиционное сопротивление религии и церкви историческому прогрессу, научному знанию, попытки вкупе с обреченными классами затормозить, остановить социальное развитие — все это наглядно свидетельствует о консервативной общественной функции религиозной идеологии. Поэтому постепенное преодоление превратного религиозного миропонимания, освобождение сознания народных масс от вековых иллюзий и заблуждений, приобщение их к научному мировоззрению — самое радикальное и оптимальное условие освобождения и от политической опеки церковников. Однако освобождение от религиозных верований — процесс длительный, требующий определенных объективных и субъективных условий, причем решающим, как уже подчеркивалось, здесь является само практическое участие верующих масс в переустройстве мира. Тут важно учесть и то, что в нашу эпоху все большее число верующих отказываются воспринимать свою веру как призыв к смирению, уходу от действительности; они активно участвуют в общей борьбе за справедливое общество и отказываются выступать проводниками политики реакционных, консервативных сил. В результате значительно расширилась социальная база антикапиталистического и общедемократического движения, в том числе за счет верующего населения, некоторых конфессиональных

¹ Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., 1975, с. 54.

организаций. Учет этого жизненного противоречия, заключающегося в объективно прогрессивном характере действий некоторых левых групп массового конфессионального движения вопреки его религиозной форме, конкретный анализ его социальной значимости и функции — необходимые условия выработки правильной позиции коммунистических и рабочих партий по отношению к религиозным организациям, массовым движениям, проходящим под религиозным флагом.

Неизменная цель марксистско-ленинских партий, действующих в капиталистических странах, состоит в том, что они, руководствуясь ленинским положением — «создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹, — стремятся организовать многостороннее сотрудничество с верующими массами для совместного отстаивания народных интересов, демократии, социального прогресса, для совместных выступлений против монополий, угрозы войны и термоядерной опасности, фашизма и расизма. Об этом не раз говорилось на национальных и международных форумах коммунистов, в том числе на международном Совещании в Москве (1969 г.), Берлинской конференции европейских коммунистических и рабочих партий (1976 г.), Парижской встрече коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение (1980 г.).

Особое внимание уделяется коммунистическими партиями налаживанию единства действий с массами трудящихся-верующих развивающихся стран. Например, в заявлении, принятом на встрече представителей коммунистических и рабочих партий Египта, Иордании, Ирака, Ливана, Марокко, Сирии, Судана, Туниса и других арабских стран, состоявшейся в апреле — мае 1981 г., специально отмечалось, что в борьбу против империализма, диктатуры, социального гнета и коррупции, за сохранение национальной независимости вовлекаются широкие общественные слои, в том

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146.

числе и политические движения под исламскими лозунгами. Это явление не ново. Патриотически настроенные религиозные деятели и раньше вносили положительный вклад в эту борьбу. Коммунистические и рабочие партии арабских стран стремятся объединить и скоординировать усилия с этими движениями ради достижения общих целей. Наши партии, подчеркивалось в заявлении, в то же время предупреждают, что империалисты и их пособники хотят использовать реакционные слои и движения, прикрывающиеся религией, для подрыва национального единства, насаждения антикоммунизма и вражды ко всякому социальному прогрессу, для разжигания религиознообщинной розни. Именно это имеет место в Сирии, где действует клика «братьев-мусульман»¹.

Широкие массы верующих, подвергаясь наряду со всеми трудящимися капиталистической эксплуатации, в наши дни все чаще вынуждены прибегать к средствам классовой защиты своих насущных интересов. Союзу и сотрудничеству трудящихся безотносительно к их мировоззренческим позициям способствует и то, что ныне, как выше говорилось, имеется целый ряд леворадикальных религиозных деятелей, которые ратуют за диалог с коммунистами, стремятся сотрудничать с ними по социально-политическим вопросам, в том числе в профсоюзном движении, во время выборов и т. д. Они считают совместной задачей марксистов и верующих всех вероисповеданий создание общества свободных и равных людей. Некоторые из них даже открыто заявляют о необходимости ознакомления верующих с марксистскими идеями о социальной справедливости, особенно с их целеустремленной практической деятельностью, направленной на достижение социальной справедливости и свободы. В таком духе было выдержано заявление 192 рабочих-священников, опубликованное в октябре 1977 г.²

¹ См: Правда, 1981, 5 июля.

² La Croix, 1977, 14.X.

В настоящее время все чаще проводятся открытые дискуссии верующих и коммунистов для выработки совместной позиции по конкретным вопросам. Это стало обычным явлением для целого ряда стран.

Так, разносторонняя дискуссия с целью понять друг друга и наметить пути сотрудничества по конкретным вопросам состоялась в октябре 1980 г. в Марселе. Около 2 тысяч человек, в том числе верующие — христиане, мусульмане, последователи иудаизма, как и неверующие, марксисты, были согласны в том, что единство действий ныне необходимо больше, чем когда бы то ни было. Приводились конкретные данные, аргументы, показывающие, что разделяет людей не вера или неверие, а классовые антагонизмы, обусловленные социальными отношениями. Отсюда делался вывод о единстве коренных социальных интересов, о необходимости совместной профсоюзной и классовой борьбы, несмотря на все различия по мировоззренческим вопросам.

Исследования показывают, что среди верующей части населения крепнет убеждение, что именно коммунисты являются наиболее последовательными борцами за социальную справедливость. Например, не случайно во Франции 58 процентов верующих считают возможным быть членами коммунистической партии¹.

С целью понять друг друга и наметить пути сотрудничества по конкретным вопросам все шире практикуются в последнее время совместные издания коммунистов и служителей церкви или публикации теологов, посвященные этим вопросам. Привлекает внимание изданный в Вене сборник «Вехи христианства». Так, помещенная в нем статья западногерманского теолога Т. Вильсдорфа раскрывает практику левых (правда, еще немногочисленных) религиозных сил в ФРГ. Для них, по словам теолога, «изучение теории Маркса и Энгельса — само собой разумею-

¹ L'Humanité, 1980, 25.X.

щееся явление»¹, они черпают из теории научного социализма много полезного для своей деятельности, готовы к совместным действиям с другими прогрессивными силами (в том числе против неонацистских тенденций).

Представитель австрийских левокатолических кругов А. Кримс в этом же издании, анализируя вопрос о соотношении между католицизмом и общественным прогрессом, считает необходимым, чтобы католики четко отмежевались от идеологии феодального и буржуазного общества, пересмотрели свое отношение к частной собственности и отказались от нее как от «непременной ценности». Выработывая новую морально-этическую и общественно-экономическую альтернативу, следует, по мнению автора, «воспринять некоторые ценности марксизма». Позитивно оценивая политику коммунистических партий на сближение с демократическими религиозными кругами, Кримс делает вывод, что и католики «не должны самонезолироваться в борьбе за специфически христианский прогресс, а обязаны слиться с другими силами, идущими общим путем прогресса»².

Увеличивающаяся общность взглядов верующих и коммунистов опирается не только на одинаковое негативное отношение к капиталистической системе хозяйства, но и на все большее осознание массами верующих необходимости утверждения социалистических принципов общежития, совместной защиты завоеваний, достигнутых в процессе освободительной борьбы.

Это наглядно проявляется, например, в сегодняшнем Никарагуа. В изданном в начале 1981 г. официальном документе руководства Сандинистского фронта национального освобождения обращалось внимание на принявшие большие размеры спекуляции врагов Фронта на вопросах религии, на распространение ими слухов о возможности

¹ Dotter F., Malkin W., Sampl J. (Hrsg.). Christliche Markierungen. Wien, 1979, S. 315.

² Ibid., S. 280.

преследования верующих и служителей культа после победы революции и т. д.

В документе отмечалось, что на протяжении многих лет многие верующие, представляющие протестантские и католическую церкви, включая служителей культа, активно участвовали в рядах Фронта в борьбе против террористической диктатуры Сомосы. Многие из них пали. При этом в освободительной борьбе их вдохновляла религиозная вера. Таким образом, подчеркивалось в документе, «нет непреодолимого противоречия в том, чтобы быть одновременно и верующим, и последовательным революционером»¹.

Все это создало благоприятные возможности для участия христиан в революционном процессе не только на этапе борьбы за власть, но и в строительстве нового общества. Доказательство тому — участие трех священников в сандинистской Ассамблее, предоставление всем гражданам Никарагуа, включая священников и монахов, права участвовать в правительстве страны.

Подтверждая неотъемлемое право каждого на любые — религиозные или атеистические — взгляды и убеждения, руководство Фронта в то же время предостерегало от использования их в контрреволюционных целях. Это предостережение тем более уместно, что хотя в Никарагуа, подчеркивалось в документе, большинство верующих активно поддерживают революцию и участвуют в ней, но существовала и существует еще прослойка верующих, особенно представителей церковной иерархии, занимающих контрреволюционные позиции.

Остро сказывается необходимость объединения всех демократических — светских и конфессиональных — сил в современной Португалии, особенно в деле защиты завоеваний революции. Отношение к борьбе в защиту аграрной реформы, нынешней конституции, всех завоеваний трудящихся, достигнутых после победы революции 25 апреля

¹ La Documentation catholique, 1981, 15.III, p. 299.

1974 г., свергнувшей фашистский режим, составляет водораздел между силами демократии, прогресса и фашизма, реакции. Определенное значение имеет и отношение церкви к этим вопросам, налаживание единства действий верующих и неверующих в защиту идеалов, целей и достижений апрельской революции. Португальская коммунистическая партия прилагает большие усилия для упрочения единого демократического фронта всех левых, прогрессивных сил. В конце апреля 1981 г. еженедельный теоретический журнал Португальской коммунистической партии «Милитанти» посвятил большой материал позиции партии в отношении католической церкви и верующих страны. Католические организации, говорилось в нем, высказываются теперь по таким вопросам, как пересмотр конституции, проблемы «Общего рынка», ядерного оружия и мира. По ним и по другим проблемам в католической среде имеются также две противоположные позиции: реакционная, отсталая, и прогрессивная, демократическая. В статье содержится призыв к коммунистам страны искать пути сотрудничества с католиками, изживать еще бытующие среди членов партии сектантские настроения, с тем чтобы «усилить взаимопонимание и сотрудничество между коммунистами и католиками на базе взаимной заинтересованности, борьбы против угнетения, нищеты и эксплуатации человека человеком».

Целенаправленное вовлечение широких мусульманских масс в активное строительство нового общества, защиту его завоеваний характерно для нынешнего руководства Демократической Республики Афганистан. Говоря об особенностях этого курса, член Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана Султан Али Кештманд подчеркивал стремление строить новый Афганистан, руководствуясь общими законами строительства общества без угнетения и эксплуатации, учитывая в то же время специфику мусульманской страны. Революционное руководство вновь продемонстрировало это в «Основных принципах Демократической Республики Афганистан». Они

включают в себя уважение ислама, национальных традиций и обычаев. «Своей политикой и практическими действиями мы демонстрируем уважение к свободе совести, к религии, которую исповедует мусульманский народ Афганистана. Правительство не вмешивается в дела веры, люди теперь действительно располагают религиозными свободами»¹.

Программные установки новой власти, в том числе по отношению к религии, верующим-мусульманам, были еще раз наглядно раскрыты в речи Председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Бабрака Кармала на первой в истории Афганистана конференции улемов и духовенства. Сам созыв этой конференции, подчеркнул он, приобретает весьма важное значение, поскольку трудящиеся-мусульмане ДРА ведут решительную борьбу против сил империализма и реакции, за претворение в жизнь намеченных апрельской революцией целей, которые отвечают чаяниям трудящихся-мусульман Афганистана. В ДРА гарантируется свобода вероисповедания, и для этого обеспечены все условия, заявил он.

Бабрак Кармаль обратился ко всем мусульманам — патриотам Афганистана с призывом объединиться в одну мощную силу, чтобы дать достойный отпор проидам врагов исламского трудового народа Афганистана, защитить независимость, территориальную целостность и национальный суверенитет своей страны от агрессивных намерений империализма и реакции. В соответствии с основными принципами ДРА, отметил Бабрак Кармаль, мы будем строить в Афганистане новое общество на основе справедливости, равенства, глубоко уважительного отношения к религии. И никто не сможет свернуть нас с этого пути².

Развивая эти же идеи в интервью западногерманскому журналу «Шпигель» летом 1980 г., Б. Кармаль развенчал суть реакционной пропаганды о некоей враждебности революционной теории и революционной практики интересам

¹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 19.

² См.: Правда, 1980, 1 июля.

верующих-мусульман, раскрыл механизм политического манипулирования исламом со стороны антинародных сил. «Наше мировоззрение является научным, Народно-демократическая партия Афганистана и наше государство честно обещали служить своему народу, а это значит,— подчеркнул Б. Кармаль,— служить ему во всех областях: политической, научной и культурной. Мы будем целиком уважать традиционные религиозные верования».

Интерес к данному интервью обусловлен тем, что в нем убедительно были разоблачены спекуляции реакционных кругов некоторых мусульманских стран (таких, как Саудовская Аравия, Египет, Пакистан и Объединенные Арабские Эмираты) на религиозных чувствах масс мусульман, их попытки противопоставить революционную теорию и практику ценностям ислама, хотя, как подчеркнул Бабрак Кармаль, на деле мировоззрение рабочего класса, прогрессивная революционная теория никогда не могут идти вразрез с интересами мусульманских трудящихся.

В наши дни многие религиозные деятели в силу целого ряда обстоятельств соглашались с необходимостью диалога с атеистами и коммунистами, вынуждены практически участвовать в нем. Подчеркивая важность налаживания единства действий со всеми категориями верующего населения, в первую очередь с трудящимися, а также со служителями культа, искренне стремящимися к международной разрядке, нужно в то же время четко представлять, что, идя на диалог, ряд руководящих религиозных деятелей преследуют, по существу, антикоммунистические цели. В свое время папа Павел VI предостерегал церковную иерархию от представлений об изменении позиции церкви «по отношению к заблуждениям, распространенным в обществе и уже осужденным церковью, к атеистическому марксизму», ибо, наставляя он, «принимать срочные целительные меры от заразной и смертельной болезни означает не изменение мнения о ней, а стремление ее побороть не только в теории, но и на практике».

Руководство католической церкви учредило специальный Секретариат по делам неверующих, в обязанности которого входит и осуществление диалога. Правда, официальное руководство католической церкви стремится использовать диалог для того, чтобы противостоять марксизму-ленинизму и бурно развивающемуся процессу секуляризации масс, найти возможности сохранения своего влияния, пути распространения религиозной доктрины среди неверующих. Об этом довольно недвусмысленно говорится в документе «Диалог с неверующими», опубликованном несколько лет назад Секретариатом по делам неверующих в Риме.

В документе раскрывается официальная католическая трактовка сути диалога, необходимого церкви для следующих целей: «пропаганды евангелия», «лучшего понимания верующими существа религиозных ценностей», «поисков рациональных доказательств веры», «содействия усовершенствованию веры», использования «возможности изложения своих позиций перед аудиторией, к которой они не могли бы обратиться иначе», «выяснения истин сверхъестественного порядка и их роли в жизни человека» и т. д. Осуществление подобным образом понятого диалога официальная церковь поручает только специально подготовленным для этой цели экспертам, которые в каждом случае должны получать разрешение церковных властей и строго выполнять все канонические предписания.

Идея диалога и сотрудничества верующих и марксистов встречает сопротивление как в правых конфессиональных кругах, так и среди буржуазных идеологов, политиков. Примечательна в этой связи книга французского буржуазного социолога и историка Ж. Эллюля «Марксистско-христианская идеология», в которой в качестве пугала представлена «зараза марксизма», проникающая в среду христиан и ориентирующая их на необходимость совместных политических действий, на борьбу за интересы угнетенных¹.

¹ Ellul G. L'Ideologie marxiste chretienne. Paris, 1979.

В ходе диалога большинство церковной иерархии надеется укрепить свои позиции, завоевать массы, вырвав их из-под влияния коммунизма путем пропаганды обновленной теологической и социальной доктрины. Нередко выдвигаются «предварительные условия» диалога — прекращение критики религии, пропаганды научно-атеистического мировоззрения в массах и вообще отказ от основных принципов марксистско-ленинской философии. Поэтому представляется справедливой позиция братских марксистско-ленинских партий капиталистических стран, считающих, что диалог, в сущности, может выступать как одна из новых форм идеологической борьбы, которая навязывается епископату в тот момент, когда брань, гневные анафемы кажутся ему уже бесполезными¹.

Участие в диалоге плодотворно в том случае, когда оно направлено на решение прогрессивных социально-политических целей, отвечающих интересам широких масс.

Отвергая стремление клерикальных кругов превратить диалог в средство борьбы против коммунистической идеологии, диалектико-материалистического мировоззрения, в средство распространения буржуазно-клерикальных идей среди марксистского рабочего движения, зарубежные марксисты с полным на то основанием подчеркивают, что главное содержание диалога и его коренные цели должны быть практически-политические, направленные на налаживание совместных действий трудящихся для решения актуальных проблем. «Мы,— пишет член Правления Германской коммунистической партии Р. Штайгервальд в книге «Марксизм, религия, современность»,— стремимся достичь взаимопонимания между марксистами и христианами в том, чтобы определить, от какой политики и от каких социальных сил исходит угроза миру... Мы хотим обсудить наши совместные действия в деле обеспечения мира и на основе

¹ Leroy R., Casanova A., Moine A. Les marxistes et l'évolution du monde catholique. Paris, 1972, p. 51.

совместно выработанной программы действий бороться против империализма, милитаризма, войны»¹.

Реализуя политику единства действий широких народных масс, коммунистические и рабочие партии в капиталистических странах рассматривают в качестве своих боевых товарищей верующих, которые готовы бороться вместе с ними за удовлетворение экономических требований, за социальный прогресс, против агрессивной политики империалистической буржуазии. Во всех случаях, учитывая процесс расслоения в религиозных организациях, коммунисты стремятся поддерживать в них антикапиталистическую, антимонополистическую направленность, способствовать их освобождению от подчинения реакционным социальным силам. В этой политике, основывающейся на наличии массовых общественных движений под религиозными лозунгами, как никогда, важна конкретно-историческая постановка вопроса. Дело в том, что в одних случаях религиозная форма, например идея слияния христианства (ислама, буддизма и т. д.) и социализма, представляет собой средство борьбы с социализмом, стремление растворить научный социализм в религиозных категориях. В других случаях эта же идея используется для противодействия антикоммунизму, для привлечения верующих масс к борьбе за демократию, за социализм и национальное освобождение народов, для приобщения их к идеям социализма. Сторонники этой концепции искренне верят в возможность «взаимодополнения» религиозного и коммунистического мировоззрений, выступают за совместные действия верующих и коммунистов во имя достижения прогрессивных — общедемократических и даже социалистических целей.

Это и служит идейной основой действительного классового сотрудничества всех слоев трудящихся, получающего в настоящее время широкое распространение. Сама обста-

¹ *Steigerwald R. Marxismus, Religion, Gegenwart. Frankfurt, 1973, S. 54—55.*

новка эксплуатации и подавления личности, характерная для эксплуататорского строя, делает верующих все более восприимчивыми к идеям социализма. Это подкрепляется и тем, что массы верующих на собственном опыте убеждаются, что научный социализм на деле добивается гуманных целей возвышения и развития личности, искоренения всех видов социальной несправедливости. Поэтому все более широкие массы верующих осознают необходимость тесного сотрудничества с коммунистами; поэтому в настоящее время практически на любые массовые движения, в том числе проходящие под религиозным флагом, успехи теории и практики социализма оказывают огромное влияние.

Знаменательные признания содержатся в книге «Истинный диалог» французского священнослужителя А. Анселя, в которой рассказывается, как под воздействием сотрудничества с коммунистами христиане подвергают переоценке некоторые религиозные догмы, как бы по-новому прочтывают основные заповеди евангелия, преодолевая сугубо моралистский подход к социальным явлениям, острее воспринимают идеи социальной справедливости¹.

При этом, подчеркивает Ансель, трансформируется и сам образ бога: как бы теряя часть своей трансцендентной сущности и приобретая демократические черты, он все более воспринимается верующими как борец за освобождение угнетенных, против любых форм эксплуатации человека человеком.

Разумеется, сближение взглядов верующих и коммунистов по целому ряду актуальных вопросов социальной действительности создает благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления их сотрудничества во имя социального прогресса. Но это вовсе не означает, что сознание верующих эволюционирует в сторону материализма, а сами они становятся последователями марксистской теории общественного развития. Так, в этой же книге «Истин-

¹ *Ansel A. Dialogue en vérité. Chrétiens et communistes dans la France d'aujourd'hui. Paris, 1979, p. 45, 46, 48.*

ный диалог» говорится о разных пониманиях классовой борьбы. Марксистская ее трактовка объявляется противоречащей духу милосердия, евангельскому тезису «любви к ближнему». Участие верующих в классовой борьбе предполагает, по мнению Анселя, любовь ко всем людям, в том числе и к своим классовым противникам, ибо это-де придает ей большую эффективность: «Любовь сильнее злобы, и в социальных конфликтах любовь к противнику позволит проводить более трезвый анализ реальностей и осуществить выбор эффективных средств ее реализации»¹.

Политика марксистско-ленинских партий, направленная на объединение различных отрядов рабочего класса, всех трудящихся, научно обоснована, глубоко жизненна, ибо опирается на объективные, социально-экономические процессы в развитии общества. Современная история подтверждает отмеченную В. И. Лениным еще в конце прошлого века тенденцию отдельных элементов и классов антагонистического общества «стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах»².

В нынешних условиях в объединении всех трудящихся, широких республиканских и демократических сил — залог социального прогресса, лучшего будущего народов. Поэтому всяким попыткам религиозных сил «разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов», братские коммунистические и рабочие партии, следуя заветам Ленина, противопоставляют «спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного мирозерцания»³.

¹ *Ancel A. Dialogue en vérité. Chrétiens et communistes dans la France d'aujourd'hui*, p. 165.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 2, с. 207.

³ Там же, т. 12, с. 146—147.

БОРЬБА ЗА МИР И СОТРУДНИЧЕСТВО ВСЕХ ЛЮДЕЙ ДОБРОЙ ВОЛИ

Важность упрочения союза и единства действий трудящихся, налаживания сотрудничества всех демократических и пацифистских сил безотносительно к их мировоззренческим исканиям, в том числе независимо от отношения к религии, особенно наглядна сегодня, когда остро встает необходимость решения глобальных проблем, касающихся всего населения планеты. В первую очередь это проблемы развёртывания борьбы за прочный мир, за осуществление разоружения, за сохранение разрядки международной напряженности. Выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве, товарищ Л. И. Брежнев глубоко обосновал мысль о том, что ни мир, ни разрядка не утверждаются сами собой; они могут быть достигнуты лишь в результате упорной и совместной борьбы различных миролюбивых сил и организаций, в том числе людей с различными мировоззренческими взглядами.

Актуальность решения этих проблем определяется тем, что ущерб, причиняемый войнами жизненным интересам человечества, складывается не только из их, так сказать, непосредственных последствий — потери генетические (гибель миллионов молодых людей), материальные (уничтожение производительных сил, исторических и культурных ценностей), психологические (распространение чувства скорби, пессимизма, неуверенности) и т. д. Войны, международная напряженность, гонка вооружений препятствуют также решению и других злободневных глобальных проблем. Именно поэтому в последнее время проблема расширения сотрудничества различных по своему социальному составу и идеологическим устремлениям антивоенных сил приобрела особое значение.

Главное в сотрудничестве антивоенных сил, разумеется, — это выступления за мир, против гонки вооружений,

против культа силы и принуждения, политики диктата в международных отношениях, за предотвращение войны с применением новейших видов оружия массового уничтожения. Но проблема не исчерпывается только этим. С антивоенной деятельностью сегодня непосредственно связано решение и других глобальных проблем, потому что именно в условиях мира могут быть ликвидированы на земле голод и нищета, выработаны и осуществлены мероприятия по рациональному и комплексному использованию природных ресурсов, по охране окружающей среды, по международному сотрудничеству в области научных исследований, по использованию достижений научно-технической революции и т. д.

Все большее осознание глубокой внутренней взаимосвязи между возможностью решения этих проблем и процессом упрочения разрядки международной напряженности основывается на опыте человечества за последние десятилетия, опыте, который свидетельствует о том, что антитеза разрядке — гонка вооружений, обострение международной напряженности, международные конфликты вызывают резкое обострение экологических, сырьевых и продовольственных проблем, способствуют консервации отсталости развивающихся стран.

В современных условиях негативное влияние гонки вооружений и «холодной войны» рассматривается в мировом общественном мнении не только с точки зрения увеличения угрозы термоядерной войны; ныне внимание широких общественных кругов, в том числе религиозных, все более привлекают также и другие многочисленные отрицательные их последствия. Гонка вооружений, попирая все нормы нравственности и справедливости, поглощает огромные интеллектуальные и материальные ресурсы, необходимые для решения общечеловеческих проблем, начиная от предотвращения загрязнения окружающей среды и кончая ликвидацией социально-экономической отсталости развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В решении глобальных проблем необходимы целеустремленные усилия всех народов и стран независимо от их общественного строя.

Непосредственная связь глобальных проблем современности с процессом разрядки напряженности не может не оказать серьезное влияние на формы и содержание деятельности антивоенных общественных сил и движений, как на национальном, так и на международном уровне, не может не усилить их нравственную ответственность. Борьба за решение глобальных проблем составляет ныне важную часть общей борьбы этих сил за прочный, справедливый и демократический мир, за осуществление разоружения, за международное сотрудничество, за сохранение достижений мировой цивилизации.

Все сказанное подтверждает наличие общих интересов у всех сил, заинтересованных в сохранении мира, и убеждает в возможности их объединения и сотрудничества. В наши дни расширяется и амплитуда их деятельности, и сам состав этих сил.

Антивоенные силы включают в себя политические партии, массы рабочих, крестьян, интеллигенции, профсоюзные, женские, молодежные организации, религиозные движения, движения деятелей науки и культуры, представителей национальной буржуазии — словом всех, кому дорого дело мира на земле и кто понимает, что современная война не может уже быть средством для достижения политических целей.

Коммунисты видят принципиальные возможности для налаживания сотрудничества всех сил, заинтересованных в сохранении мира. Значительный импульс подобному сотрудничеству дала программа практических действий, принятая международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г. Совещание подчеркнуло, что основным звеном антиимпериалистических действий является борьба против угрозы мировой термоядерной войны, за мир во всем мире.

Коммунисты много сделали для мобилизации общест-венности, для сплочения миролюбивых сил, различных по своим идейным и политическим позициям. Братские партии приняли самое активное участие в подготовке и проведении Всемирного конгресса миролюбивых сил (Москва, 1973 г.), Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), Всемирного форума миролюбивых сил (Москва, 1977 г.), Форума европейской общественности за разоружение и безопасность (Бельгия, 1979 г.). Важное место среди этих крупнейших международных встреч миролюбивых сил занимает Всемирный парламент народов за мир, состоявшийся в Софии в сентябре 1980 г. В нем участвовали делегаты из 137 стран — представители более 300 политических партий и организаций, в том числе религиозных.

Нарастание борьбы народных масс против военной опасности особенно необходимо в нынешней обстановке, когда американо-натовские круги стремятся покончить с разрядкой и развернуть новый, чрезвычайно опасный тур гонки вооружений, добиваясь военного превосходства над СССР, социалистическим содружеством и ставя под угрозу достижения мировой цивилизации, все живое на планете. Четко была поставлена эта проблема в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии: «В условиях нынешнего осложнения международной обстановки сотрудничество с социал-демократами, с профсоюзами, с религиозными кругами, со всеми демократическими, миролюбивыми силами в вопросах предотвращения войны и укрепления мира представляется нам важным»¹.

Руководители различных религиозных организаций все чаще выступают в пользу разрядки, в защиту мира между народами, против гонки вооружений, особенно против развертывания производства средств массового уничтожения населения. В таком духе были выдержаны выступления ру-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 19.

ководителей русской православной церкви, ряда протестантских и мусульманских деятелей.

Католической церковью, начиная с понтификата Иоанна XXIII, был осуществлен ряд положительных пацифистских демаршей. Павел VI установил день мира, который ежегодно с 1 января отмечается церковью начиная с 1968 г.

В послании 1975 г. Павел VI напомнил о хиросимской трагедии 6 августа 1945 г. и выразил большую озабоченность по поводу ряда тревожных явлений, в том числе гонки вооружений во всем мире, которая «становится чрезмерной» и вызывает «обоснованное опасение», торговли оружием, которой «предоставляется приоритет на международных рынках».

Тревогу папы вызывали также «очаги вооруженных конфликтов». Все, что препятствует миру, требует «постоянного лечения», а также «непрерывных и разумных усилий той высшей творческой фантазии, которую называют дипломатией». Однако, по мнению Павла VI, самым важным оружием является «моральное оружие». Исходя из христианских идей всепрощения, он снимал проблему законного отпора империалистической агрессии, считая, что «мира можно добиться только с помощью мира, который неотделим от долга справедливости, но основан на самопожертвовании, милосердии, всепрощении и человеколюбии».

Пацифистская политика была продолжена папой Иоанном Павлом II. В послании ответственным руководителям всех стран по случаю 1 января 1979 г. он выступил за воспитание людей, в первую очередь молодежи, в духе мира, чтобы преодолеть тенденцию терроризма. Его послание в связи с днем мира 1 января 1980 г. носило название «Справедливость и мир» и отражало глубокое беспокойство по поводу ситуации, сложившейся в мире.

Не упоминая непосредственно о дискуссии, которая предшествовала сессии совета Атлантического союза в Брюсселе, и о дискуссии, которая развернулась в связи с намерением американской военщины навязать западноевропей-

ским странам решение о размещении на их территории ракет среднего радиуса действия, папа Иоанн Павел II затронул в своем послании, в частности, проблему гонки вооружений. Он заявил: «Обстановка, в которой живет сейчас человечество, судя по всему, характеризуется трагическим противоречием между многочисленными и пылкими заявлениями о мире, с одной стороны, и, с другой стороны, не менее реальной, более того, головокружительной эскалацией гонки вооружений»¹.

В энциклике Иоанна Павла II «О божественном милосердии» («Дивис ин мизерикордия»), опубликованной в декабре 1980 г., в частности, отмечалось, что с учетом ныне существующих «ядерных арсеналов» возможный военный конфликт мог бы привести к «частичному уничтожению человечества». Аналогичные идеи им были высказаны во время посещений ООН, ЮНЕСКО и в ряде других выступлений.

В последнее время Ватикан неоднократно призывал начать переговоры о разоружении, перед тем как рассматривать вопрос о размещении евростратегического оружия в Западной Европе, к полному и неукоснительному проведению в жизнь хельсинкских соглашений всеми подписавшими их странами. Был проведен ряд конференций, на которых обсуждались вопросы атомного разоружения, прекращения распространения этого вида оружия, мирного использования ядерной энергии². Ватиканская Академия наук изучает вопрос о последствиях атомной войны для здоровья нынешних и будущих поколений людей.

В феврале 1981 г. Иоанн Павел II во время поездки по Японии выступал с призывом к миру, против использования термоядерного оружия. В Хиросиме, жертве первой атомной бомбардировки, обращаясь к 25-тысячной аудитории, собравшейся в мемориальном парке, Иоанн Павел II сказал:

¹ La Documentation catholique, 1980, 6.I, p. 1—4.

² Ibid., 2.XI, p. 280—282.

«Давайте пообещаем нашим собратьям, что мы будем неустанно работать в направлении разоружения и запрещения всего ядерного оружия». В другой речи, также в Японии, он заявил, что «помнить о Хиросиме — значит ненавидеть ядерную войну, помнить о Хиросиме — значит посвящать себя делу мира».

Активное участие в борьбе за мир принимает Христианская мирная конференция, основанная в Праге в конце 50-х годов. Она объединяет усилия все большего числа прогрессивно мыслящих представителей разных религий. Так, в проходившей в Москве в июне 1977 г. всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» участвовали представители семи вероисповеданий из 107 стран.

В последние годы конкретные вопросы разоружения, борьбы против гонки вооружений, милитаризма довольно обстоятельно рассматриваются представителями православных и протестантских церквей. Некоторые результаты этой деятельности получили отражение в сборнике «Мышеловка безопасности. Гонка вооружений, милитаризм и разоружение — забота христиан», изданном международным центром документации и связи в Риме. Не со всеми идеями этого издания можно согласиться, но нельзя не отметить выступления авторов против милитаризма, их стремление попытаться понять его в более широком социальном контексте, определить тот вклад, который может внести христианская церковь в обеспечение международного мира. Во вступительной статье к сборнику исполнительный секретарь Международной комиссии Всемирного совета церквей Нинан Коши исходит из того, что разоружение и борьба против милитаризма — неотъемлемая часть борьбы за справедливость.

Особый интерес представляет доклад заместителя генерального секретаря Всемирного совета церквей К. Рейзера на конференции по разоружению, проведенной весной 1978 г. в Швейцарии. Доклад посвящен развитию взглядов современного экуменического движения на проблемы разо-

ружения. Дискуссии, по мнению деятеля экуменизма, показали, что «разоружение — не изолированный, специальный вопрос», что военная угроза миру — «лишь один из симптомов глобальных опасностей для человечества — бедности, голода, угнетения, ухудшения среды обитания, истощения природных ресурсов и т. д.»¹.

Миролюбивый, политически позитивный характер носила Исламская конференция в Ташкенте, которая состоялась в сентябре 1980 г. и была посвящена наступлению XV в. хиджры (мусульманского летосчисления). В ней приняли участие представители мусульман более 30 стран Азии, Африки, Европы, а также делегации других церквей, международных и региональных религиозных организаций.

Следуя девизу «XV век хиджры должен стать веком мира и дружбы между народами», участники конференции обсудили широкий круг проблем, охватывающих наряду с богословскими темами вопросы мирного сосуществования государств, укрепления дружбы между народами.

На конференции был принят ряд документов. В их числе — обращение ко всем мусульманам земли, в котором содержится призыв сотрудничать в борьбе за мир, ради прогресса и процветания. Злейшим врагом мусульманских народов, дела мира и социального прогресса, говорится в обращении, является империализм США. Именно он беспощадно эксплуатирует население и природные богатства развивающихся стран, является главным препятствием на пути самостоятельного развития мусульманских государств, источником грозной военной опасности.

В обращении подчеркивается, что политика США направлена на создание военных баз в различных районах земли, вмешательство во внутренние дела суверенных государств и несет человечеству угрозу ракетно-ядерной войны².

¹ Viera Gallo. I.— A (ed). The security Trap. Arms Race, Militarism and Disarmament: A Concern for Christians. Roma, 1979, p. 132.

² См.: Известия, 1980, 13 сентября.

К активизации выступлений против угрозы ядерной войны призывали также и участники состоявшейся в апреле 1981 г. в Токио Всемирной конференции религиозных деятелей, посвященной вопросам борьбы за полное запрещение ядерного оружия и разоружение.

В ее работе приняли участие окло 600 представителей различных религиозных организаций из 60 стран мира. Делегаты дали высокую оценку советским мирным инициативам, выдвинутым XXVI съездом КПСС.

В заключительной декларации, принятой на конференции, указывается на возрастание в последнее время опасности ядерной катастрофы, угрожающей самому существованию человечества. В этих условиях, говорится в документе, необходимо решительно отстаивать право людей жить в мире на планете, где нет места оружию массового уничтожения¹.

Представительная межрелигиозная всемирная конференция во имя сохранения и упрочения мира состоялась в мае 1982 г. в Москве. Инициатором этого форума выступил патриарх Московский и всея Руси Пимен.

Сотни видных деятелей буддийской, зороастрийской, индуистской, иудаистской, мусульманской, сикхской, синтоистской и христианской религий из более чем 90 стран выразили озабоченность возросшей угрозой ядерной катастрофы, призывали к защите человеческой жизни. В своих итоговых документах, например в обращении к правительствам мира, конференция призвала государства, обладающие ядерным оружием, ни при каких обстоятельствах, никогда и нигде не прибегать к его использованию и проводить политику ослабления международной напряженности.

Конечно, не следует думать, что все силы, выступающие за мир, одинаково истолковывают актуальные проблемы, одинаково подходят к их решению, будь то вопросы прекра-

¹ См.: Известия, 1981, 26 апреля.

щения гонки вооружений или урегулирования спорных международных проблем.

Например, в упомянутом послании Иоанна Павла II в связи с днем мира 1 января 1980 г. папа выступает за мир, против войны, но причиной войн объявляются им идеи несправедливости, неправильные взгляды на человека и общество. Соответственно и факторами, могущими обеспечить мир, он считает идеи справедливости, евангельской любви и т. д. Нужно ли говорить, что при этом в тени оказываются подлинные виновники войны — военно-промышленные комплексы, система империализма и реакции.

Ряды выступающих за мир далеко не однородны. Для них характерны многообразие политических позиций, неодинаковые оценки и подходы к основным идеологическим и мировоззренческим вопросам. Но, не имея единства по этим вопросам, они едины в понимании целей антивоенной деятельности, ее высоконравственной сущности и своей моральной ответственности. Марксисты уважительно относятся к пацифистской деятельности всех людей, невзирая на мотивы их деятельности. Ибо разрозненными действиями, сколь бы массовыми они ни были, животрепещущие глобальные проблемы, касающиеся всех жителей планеты, решить невозможно. Отсюда — необходимость неустанного расширения международного сотрудничества, в котором призваны найти свое место представители разных политических, философских, религиозных взглядов, движения, вдохновляющиеся разными принципами и идеалами. Этот вывод — важный политический и нравственный аргумент в пользу расширения сотрудничества всех миролюбивых сил, несмотря на существование серьезных различий в их мировоззрении.

**ГУМАНИЗМ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ**

**К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
К РЕЛИГИИ И ВЕРУЮЩИМ**

Предыдущие главы книги были посвящены выяснению места религии в современном буржуазном обществе. Целесообразно остановиться на ее месте в условиях развитого социализма, рассмотрев процесс дальнейшего отхода советских людей от религии и формирования у них научно-материалистического мировоззрения.

Значение научного мировоззрения особенно возрастает в современную эпоху колоссальных общественных сдвигов, ускорения исторического процесса. Углубление исторического творчества народных масс в силу объективного общественного развития, как известно, приводит к росту числа сознательных творцов истории; в то же время характер воздействия масс с высокой сознательностью на объективные условия собственной жизни существенно изменяется. Эта общесоциологическая закономерность получает качественно новое проявление в социалистическом обществе (особенно на этапе зрелого социализма), где неуклонный рост творческой инициативы трудящихся, политической и трудовой активности сформировавшейся в условиях нового строя личности социалистического типа выступает важнейшей предпосылкой успешного коммунистического строительства.

Разумеется, тут важно видеть все грани диалектической взаимосвязи объективных условий и субъективных факто-

ров. Эффективность реализации программных требований формирования нового человека, сознание которого свободно от любых форм идеологических заблуждений, успех воспитания, как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС, обеспечивается лишь тогда, когда оно «опирается на прочный фундамент социально-экономической политики»¹. Но, в свою очередь, осуществление социально-экономической политики находится в прямой связи с развитием социалистической сознательности, идейной убежденности масс, духовным развитием личности, расширением ее кругозора, формированием у нее единственно верного диалектико-материалистического мировоззрения.

Именно поэтому марксизм-ленинизм уделяет большое внимание коммунистическому воспитанию масс, направленному на раскрытие их способностей, энергии — словом, на всестороннее и гармоничное развитие личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту, преданность идеалам социализма и коммунизма.

Гуманная сущность научного, диалектико-материалистического мировоззрения, его направленность на формирование объективно истинных и в то же время высоконравственных общественных воззрений и идеалов предполагают критическое отношение к иллюзорным идеологическим системам, в том числе к религии, которое проявляется в действиях и решениях, в поведении, в нравственном самоопределении личности. Религиозное видение мира, будучи фантастическим отражением в головах людей внешних сил и явлений, по существу, принижает человека, ибо, неизменно возвеличивая сверхъестественные силы и требуя веры в их реальность, оно отвлекает верующих от сознательной деятельности во имя лучшего будущего.

Гуманистический смысл марксистско-ленинского атеизма, принципы отношения социалистического общества к религии и верующим неизменно подвергаются нападкам и

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 63.

искажениям. В эту кампанию включились сегодня религиозные организации различных направлений, равно как буржуазные и ревизионистские авторы. Отметим, что клеветнические кампании проводятся не только в развитых капиталистических странах, они усиленно экспортируются также в ряд освободившихся и развивающихся стран.

В специальном послании «Марксизм, гуманизм и христианство», принятом в 1979 г. протестантскими и католической церквями Замбии, проводится мысль о принципиальной противоположности марксизма-ленинизма, практической политики в области религии и церкви в странах реального социализма идеям гуманизма. Неверно трактуя взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, практику социалистического общества, обращение представляет их антигуманными, поскольку-де при решении всех проблем, касающихся человека и общества, они используют «методы физических (?) наук», для них не существует «духовного мира», они ограничиваются лишь вопросами материального порядка, уничтожают все политические и духовные свободы, особенно свободу совести и т. д. Даже сам гуманизм-де обречен ими на уничтожение. Он якобы уступает «место научному социализму»¹.

Гуманный характер марксистско-ленинского мировоззрения, всего социалистического общества неизменно подвергается нападкам также со стороны ревизионистов, которые охотно распространяют изобретенную клерикалами выдумку о превращении В. И. Лениным борьбы с религией в некую главную задачу Коммунистической партии и социалистического государства².

В. И. Ленин действительно неоднократно подчеркивал, что мировоззрение диалектического и исторического материализма, лежащее в основе деятельности Коммунистической партии, несовместимо ни с какой религией. Марксизм,

¹ La Documentation catholique, 1980, 5.X, p. 882—890.

² Fischer E., Marek F. Was Lenin wirklich sagte. Wien, 1969, S. 170.

подчеркивал он в имеющей программное значение работе «Об отношении рабочей партии к религии», есть материализм. В качестве такового он исключает религию, как это было свойственно и материализму энциклопедистов XVIII в. или материализму Фейербаха. Эту принципиальную атеистическую направленность Ленин характеризовал как азбуку всего материализма и, следовательно, марксизма¹.

Вместе с тем марксисты, учил Ленин, должны уметь по-научному бороться с религией, материалистически объяснять источник веры и религии у масс, раскрывать социальные, исторические, гносеологические корни религии. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина содержится глубокая характеристика сущности религии, ее социальной роли, обоснование принципов отношения к религии и путей ее преодоления. Поскольку любая религия, включая самые модернизированные системы, противостоит истине, науке, играет консервативную идеологическую роль, препятствует реализации гуманной коммунистической цели — всестороннему развитию личности, то аргументированная, опирающаяся на достижение естественных и общественных наук критика религии, воспитание масс в духе научного, материалистического мировоззрения, приобщение их к активной и сознательной деятельности — благородный долг и высокогуманная задача коммунистического воспитания.

Революционный, гуманный характер коммунистического мировоззрения обязывает ограждать человека от всего, что сковывает его интеллект, волю и эмоции, мешает все более глубокому познанию объективного мира. Поэтому марксизм-ленинизм и противостоит религиозным концепциям, концентрирующим внимание на ограниченности человеческого разума, искажающим смысл деятельности личности, классов и народов, и обращается к разуму

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 418.

трудящихся, к благородным, гуманным чувствам личности, поддерживает и развивает в людях сознательное стремление строить новую жизнь, достойную человека.

Любая теологическая концепция, в том числе самая модернизированная (включая, если обратиться, например, к протестантскому модернизму, «демифологизацию» Р. Бульмана, «теологию смерти бога» Г. Ваганяна, новые интерпретации трансцендентного и антропологического Д. Бонхёффера и т. д.), несовместима с коммунистическим мировоззрением, поскольку оно представляет программу личного и социального поведения, опирающегося на научно обоснованную систему взглядов на мир, на объективные законы его развития и на самого человека. Именно в этих общих методологических принципах подхода к явлениям действительности и вытекающих из них нормах поведения и заключается прежде всего неизменный антагонизм и противоположность религиозного, антинаучного и коммунистического, научного мировоззрений. Эти противоречия непреодолимы и неподвластны никакой эволюции, что понимают и сами деятели религиозных организаций. Отвергая возможность примирения принципов религии и коммунизма, на которую склонны рассчитывать ныне некоторые деятели современного правого ревизионизма, представители различных религиозных направлений считают неправомерным полагать, будто что-либо изменилось в отношении религии к коммунизму, будто одновременно можно быть верующим и марксистом¹.

Важной особенностью идеологического противоборства марксизма-ленинизма и религии является то, что пропаганда атеизма ведется тактично, в спокойном и уважительном тоне, исключая какое бы то ни было оскорбление чувств и личности верующего; марксизм-ленинизм борется не с верующими, а за них, за преодоление в их сознании ложных, иллюзорных представлений, мешающих их всесто-

¹ *Civiltà cattolica*, 1976, № 3014, p. 105—115.

ронному развитию, духовному богатству, реальному счастью. Именно в обеспечении этих гуманных целей видят марксисты-ленинцы высший смысл своей идеологической и социально-политической деятельности.

Социалистическая революция и строительство нового общества затрагивают интересы абсолютного большинства населения и осуществляются тем основательнее и быстрее, чем больше людей участвует в этом историческом процессе. Поэтому вовлечение верующих в активную общественную деятельность необходимо для его успешного развертывания, созидания нового мира, а также является условием их духовного раскрепощения, формирования у них правильных взглядов на мир.

Опыт СССР, других социалистических стран убедительно подтверждает марксистско-ленинский тезис о возможности и необходимости совместной деятельности трудящихся, атеистов и верующих, в целях революционного обновления старого и созидания нового общества, а в случае необходимости и защиты его с оружием в руках. Политическое единство народов, независимо от религиозных различий, в странах социалистического содружества обеспечивается правильной политикой марксистско-ленинских партий, в том числе и в религиозном вопросе. Впервые в истории здесь осуществлена подлинная свобода совести, за всеми гражданами признается свобода отправления любых религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды; законодательно запрещено ущемлять гражданские права верующих. Так, в СССР отделение церкви от государства и школы от церкви означает, что государство, его органы не вмешиваются в религиозную деятельность верующих и их организаций, а религиозные организации не должны вмешиваться в дела государства. Советское государство создает верующим определенные материальные условия, необходимые для удовлетворения их религиозных потребностей. В СССР имеется около 20 тысяч религиозных обществ, представляющих свыше 40 различных

религиозных направлений. В распоряжение верующих передано более 20 тысяч православных и старообрядческих храмов, мусульманских мечетей, католических костелов, лютеранских кирх, иудейских синагог, молитвенных домов.

Вместе с тем КПСС, братские марксистско-ленинские партии организуют и направляют деятельность научных и просветительных организаций, призванных способствовать освобождению верующих от религиозных заблуждений, помогают им овладевать научным мировоззрением.

Говоря о религии и церкви в социалистических странах, об особенностях атеистического воспитания в них, важно отметить, что конкретные условия здесь различны. Поэтому анализ этих проблем предполагает учет диалектики общего, особенного и единичного.

Общее в данном случае — это ненаучный характер религиозного мировоззрения, догматическо-идеалистическая сущность любого вероучения безотносительно к тому, где оно бытует — в капиталистических, развивающихся или социалистических странах. Значительная модернизация религии и церкви, столь бурно протекающая сегодня в буржуазных странах, наблюдается и среди религиозных организаций в странах социализма, где они таким образом стремятся укрепить свои подорванные позиции, свое влияние на людей, способствовать распространению религиозности в новых формах.

Особенное проявляется в новой направленности политической деятельности, социально-политических учений религиозных организаций, действующих в условиях социализма, в иных факторах, поддерживающих здесь религиозность, в новом облике верующих. Разумеется, это обусловлено успехами социалистического и коммунистического строительства, отходом значительных кругов населения от религии, их приверженностью к новому строю, развитием их политического и культурного кругозора, упрочением позиций марксистско-ленинской идеологии и т. д.

Едиичное — это специфическая ситуация, существующая в отдельных странах, на которую влияют и исторические особенности стран, и международная ситуация, и степень активности духовенства, и последовательность в проведении марксистско-ленинской политики по религиозному (и не только по религиозному) вопросу.

Практика показывает, что во время активизации контрреволюционных элементов в отдельных социалистических странах в них активизируется и крайне правое духовенство, используемое зарубежными империалистическими кругами. (При этом безразлично, выступает ли контрреволюция открыто, как в 1956 г. в Венгрии, или под лозунгами «социализма с человеческим лицом», как в 1968 г. в Чехословакии, или же прячется, как недавно в Польше, за «независимые» профсоюзы и пытается выступать как бы легально.)

Вообще выявилась определенная закономерность: антисоциалистические выступления правых религиозных деятелей в социалистических странах резко сокращаются под воздействием консолидации социалистического общества, упрочения позиций социализма. Любое же ослабление его позиций, ошибки в практическом осуществлении принципов социализма неизменно используются правыми религиозными кругами.

Нельзя сказать, что демократический принцип отделения церкви от государства и школы от церкви в одинаковой мере реализуется во всех социалистических странах. Уже сама его трактовка, как и степень его реализации, зависит от исторических традиций развития данной страны, общей обстановки в ней в данное время и т. д. Известно, например, что в Польше противники социализма при поддержке внешних сил, создавая анархию, стремились повернуть развитие событий в контрреволюционное русло. Вместе с возникновением угрозы основам социалистического государства ряд деятелей церкви, используя наличие в стране довольно прочных религиозных традиций, большого контингента верующих, а также трудности, переживаемые

страной в последнее время в социально-экономической сфере, домогались наделения церкви полномочиями и привилегиями, отнюдь ей не принадлежащими. Дело не ограничивалось попытками получить доступ к средствам массовой информации, к участию в управлении теми или иными делами общества; речь шла о прямых требованиях всемерно следовать канонам католической догматики, о воинственном наступлении на светскую мораль, материалистические принципы.

Антисоциалистически настроенные религиозные деятели вместе с правыми лидерами «Солидарности» всячески охаживали достижения социализма в народной Польше, требовали коренной «перестройки принципов общественной жизни», особенно рьяно выступали против коллективной собственности на селе и т. д.

Чрезмерное «внимание» церкви к кризисной ситуации, сложившейся в Польше, вызывало недовольство даже среди руководящих католических кругов. В начале октября 1981 г. газета «Джорнале д'Италия» опубликовала статью о недовольстве итальянских епископов тем фактом, что «не проходит ни одной аудиенции, ни одной речи, ни одного совещания, на которых папа Иоанн Павел II не говорил бы о Польше или о профобъединении «Солидарность». Вот высказывание одного высокопоставленного прелата, сделанное на заседании совета президиума Конференции итальянских епископов: «У нас есть папа, который думает о том, как радикально изменить политическую обстановку в одной из коммунистических стран, и при этом даже не замечает, что в столице католицизма существует левая джунта и что городом управляет мэ-коммунист»¹.

Сказанное убеждает в необходимости дифференцированного анализа религиозной ситуации, социально-политической позиции религиозных деятелей, а также постановки атеистического воспитания в той или иной социалистиче-

¹ Il Giornale d'Italia, 1981, 7.X.

ской стране¹. Ниже речь пойдет о ситуации, существующей в нашей стране, хотя, разумеется, принципы отношения социалистического общества к религии и церкви, обоснованные марксистско-ленинской теорией, имеют всеобщий характер и свойственны всем странам социализма.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ, НАУЧНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Пожалуй, одним из наиболее распространенных среди недругов социализма приемов борьбы с его идейными и политическими принципами является неверное освещение положения религии и церкви, особенно теории и практики атеистического воспитания в условиях нового общества. Это началось сразу после Октябрьской революции и продолжается до наших дней². Западная печать «находит» того или иного христианского «мученика» (чаще всего среди осужденных советским судом за уголовные преступления или антиобщественную деятельность), чтобы представить его страдающим именно за веру. В частности, кампания подобного рода была развернута в середине 1980 г. вокруг имени осужденного за антисоветскую деятельность Г. Якунина, которого западная печать поспешила представить в качестве... преследуемого за веру и личные убеждения³.

Аналогичным образом систематически проводятся, особенно с расчетом на население развивающихся стран, клевветнические кампании о преследовании мусульман в СССР, их бедах, подневольном состоянии и т. д.

¹ В последнее время в братских социалистических странах осуществлены серьезные исследования идеологии и политики религиозных организаций, действующих в этих странах. Упомянем здесь, например, работы Т. Стойчева, Н. Мизова (Болгария), И. Лукача (Венгрия), О. Клора, Г. Люттера (ГДР), В. Мыслэка, Т. Ярошевского (Польша), Я. Лоукотки, Ф. Васички (ЧССР) и др.

² См.: Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1975; Белов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. М., 1976.

³ La Croix, 1980, 30.VIII, 5.IX.

Отмеченные измышления опираются на одну ложную методологическую посылку, заключающуюся в том, что якобы научный социализм рассматривает религию как главного врага, которого необходимо «уничтожить». При этом хороши-де все средства, включая «дискриминацию верующих, осквернение церквей и предметов культа», лишь бы «вырвать религию из сердца народа»¹.

Между тем известно, что, исходя из марксистского понимания сущности религии как иллюзорного мировоззрения, сковывающего социальную активность его последователей и препятствующего культурному, нравственному, эстетическому развитию верующих, Коммунистическая партия организует сугубо научную и демократическую систему атеистической работы. Утверждение и развитие социализма не влечет за собой автоматического решения идеологических вопросов, особенно тех, которые затрагивают сферу массового сознания. Приобщение больших масс людей к научному материалистическому мировоззрению — процесс постепенный, объективный, добровольный. И здесь одинаково противопоказаны как упование на самотек, так и анархистско-левацкие перегибы, ставка на административные методы. Против них выступает теория марксизма, от них предостерегает партия, применение их запрещает и социалистическое законодательство. Лишь кропотливая, систематическая научно-атеистическая работа, не допускающая оскорбления чувств верующих, строго соблюдающая провозглашаемый Советской Конституцией принцип свободы совести, способна содействовать преодолению веками бытовавших иллюзий и заблуждений, освобождению сознания масс от религиозных представлений. Гуманистические цели развития личности, освобождения ее от духовных оков достигаются и последовательно демократическими, гуманными средствами — средствами воспитания.

¹ La Documentation catholique, 1980, 5.X, p. 884.

Осуществляя на практике эти принципы, Коммунистическая партия, наши идеологические учреждения, общественные организации, ученые и пропагандисты, занимающиеся воспитанием советских людей в духе научного, материалистического мировоззрения, добились значительных успехов. Показателем исторической значимости советского опыта научно-атеистического воспитания является то, что в нашей стране впервые в мире сформировалось общество массового атеизма. В наше время, как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС, «иным стал советский человек. Обогатились его знания, повысилась эрудиция, значительно выросли духовные запросы»¹.

Конечно, формирование коммунистического мировоззрения широких масс трудящихся, воспитание их на идеях марксизма-ленинизма обеспечиваются всем социалистическим образом жизни. Переустройство общественных отношений, распространение грамотности, образования, культуры, техническое перевооружение труда, развитие городов и индустриальных районов, перестройка всего уклада сельской жизни на основе коллективизации, непосредственное участие народных масс в решении практических задач в различных областях строительства нового общества — таковы объективные факторы, обуславливающие успехи в коммунистическом воспитании.

Ныне в повестке дня стоит задача формирования научного мировоззрения у всех советских людей, поскольку сама природа коммунистической цивилизации, сознательно создаваемой трудом народа, предполагает выработку научной идеологии, научного образа действия и мышления у каждого члена общества.

Поставленная партией задача — поднять всех трудящихся до уровня сознательных творцов нового общества — предполагает полное освобождение сознания советских людей от пережитков старого строя, в том числе и от религиозных

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 75.

предрассудков. Наряду с решением целого комплекса проблем, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма, совершенствованием социалистических общественных отношений, в том числе со стиранием классовых граней, преодолением различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, важное значение приобретает хорошо поставленная, разветвленная система научно-атеистического воспитания. Его эффективность во многом зависит от выявления причин существования религиозных пережитков в СССР, а также от правильного применения методов научно-атеистической пропаганды.

Круг проблем, связанных с выяснением причин существования религии в СССР, с исследованием современного содержания религиозной идеологии, с организацией и совершенствованием системы научно-атеистического воспитания, в последние годы стал предметом серьезного изучения. Появился целый ряд работ, рассматривающих их с разных сторон¹.

В последнее время некоторые из этих проблем получили, однако, такое толкование в зарубежной печати, с которым нельзя согласиться. Речь идет не о писаниях наших идеологических противников, сознательно фальсифицирующих практику реального социализма, в том числе и в области отношения к религии и верующим, отождествляющих атеизм с насильственно насаждаемой бездуховностью². Мы имеем в виду взгляды отдельных авторов, выраженные в статьях, опубликованных в некоторых органах левой печати.

Анализируя религиозный феномен в СССР, упомянутые авторы порою дают свое, «оригинальное» толкование его причин — толкование, противоречащее научным данным, практике социализма. Так, социальные корни религиозности в СССР усматриваются ими в товарно-денежных отношениях при социализме, в наличии товарного производства.

¹ См., например: Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979; Ошценко А. С. Социальный прогресс, религия, атеизм. Киев, 1977, и др.

² La Documentation catholique, 1980, 17.II, p. 192—195.

При этом они рассуждают следующим образом: поскольку христианство с его культом абстрактного человека является специфическим идеологическим выражением экономического отчуждения, связанного с товарным хозяйством, то, стало быть, христианство имманентно присуще также и социалистическому строю, пока в нем существуют товарно-денежные отношения и связанный с ними закон стоимости.

Несостоятельность подобной точки зрения видна уже из того, что здесь берется лишь внешняя форма отдельных экономических категорий безотносительно к их сущности, их месту в социалистической экономике, противоположной капиталистической. Как известно, действие закона стоимости при социализме совершенно иное, чем в условиях господства частной собственности и анархии производства, оно ограничено путем сокращения его сферы (исключены из товарооборота рабочая сила, земля, производственные предприятия), а также благодаря государственному планированию производства, распределения; закон стоимости при социализме используется в интересах развития всей экономики.

Ошибочна также посылка, будто социальные революции, социальные преобразования не создают условий для преодоления отчуждения труда. Эту посылку стремятся подкрепить ссылками на некоторые произведения Маркса. Между тем известно, что категориями экономического отчуждения, «отчуждения труда» Маркс пользовался для определения специфического отношения человека к продуктам его труда, которые, включая в себя мускульную и духовную энергию человека, противостоят труду как «некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая от производителя*»¹. Господство труда над человеком, превращение продукта труда в силу, враждебно противостоящую рабочему и подчиняющую его себе, не антропологическое явление, оно возможно лишь при определенных порядках, при определенной организации об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 88.

ственного производства. Маркс показал, а историческая практика подтвердила, что в масштабах всего общества процесс труда превращается в процесс обесчеловечения и самоотчуждения человека лишь в обществе, где господствует частная собственность на основные средства производства.

Неправомерно также, на наш взгляд, изолированное и самодовлеющее рассмотрение как основы постоянного религиозного отчуждения такого очевидного факта, как наличие и при победившем социализме «следов господства природы над человеком».

Действительно, и при социализме не все тайны природы раскрыты, не все ее силы служат человеку. Правильно и то, что при определенных условиях это поддерживает существование религиозных верований. Но следует учесть, что мир чрезвычайно богат и неисчерпаем, и потому перед научным познанием всегда будут выдвигаться новые проблемы. Однако из этого не следует, что всегда будет место для религиозного удвоения мира. Современная наука, успешно овладевающая тайнами макро- и микромира, все глубже познающая закономерности природы и общественной жизни, установила подлинную материалистическую картину мира, продемонстрировала неисчерпаемые возможности человеческого разума, подрывающие устои богословских догм, религиозной веры. Широкое распространение современных знаний, их материалистическая, атеистическая интерпретация в сочетании с таким решающим обстоятельством, как коренные социальные преобразования,— основа для постепенного и неуклонного преодоления религии.

Реальные причины сохранения религиозных пережитков в СССР, причины активизации в отдельных районах деятельности тех или иных религиозных организаций могут быть установлены лишь в результате конкретного анализа рассматриваемого явления. Любой иной путь, в частности оторванные от жизни кабинетные раздумья, может привести (как и приводит упомянутых авторов) к несуразным выво-

дам, вроде того, что якобы само наличие государства, обеспечивающего «преимущества интересов народа над интересами граждан, еще неспособных дойти до социалистической морали», порождает религиозные верования. Известно, что Советское общенародное государство, в отличие от любого буржуазного, не чуждая, довлеющая над гражданами сила. В соответствии с волей народа оно призвано организовывать создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее развитие социалистических общественных отношений, призвано осуществлять контроль над мерой труда и мерой потребления, обеспечивать подъем благосостояния народа, охранять права и свободы граждан, воспитывать массы в духе коммунистической сознательности. Конечно, некоторые работники социалистического государственного аппарата еще не полностью реализуют все эти функции, но это не дает основания представлять само существование государства как одну из причин религиозного отчуждения.

Советские ученые, опираясь на данные, полученные при помощи конкретных социологических исследований (подобные исследования были проведены, например, Институтом этнографии АН СССР, кафедрами научного атеизма Московского и Киевского университетов, Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и т. д.), устанавливают действительные причины живучести религиозных пережитков в СССР. Выясняется, что, как правило, религия пытается опереться на то, что осталось нам в наследство от старого, эксплуататорского строя, а также на еще имеющиеся реальные трудности.

Определение причин религиозности, кропотливая работа по их устранению, индивидуальная работа с верующими, систематическая и разнообразная воспитательная деятельность, охватывающая все стороны жизни людей и не оставляющая религиозным проповедникам лазейки к их душам,— важные условия повсеместного утверждения социалистического образа жизни. Массовое распространение диалектико-материалистического мировоззрения в условиях зрелого

социалистического общества еще не означает, что им овладел каждый член общества или что абсолютное большинство населения овладело им в полной мере. Существующие различия между общественным и индивидуальным сознанием проявляются, в частности, и в том, что определенная часть населения все еще подвержена воздействию религиозных взглядов. И в условиях победившего социализма при определенных обстоятельствах (в том числе при ослаблении научно-атеистической работы) среди этой части населения возможно оживление религиозных пережитков.

Это далеко не безразлично обществу. Прежде всего религиозность трудящихся неизбежно ослабляет их общественную активность. Кроме того, любая разновидность религии в той или иной форме питает и закрепляет другие пережитки прошлого, например различные проявления националистических пережитков. Известно, что образование на этапе развитого социализма новой исторической общности людей — советского народа знаменовало собой новый уровень взаимоотношений между составляющими ее нациями и народностями, достигнутый благодаря их тесному экономическому, идейному и культурному сплочению и сотрудничеству. Таким образом, осуществляется предвидение В. И. Ленина о том, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»¹.

Вместе с тем развитие национальных отношений в СССР, формирование интернационалистского и национального сознания в их неразрывном единстве не является простым, прямолинейным процессом; и он содержит в себе противоречивые моменты, проходит в бескомпромиссной борьбе с проявлениями национализма, местничества, с консервативными формами сознания и поведения людей. Последние нередко

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.

выступают в форме архаичных национальных традиций, обычаев и привычек, а в идеологии и психологии верующей части населения переплетаются с религиозными представлениями и чувствами.

Взаимосвязь и переплетение национального и религиозного обычно дольше всего сохраняется в сфере традиционной культуры, особенно быта, что дает возможность духовенству выдавать религиозное за национальное, религиозные обряды — за неотъемлемую часть национальных традиций. Религия тем самым способствует разобщению трудящихся различных национальностей, мешает их сплочению в одну дружную братскую семью, тормозит развитие обмена национально-культурными ценностями и создает препятствия для воспитания масс в духе пролетарского, социалистического интернационализма.

Все это еще раз доказывает, какой вред задачам воспитания приносят недооценка научно-атеистического воспитания, нейтральное, примиренческое отношение к различным проявлениям религиозности. Неосновательны и расчеты на автоматическое преодоление религиозных пережитков под воздействием одних только объективных факторов, под влиянием научно-технического и социального прогресса.

Эффективность атеистической работы зависит от многих обстоятельств, в том числе и от учета реального содержания современных религиозных систем, их трансформации. В конкретно-исторической обстановке последней трети XX в. религиозные организации, как уже говорилось, модернизируют свою политику, догматы, культ, им приходится в той или иной мере учитывать достижения естественных наук, концентрировать внимание на проблемах морали, психологии и т. д. Эволюционируют и обыденное религиозное сознание, мировоззрение, психология и поведение современного верующего. Учитывать все это в полной мере обязывают ленинские принципы конкретности и научной обоснованности атеистической работы.

Укажем, например, что утверждение и развитие мировой

системы социализма, особенно построение зрелого социалистического общества в СССР, оказывают значительное воздействие на содержание религиозной пропаганды. Сегодня деятели христианства прилагают немалые усилия, чтобы реабилитировать христианство, представить его вечной, неизменно близкой народу идеологией, никоим образом и нигде не связанной с идеологией и интересами господствующих эксплуататорских классов, в частности буржуазии. Эти тенденции, в той или иной мере наблюдаемые и в капиталистических странах, более характерны для церквей в СССР и других социалистических странах.

Возражая марксистским авторам, объективно раскрывающим вековые связи церкви с сильными мира сего, в том числе с буржуазией, они обычно прибегают к такого рода «доказательствам». Догматы христианства, утверждают они, вечны и неизменны; его «богооткровенные истины» существовали задолго до возникновения капитализма и будут существовать независимо от любого государственного строя. Поэтому религиозная идеология никогда, ни в одной стране не может иметь ничего общего с буржуазией.

Между тем реальная история христианства — наглядный пример того, как видоизменяется и модернизируется верование церкви в зависимости от социально-политических условий общества, в котором она функционирует. Любые разновидности христианской религии постоянно эволюционируют за счет обновленной трактовки догматов, «забвения» устаревших, выдвижения на первый план наиболее подходящих для данного времени и т. д.

В разных эксплуататорских обществах христианская идеология, как правило, выражала и освящала интересы господствующего класса. Доказательство тому — содержание церковного учения о труде, собственности, классах, государстве и т. д., усиленно проповедуемого правыми клерикалами в современных капиталистических странах.

Немалые изменения претерпевает культурный и политический облик верующих. В настоящее время верующие в

нашей стране существенно отличаются от верующих, какими они были, например, в первые годы Советской власти. Если в то время религиозность питалась главным образом нищетой, бескультурьем, неграмотностью масс, то ныне определяющими здесь являются морально-психологические мотивы. В первые годы Советской власти реакционным церковникам удавалось настраивать определенную часть верующих против новой власти, против социалистических преобразований. Теперь, когда в Советском Союзе сложилось прочное морально-политическое единство общества, такие попытки не могут иметь сколько-нибудь серьезного эффекта. Правда, и в наши дни отдельные антисоветские элементы вкупе с империалистическими спецслужбами пытаются спекулировать на религиозных чувствах верующей части населения нашей страны.

Так, в последнее время радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» увеличили объем вещания на Среднюю Азию и Закавказье с целью возбуждения панисламистских и антисоветских настроений у верующих-мусульман. Значительно расширились такие акции по разжиганию среди верующих эмигрантских настроений по религиозным мотивам. Более явную антисоветскую направленность приобрели действия по поддержке нелегальных униатских групп и поощрению экстремизма отдельных представителей католического духовенства. Реакционные зарубежные исламские организации и центры идеологических диверсий активизировали свою пропаганду, рассчитанную на верующих-мусульман, спекулируя на событиях в Иране и вокруг Афганистана.

В последнее время отмечены попытки создать на территории Советского Союза группы религиозно-мистического толка, которыми изобилует Запад («Церковь пророка», «Белое братство», «Общество сознания Кришны» и т. п.)¹.

Нет необходимости говорить о том, что все эти акции преследуют цели весьма далекие от религии как таковой.

¹ См.: Коммунист, 1981, № 14, с. 98.

Тем важнее не сбрасывать их со счетов, не оставлять без всесторонней критики в массовой пропагандистской литературе, воспитательной деятельности.

Главным в характеристике социально-политического облика абсолютного большинства верующего населения нашей страны является то, что они, как и неверующие, являются убежденными сторонниками социалистического строя, патриотами Советской Родины. Различие между ними заключается главным образом в том, что у верующей части советских людей мировоззрение отличается противоречивостью, сочетанием несовместимых, подчас взаимоисключающих элементов. В одних вопросах — приверженность научным взглядам, в других — искаженные, религиозные представления (о мире, о месте человека в нем, о смысле жизни и т. д.). Отметим также, что значительное число верующих в своей повседневной жизни, быту, по существу, отнюдь не руководствуются ныне предписаниями церкви, религии. Все это подчеркивает рудиментарный характер, архаичность религиозных воззрений в нашем обществе.

Атеистическое воспитание призвано способствовать осознанию людьми всеобщей взаимосвязи явлений в мире, творческой роли человека, его разума, таланта, энергии в покорении сил природы и общественном прогрессе, ясному пониманию значения революционно-преобразующей миссии рабочего класса, народных масс. И в этом глубоко гуманистический смысл ленинского завета — воспитывать атеистически, материалистически мыслящих людей.

Говоря об атеистической пропаганде, В. И. Ленин со всей категоричностью выступал против поверхностного подхода к ней, против любых форм кампанейщины и администрирования. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях подчеркивала, что Ленин неоднократно говорил ей о вреде поверхностной, наскокистой антирелигиозной пропаганды¹.

¹ См.: *Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений.* М., 1971, с. 57.

«...Массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»¹, — советовал Ленин. Это методологическое указание наглядно показывает несостоятельность временами возникающих споров, например о том, нужно ли для эффективной борьбы с религией в современных условиях заниматься критическим анализом традиционных религиозных систем или предпочтительнее сосредоточиться лишь на критике современного содержания этих систем.

Всестороннее использование всего комплекса средств и методов воспитания, всего богатства научных знаний — залог успешной атеистической работы. Проблема заключается не в том, чтобы найти какой-то предпочтительный метод, могущий-де сегодня все решить, а в том, чтобы использовать все средства и методы систематически, без кампанийщины и на серьезной научной основе.

Из этого следует, что нужен и критический анализ идей ветхо- и новозаветных книг, Талмуда, Корана и их современных модернистских трактовок; и аргументированная критика политических спекуляций на религиозных чувствах; и показ гуманистической сущности научного мировоззрения; и анализ психологических характеристик современного верующего, его нравственных и эстетических запросов; и развенчание богословских спекуляций на трудностях научных исследований; и создание новых безрелигиозных обрядов, традиций, удовлетворяющих эстетические и этические потребности масс.

Большое воспитательное значение имеет забота о каждом человеке, испытывающем те или иные затруднения, переживающем личное горе и нуждающемся в моральной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 26.

поддержке. Чрезвычайно важно вовлечение верующих в активную трудовую и общественную деятельность, пробуждение у них интереса к ценностям культуры, науки. Расширение и укрепление социальных связей верующего призвано не только удовлетворить его потребность в общении (которое нередко ограничивается рамками религиозной общины), но и укрепить в нем чувство своей общественной полноценности, оптимизма. На разносторонний подход к верующему нацеливает ленинское указание о том, что атеистическое воспитание должно осуществляться не «только по прямой линии чисто марксистского просвещения»¹.

Сказанное представляется тем более важным, что характерная особенность современной тактики религиозных деятелей в СССР — индивидуальный подход к верующим, особенно к тем из них, которые испытывают какие-либо трудности и лишения. Они готовы вовремя сказать слова сочувствия вдове, сироте, больному или даже оказать материальную помощь попавшему в беду человеку, пригласив, разумеется, при этом почаще заходить в церковь, молитвенный дом.

Таким образом, церковь, опираясь на людское горе, на желание скорбящих услышать слова утешения, сочувствия, естественную потребность людей, испытывающих тяжелые переживания, привлекает к религии тех из них, которые оказываются вне поля зрения общественности. Разумеется, ни одна сердечная рана, как и вообще потребность в нравственном общении, не будет в действительности удовлетворена церковью. Религиозные деятели берегут интимнейшие чувства людей, убаюкивают их «утешительными» словами, подменяя естественное стремление к благополучию и счастьем иллюзорной верой в загробное воздаяние, ложной надеждой на личное «спасение».

Из сказанного становится очевидным, что одним из решающих условий эффективного преодоления религиозных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 26.

предрассудков в настоящее время является конкретный и внимательный подход к разнообразным запросам личности, среди которых нет второстепенных и незначительных.

Религиозные деятели довольно тонко учитывают различные духовные запросы человека, особенности психологии, эмоциональные потребности личности. Они давно усвоили ту истину, что человек всегда стремится к полнокровной, насыщенной жизни, нуждается в удовлетворении эмоциональных, эстетических потребностей.

Характерный пример — практика католической церкви в СССР. Издавна присущие культу католицизма торжественность церемоний, широкое использование в богослужении и убранстве храмов разнообразных видов искусства: архитектуры, живописи, скульптуры, органной музыки, сольного и хорового пения и т. д. — все это также обновляется и модернизируется современной церковью. К традиционным средствам теперь прибавляются и достижения современной техники (электрическое освещение, микрофоны, репродукторы).

Ныне почти все действующие костелы на территории СССР отремонтированы, помещения чисто убраны, украшены цветами. Церковники служат мессу и читают проповеди, используя приемы ораторского искусства. Эта пышность, торжественность и красота привлекают людей, ищущих в церкви удовлетворения своих эмоциональных и эстетических потребностей. В результате посещаемость церквей увеличивается именно там, где местные власти и общественные организации в будничной, повседневной спешке забывают, что человек нуждается не только в улучшении материального благосостояния, но и в том, чтобы интересно провести свой досуг, развить свои таланты и дарования, удовлетворить свои наклонности, именно там, где сельский клуб часто находится на замке, где молодежь не имеет возможности принять участие в спортивных состязаниях или в общем празднестве, где книголюб не может порыться в библиотеке, а шахматист посидеть за любимой игрой, где

концерты, фестивали и другие увлекательные и полезные мероприятия не заполняют досуга граждан и т. д.

Практика показывает, что одним из наиболее эффективных направлений атеистического воспитания является утверждение новых, социалистических традиций в общественной и личной жизни людей. Это связано с тем, что из всего религиозного комплекса наиболее прочно удерживаются среди определенной части населения ставшие традиционными обряды и другие культовые действия. Издавна знаменательные вехи в жизни людей отмечались торжественно. Религиозные организации стараются придать народным традициям и обычаям религиозный смысл, с тем чтобы уже с детства подчинить людей влиянию религии.

Поскольку в нашем обществе преодолены наиболее глубокие причины религиозности масс и созданы благоприятные условия для ее постепенного изживания, религиозность многих верующих выражается ныне не столько в вере в религиозные догмы, сколько в соблюдении определенных церковных обрядов и праздников. Подчас соблюдают их и неверующие, которых привлекает торжественность церковной службы. Нередко религиозные обряды, в том числе обряд венчания, молодые люди осуществляют под воздействием и по настоянию верующих родителей.

Поэтому трудно переоценить значение накопленного в некоторых областях и республиках Советского Союза опыта создания новой гражданской обрядности. При этом освобождаются от религиозных наслоений народные обычаи и праздники, внедряются новые традиции, связанные со значительными событиями в общественной и в личной жизни человека. Разумеется, сами по себе они еще не прививают материалистического мировоззрения, но, отвлекая массы от религиозных обрядов, являются важнейшей стороной многогранной атеистической работы.

Многолетний опыт подтвердил жизненность пропаганды таких праздников, принявших в наши дни массовый характер, как рождение ребенка и выбор для него имени, «празд-

ник детства», первый школьный день, прием в пионеры и комсомол, совершеннолетие (получение паспорта), окончание школы, заключение брака, трудовые юбилеи, чествование ветеранов труда, супругов, совместно проживших 25, 50 и 75 лет, и др. Важно в каждом случае учитывать, какие обряды и традиции наиболее распространены в том или ином районе, а также особенности бытующей здесь религии. Например, в Латвийской ССР, в районах распространения лютеранства большее значение имеет внедрение новых традиций, связанных с важнейшими событиями в индивидуальной жизни человека. Как известно, лютеранская церковь традиционно особенно торжественно отмечала события в индивидуальной жизни людей.

Интересен опыт латвийских общественных организаций по организации похорон без церковного обряда. Известно, что на переживаниях близких и родных усопшему людей всегда спекулировала церковь, стараясь использовать эти переживания для укрепления религиозного мировоззрения.

Широко используя старые традиции революционного рабочего движения (еще в период революции 1905—1907 гг. на похороны активных участников рабочего движения не приглашались священники, а надгробные речи произносили товарищи по классовой борьбе), в Латвии выработаны и укоренились церемонии «гражданских похорон» с участием декламаторов, певцов, музыкантов. При этом весь ритуал похорон строится таким образом, чтобы наряду с подчеркиванием полезности пройденного умершим жизненного пути дать его родным почувствовать поддержку со стороны коллектива, утешить, по возможности подбодрить их.

Новый, социалистический образ жизни немыслим без своих традиций и праздников — личных и общественных. Они должны быть пронизаны гуманистическими и благородными социальными мотивами, направлены на воспитание преданности социалистической Отчизне, своему народу, большой благородной любви и дружбы, супружеской верности; они призваны прославлять людей труда, прививать

чувства оптимизма, коллективизма и ответственности людей перед обществом за свое поведение, а также за поступки и будущее детей.

К сожалению, в ряде случаев при внедрении новых традиций наблюдается порой чрезмерное увлечение стариной, этнографическими деталями. Это может отчуждать от обряда, праздника население, принадлежащее к некоренным для данного района национальностям, служить помехой коммунистическому воспитанию людей, препятствовать внедрению идей социалистического общежития, способствовать искусственному обособлению наций. Поэтому главное внимание важно обращать на внедрение новых, социалистических традиций, сближающих все братские народы нашей страны.

Коммунистическая партия, общественные организации и научные учреждения нашей страны за последние годы многое сделали для создания целостной системы научно-атеистического воспитания масс, которая призвана охватить самые различные слои и группы населения и предотвратить распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков.

Наряду с различными массовыми мероприятиями (лекции, вечера вопросов и ответов, беседы и т. д.), рассчитанными на широкую аудиторию, в деятельности наших пропагандистов все большее место занимает дифференцированная, индивидуальная работа с верующими. Непосредственный контакт с верующим, учет его интеллектуальных, психологических, эмоциональных особенностей помогают пропагандисту найти путь к его сердцу, повлиять на его сознание, а вместе с тем ближе узнать его интересы, запросы, взгляды, устремления, заботы, помочь ему преодолеть жизненные трудности. Нередко только такой доверительный подход к верующему позволяет постепенно объяснить ему, что все, даже самые сложные, вопросы жизни могут и должны быть решены без обращения к религии. Осуществлению ленинских требований конкретности в постановке атеистического воспитания, организации его на научной основе спо-

собствуют практикующиеся в последние годы конкретно-социологические исследования, которые помогают определить причины и мотивы религиозности различных групп населения, особенности массового сознания, выяснить, какие элементы религиозного мировоззрения оказывают наиболее сильное влияние на сознание верующих и т. д.

Проведенные в ряде регионов страны конкретно-социологические исследования помогли составить определенное представление о типических чертах современного верующего, о процессах формирования религиозных групп, степени их устойчивости, о происходящих в них под воздействием социалистической действительности изменениях. Все это облегчает поиск наиболее эффективных путей к преодолению религиозности в нашем обществе.

Научные учреждения разрабатывают рекомендации по совершенствованию методики конкретных исследований в области религии и атеизма, практики атеистического воспитания, по углублению теоретического анализа, уточнению некоторых понятий. Относится это и к понятию религиозности, которое требует уточнения. Без конкретизации понятия «верующий» и дифференциации верующих в настоящее время невозможно подлинно научное, объективное изучение проблем религиозности, а следовательно, налаживание конкретной целеустремленной научно-атеистической работы.

Для успешного исследования этих проблем особенно важен комплексный подход к ним. Подчас можно наблюдать, что изучаются преимущественно отдельные проявления религиозности и роста атеизма в нашей стране. Между тем здесь, как и в любой другой области, то или иное явление может быть до конца понято лишь в его сложных взаимоотношениях со всеми другими явлениями, происходящими в данной социальной среде.

На религиозность тех или иных групп населения оказывают воздействие самые различные факторы — условия труда, организация досуга, широта социальных связей, особенности быта в данном селе, хуторе, поселке, степень удален-

ности от города, от культурных центров, исторические и национальные традиции, наличие очагов активной религиозной пропаганды, специфика распространенной в данной местности разновидности религии и т. д. Задачи атеистического воспитания требуют знания конкретных причин религиозности.

В воспитательной работе, направленной на преодоление религиозных пережитков, ленинское указание о необходимости расширения рамок атеистического воздействия на население, в том числе о необходимости атеистической направленности философских исследований, сохраняет свое значение и поныне.

Участие философов, психологов, специалистов по этике в атеистической работе не исчерпывается сегодня критикой противостоящего диалектическому материализму религиозного мировоззрения, критическим анализом богословских и религиозно-этических концепций и их различных модификаций.

Марксистско-ленинская философия разрабатывает ныне также гносеологический и психологический аспекты религиозного феномена, соотношение официальной богословской доктрины и индивидуального сознания верующего, изменения в массовом религиозном сознании. Анализируются и такие вопросы, как взаимоотношение религии с другими формами общественного сознания, разрабатываются на основе конкретных социологических исследований рекомендации о путях и методах атеистического воспитания и т. д.

Призыв В. И. Ленина к расширению фронта атеистической работы и к научной ее постановке органически связан с его идеей союза «с представителями современного естествознания», которые защищают материализм, выступают против «модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»¹. Реализуя завет В. И. Ленина, многие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 29.

крупные советские естествоиспытатели занимаются диалектико-материалистическим осмыслением естественнонаучных данных, что необходимо для убедительной пропаганды атеистического мировоззрения, для успешного противодействия религии.

Это важно и потому, что в процессе бурного развития современного естествознания происходит ломка многих традиционных понятий, на чем широко спекулируют представители модных идеалистических школ. Материалистическое осмысление данных естествознания затрудняет попытки теологов фальсифицировать смысл современных достижений науки, их попытки выхолостить материалистическое содержание научных открытий и дать им религиозно-идеалистическую интерпретацию. Уже в наши дни так было, например, в связи с рядом открытий в области физических свойств материи, космологии и космогонии, с теорией «расширяющейся Вселенной», новейшими открытиями в области молекулярной биологии и генетики, появлением и развитием кибернетики и т. д. Пропаганда естественнонаучных достижений, все полнее раскрывающих картину мира, увеличивающих власть человека над природой и не оставляющих места для вымыслов о сверхъестественных силах, по праву занимает важнейшее место в формировании материалистического мировоззрения масс.

Особо подчеркнем, что самым важным В. И. Ленин считал умение заинтересовать массы «сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий»¹. Ленин предлагал использовать против ненаучных взглядов и иллюзий силу аргументов, страстную непримиримость просветителей прошлого. Опираясь на известное высказывание Энгельса, Владимир Ильич советовал переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII в., глубоко обосновывая этот совет: «Бойкая, живая, талантливая, остроумно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают»¹.

Из этого ленинского указания вытекает ряд выводов, чрезвычайно важных для современной атеистической практики, для учета ряда новых проблем, связанных с научно-техническим и социальным прогрессом, а также с изменениями в сфере религиозной идеологии.

Противоборство с религией марксизм-ленинизм неизменно рассматривает как общекультурное дело, имеющее вековые традиции в прогрессивной общественной мысли всех народов. И сегодня коммунисты налаживают на этом поприще сотрудничество со всеми материалистами, рационалистами, с самыми широкими кругами зарубежной интеллигенции, выступающими против религии, мистики, суеверий. Связь и сотрудничество с представителями современного буржуазного свободомыслия — в русле ленинских рекомендаций о необходимости союза коммунистов с некоммунистами в самых различных сферах и областях деятельности. Особо отметим, что при всей своей непоследовательности и классовой ограниченности представители современного буржуазного гуманизма и свободомыслия все чаще переходят на сторону активных противников капиталистической системы, кризис которой они ощущают порой весьма остро. В большинстве своем они принадлежат к той части левой интеллигенции капиталистических стран, которая ведет борьбу против империалистической реакции, против возрождения фашизма, а также против реакционного клерикализма, за свободу совести, за демократические права. Много полезного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 26.

делают некоторые из них в плане критики клерикальных концепций, религиозной догматики и морали¹.

Деятельность современных представителей свободомыслия в капиталистических странах наглядно демонстрирует лживость версий клерикальных и прочих реакционных пропагандистов о том, что атеизм — выдумка коммунистов, что он искусственно и чуть ли не насильственно насаждается коммунистами там, где они находятся у власти². Атеизм, свободомыслие существовали еще до марксизма, существуют они и наряду с ним, но только в марксизме-ленинизме они приобретают последовательно научное обоснование и становятся в полной мере действенной силой.

Добиваясь реализации своих программных целей формирования всесторонне развитой личности гуманными и научными средствами, марксисты-ленинцы исходят из того, что общественный прогресс, носителем которого являются трудящиеся массы, зависит от их творческой активности, от того, насколько сознательно могут они управлять собственным развитием, предвидеть объективные последствия своей познавательной и созидательной деятельности. В решении этих проблем колоссальная роль принадлежит научному мировоззрению, непримиримому к любым ложным мировоззренческим, в том числе религиозным, концепциям, препятствующим активной и сознательной деятельности трудящихся масс.

Преодоление всех социальных, идеологических, психологических причин существования религии, как и достижение такого уровня научного познания, при котором не останется места для религиозных трактовок явлений и процессов личной и общественной жизни,— процесс постепенный, он осуществляется с разной степенью интенсивности в той или иной стране, регионе, континенте.

¹ См.: М. Мчедлов. Судьбы свободомыслия в буржуазных странах.— Наука и религия, 1974, № 5; Кичанова И. М. Пути и перепутья буржуазного атеизма. М., 1976.

² La Documentation catholique, 1980, 5.X, p. 882—890.

ВВЕДЕНИЕ	3
 Г л а в а I	
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ	12
К вопросу о взаимодействии религии и политики	—
Воздействие массового религиозного сознания на идеологию и политику церкви	35
О причинах, порождающих активизацию религии в различных регионах мира	66
 Г л а в а II	
ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КЛЕРИКАЛИЗМА	78
Особенности клерикального антикоммунизма	79
Использование ислама и иудаизма в реакционных политических целях	97
Альянс правых клерикалов с империалистической реакцией	109
 Г л а в а III	
НОВОЕ И СТАРОЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ	118
Особенности модернистских тенденций в теологических системах	—
Модификации, не затрагивающие основы официальной социальной доктрины	144

Глава IV

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ В МИСТИЧЕСКОМ ОБРАМЛЕНИИ 171

Расслоение в современных религиозных организациях: причины и последствия 172

О диалектике демократических движений и их идеологий 196

Ленинский принцип единства марксистов и трудящихся-верующих в борьбе за социальный прогресс 209

Борьба за мир и сотрудничество всех людей доброй воли 229

Глава V

ГУМАНИЗМ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ 239

К вопросу об отношении социалистического общества к религии и верующим —

Демократические, научные средства преодоления религиозной идеологии 248

Миран Петрович МЧЕДЛОВ

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Заведующий редакцией *А. В. Белов*

Редактор *Н. А. Баранова*

Младший редактор *М. В. Архипенко*

Художник *С. А. Мительман*

Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 3250

Сдано в набор 20.04.82. Подписано в печать 12.07.82. А00129. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,90. Условн. кр.-отт. 11,90. Учетно-изд. л. 12,92. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 2279. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

М. П. Мchedлов РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ